

Министерство высшего и среднего специального образования
Республики Узбекистан
Самаркандский государственный институт иностранных языков

БАХОДИР РИЗАЕВ

**Функционально-семантическое поле
лимитативности
в современном немецком языке**

Самарканд- 2013

Ризаев Б.Х.

**Функционально-семантическое поле лимитативности
в современном немецком языке.**

Самарканд: СамГИИЯ. – 2013 – 162 с.

В монографии рассматривается широкий круг проблем, связанных с планом содержания и выражения категории лимитативности, которая представляет собой ядро функционально-семантического поля аспектуальности в современном немецком языке.

Для научных работников общезыковедческого профиля, специалистов-германистов, докторантов, магистрантов и студентов-филологов.

Ответственный редактор

- доктор филологических наук

В.М. Павлов

Рецензенты

- доктор филологических наук А.М. Бушуй

- кандидат филологических наук А. Нурмухамедов

Посвящается памяти моего Учителя -
профессора Владимира Михайловича Павлова

Введение

Аспектологическая проблематика, относящаяся к числу наиболее сложных и спорных разделов немецкого языкознания, характеризуется в специальной литературе наличием в ней множества дискуссионных, нередко взаимоисключающих точек зрения. "Трудно назвать какую-либо другую проблему в немецком языкознании, в отношении которой было бы высказано такое множество спорных и взаимоисключающих точек зрения, какое мы видим при рассмотрении проблемы вида в немецком языке" [Гарифулин, 1969: 143]. Это высказывание в полной мере относится ко всей немецкой аспектологии.

Известно, что начало учению о немецкой аспектологии было положено под влиянием славянской аспектологии германистами 19 и начала 20 вв. [Я. Гримм, А. Лескин, В. Штрейтберг, Л. Зюттерлин, Г. Пауль, О. Бехагель, К. Бругман и др.]. Несмотря на более чем вековой путь своего развития немецкая аспектологическая наука характеризуется обилием противоречивых, зачастую полярно противоположных аспектологических концепций. Единственно общепринятым результатом является то, что немецкий язык не обладает морфологически сигнализируемой видовой категорией, которая бы соответствовала основному типу славянского глагольного вида. Но и в наше время мы встречаем работы, в которых не разграничиваются видовые понятия и понятия предельности/непредельности (П/НП). Ряд противоречивых и часто взаимоисключающих точек зрения наблюдаются в плане определения семантики аспекта и его языкового статуса, семантической зоны способов действия (СД) и средств их выражения, классификации глаголов по отношению к значению П/НП, места и роли временных форм глагола в выражении аспектной семантики и др.

Цель настоящей монографии состоит в следующем: на основе критического осмысления современного состояния немецкой аспектологии и синтеза всего рационального в ней, опираясь на достижения современной лингвистики и общей аспектологии, подвергнуть анализу план содержания и план выражения составляющих семантической категории лимитативности, образующей ядро функционально-семантического поля аспектуальности. Анализ проводится на основе синтеза направлений от значения к форме и от формальных средств выражения к семантическим функциям.

В связи с этой общей целью в задачи исследования входит:

1) рассмотрение этапов развития немецкой аспектологии и характеристика ее современного состояния;

2) разработка теоретических предпосылок анализа и описания поля лимитативности;

3) анализ семантики аспекта и его статуса в "безвидовом" немецком языке и средств выражения аспектной семантики;

4) критика имеющихся классификаций глаголов по отношению к значениям предельности/непредельности и обоснование тройственной классификации глаголов по их акциональному признаку П/НП;

5) анализ и описание структурно-семантических особенностей лимитативно нейтральных глаголов и глаголов "непосредственного, непрерывного эффекта";

6) рассмотрение проблемы способов действия;

7) анализ аспектуальной семантики сочетаний с функциональными глаголами (СФГ);

8) установление комплекса типов трансформативных и статальных аспектуальных ситуаций (АС);

9) характеристика аспектной семантики временных форм немецкого глагола.

Методологической и теоретической базой исследования являются такие диалектически гибкие и емкие понятия высокого уровня всеобщности как «единство в многообразии» [Ильенков, 1960], как понятие "многоаспектно-доминантная природа грамматических явлений" [Адмони, 1961], "полевая структура [Адмони, 1964; Бондарко, 1972; Павлов, 1998];

В работе используются разнообразные современные методы анализа и описания языковых фактов. Ведущим методом анализа является "интерпретационный" [А.В.Бондарко] подход к изучению аспектологических явлений, восходящий к В. фон Гумбольдту и А.А. Потебне, который предполагает анализ собственно языковой семантики, репрезентируемой теми или иными средствами языка, а не непосредственно "логических смыслов" и отношений в реальной действительности. Функционально-репрезентативный и системный подход к анализу аспектуальных ситуаций (АС) позволяет раскрыть внутренние связи между разноуровневыми элементами, составляющими АС, т.е. прежде всего между категориальными значениями лексем и значениями временных форм. При определении акциональной характеристики глагольной лексемы используется также содержательный ономаσιологический анализ, дистрибутивный метод, количественный анализ.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем: 1) прослеживаются основные этапы развития немецкой аспектологии, оценивается ее современное состояние, выявляются противоречия существующих аспектологических концепций как в общих, так и в частных вопросах; 2) на основе комплексного анализа проблемной ситуации, сложившейся на современном этапе развития немецкой аспектологии, разрабатывается собственная концепция, ориентированная на выявление соотношений между акциональными характеристиками глагольных значений в их обобщенно-языковом статусе и вариантами их аспектных реализаций в различных временных формах в условиях конкретных высказываний; 3) выдвигается и обосновывается принципиально новый подход к классификации глаголов по отношению к акциональным признакам предельности/непредельности; 4) описываются специфические особенности лимитативно нейтральных глаголов и глаголов "непосредственного, непрерывного эффекта" немецкого языка и анализируется их функционирование в составе АС в различных временных формах; 5) обосновывается положение о том, что акциональная характеристика глагольной лексемы в отличие от ее аспектной характеристики не находится в прямой зависимости от ее речевой реализации; 6) доказывається, что на формирование акциональной характеристики глагольной лексемы непосредственно воздействует весь комплекс признаков, входящих в лексико-семантический потенциал конкретного глагола с одним и тем же "вещественным" значением; 7) подвергается анализу семантика аспекта, определяется его статус в "безвидовом" немецком языке, обосновывается субъективно-объективный характер аспектных семантических содержаний процессности и терминативности; 8) устанавливается комплекс трансформативных и статальных типов АС, демонстрируется их вариативность, в частности возможности сопряжения в них контрастных аспектных признаков; 9) временные формы немецкого языка рассматриваются как ядро поля лимитативности, дается характеристика их аспектной семантики, выявляются доминирующие аспектные признаки временных форм.

Тем самым налицо достаточная широта охватываемой проблематики в области аспектологии: «историография лингвистики, оценка отдельных ученых, направления и традиции в лингвистике, значимость отдельных научных парадигм, методологические и эпистемологические вопросы истории и историографии языкознания, исторические модели анализа этапов развития лингвистики: модель прогресса через накопление фактов, модель маятник с ориентацией на фактические данные и теорию, модель борьбы между основным течением науки и скрытым течением, модель

борьбы между тенденциями продолжения традиций и отвергания традиций и т.д.» [Т.А. Бушуй, 2011, с. 4].

В предлагаемой монографии были использованы материалы докторской диссертации и ранее опубликованных работ (монографий и статей) автора, как в дополненном и переработанном виде, так и без принципиальных изменений.

Глава 1. Основные этапы развития немецкой аспектологии и ее современное состояние

1.1. Критический анализ аспектологической литературы

Сфера аспектуальности включает в себя помимо категории вида такие понятия, как предельность/непредельность (П/НП) и способы действия (СД) - явления, которые тесно переплетаются в функционально-семантическом отношении с категорией вида. Что же объединяет названные категории в одну сферу? То, что все эти категории указывают, "как протекает во времени или как распределяется во времени" обозначенный глаголом процесс (действие, состояние, событие и т.д.) (ср. определение вида, которое дает А.М.Пешковский [1956:105] и замечание Ю.С.Маслова о том, что это определение является общим для аспектуальности [1984: 6]).

История германской, в частности и немецкой, аспектологии освещена во многих работах аспектологов. В российской аспектологии это работы Н.В. Гейна [1950], Б.М.Балина [1955], Ю.С.Маслова [1962], Н.А.Тороповой [1966], Л.Б.Гарифулина [1972], И.-Э.С. Рахманкуловой [2004]. Этот вопрос довольно подробно освещен в работах В.Шлахтера [Schlachter, 1959], В.Поллака [Pollak, 1962], К.Хегера [Heger, 1965], С.-Г. Андерссона [Andersson, 1972] и др. Не останавливаясь подробно на истории изучения аспектуальных содержаний в немецком языке, отметим только основные моменты, сыгравшие определенную роль в развитии немецкой аспектологии.

Известно, что развитие германской аспектологии тесно связано со славянской аспектологией, под влиянием которой собственно и формировалось учение об аспектологических семантических категориях в германистике. Это влияние прослеживается в сочинениях Я.Гримма, А.Лескина, В.Штрейтберга, Л.Зюттерлина, Г.Пауля, О.Бехагеля, К.Бругмана и других германистов 19 и начала 20 веков. Они выделяли в немецком языке глаголы "перфективные", типа *kommen*, *erblühen* и "имперфективные", типа *gehen*, *blühen*. Терминам "перфективный" и "имперфективный" придавались значения совершенного (СВ) и несовершенного видов (НСВ). Многим немецким приставкам приписывалась "перфективирующая сила", т.е. считалось, что при присоединении приставки к имперфективному глаголу он превращается в перфективный, ср. *schlafen* - *einschlafen*, *lesen* - *durchlesen*. Германисты этого периода, учитывая прежде всего внешне-структурное сходство между префиксальными глаголами славянских и германских языков, "не видели существенного содержательного различия между славянской

перфективностью и предельностью глагольного действия в германских языках..." [Маслов, 1978: 40], и на этой основе в немецком языке признавалось наличие категории вида. Тогда не было замечено, что приставочные глаголы типа приведенных на самом деле могут выражать как значение, присущее форме СВ, так и значение формы НСВ славянского глагола, т.е. einschlafen может соответствовать как глаголу в форме "заснуть", так и "засыпать", durchlesen - как "прочитать", так и "прочитывать". Несостоятельность позиции В.Штрейтберга и его последователей была доказана уже Б.Дельбрюком [Delbrück, 1897] и другими учеными. Однако еще длительное время в работах германистов немецкий язык рассматривался как язык, обладающий категорией "вида".

Хотя понятие о пределе, известное с середины 16 в. (см. [Andersson, 1972: 28]), было введено в активный оборот в конце 19 в., а С.Агрель провел разграничение понятий способа действия (Aktionsart) и вида (Aspekt) в 1908 г. [Agrell, 1908], только в 1963 году Э.Кошмидер на 5-ом Международном конгрессе славистов в Софии с удовлетворением мог отметить, что "теперь мы не будем, как раньше, противопоставлять имперфективный "бить" = schlagen перфективному "убить" = erschlagen, имперфективный "бить" и "перфективный "побить" соответствует немецкому schlagen, а имперфективный "убивать" - перфективный "убить" - соответствует немецкому erschlagen" [Koschmieder, 1963: 1]. В этой же работе Э.Кошмидер отмечает, что несмотря на многие исключения в принципе установлено теоретическое разъединение лексических групп СД и признана бинарность вида для каждого лексического содержания глагола, т.е. оппозиция имперфективность/перфективность. Что касается дефиниции собственно оппозиции имперфективность/перфективность, то здесь нет пока единства мнений [Koschmeider, 1963: 1].

Выделение понятия "способов действия" (Aktionsarten) и их отграничение от категории вида, проведенное С.Агрелем, способствовало развитию нового направления в немецкой аспектологии и привело к обстоятельному изучению СД. Исследования велись в основном на морфологическом уровне, и СД выделялись на основе их формальных показателей. Многие немецкие лингвисты стали связывать "видовые" значения с наличием в глаголе трех фаз действия - начала, процесса (течения) и завершения (ср. erblühen - blühen - verblühen), выделять фазовые и нефазовые СД.

Весьма существенную роль в немецкой аспектологии сыграло учение о предельных и непредельных глаголах ("терминативные/курсивные", "конклюзивные/неконклюзивные", "терминативные/атерминативные", "Grenzbezogenheit/Nichtgrenzbezogenheit" - "соотнесенность/несоотнесенность с пределом"). При выделении аспектуальных значений начали

учитывать не только роль префиксов, формирующих тот или иной способ глагольного действия, но и семантику глагола независимо от его морфологического состава и словообразовательной формы. Новым направлением в изучении аспектуальности немецкого языка явился переход к исследованию аспектуальных значений в области словосочетаний различных типов. Объектом исследований стали аспектуальная семантика разного рода синтаксических конструкций и влияние контекстных ситуаций на формирование того или иного аспектуального признака [Балин, 1955; 1969а; Moser, 1962].

Последовал период колебаний и перехлестов, период полного отрицания аспекта в немецком языке (особенно характерный для российской немецкой аспектологии). Больше стали говорить о СД, о значении предельности/непредельности. Стали избегать употребления терминов "аспект", "категория вида" в немецком языке. Интересно, что кандидатская диссертация Б.М.Балина, посвященная аспектологическим проблемам немецкого языка, называется "О роли словосочетаний и контекста в разграничении "способов протекания действия" в современном немецком языке" /Балин, 1955/. Лингвисты стали оперировать терминами "достигнутость"/недостигнутость предела" действия (Erreichung/Nichterreichung einer Grenze der Handlung [Andersson, 1972]) и зачастую ставить знак равенства между СВ русского глагола и значением достигнутой (или преодоления) предела, которое обычно выражается в немецком языке на синтагматическом уровне. Аспектуальные признаки начали выявлять чуть ли не в каждой части речи (das Entstehen - процессность, die Entstehung - терминативность [Hollmann, 1937]).

Многочисленные факторы, служащие для уточнения аспектологических значений, приводятся М.Дейчбейном: роль форманта *es*; особый порядок слов; элемент *da*, вводящий предложение, сочетания с *tun* и даже прилагательное в краткой форме (см. подробнее [Гарифулин, 1969: 117]). В.С.Пачковский связывает значения совершенности и длительности с управлением глагола (и фразовым ударением): *Ich ging im Zimmer* (длительность) - *Ich ging ins Zimmer* (законченность) [Пачковский, 1955]. Были определены различные "фигуры аспектологического контекста", влияющие на формирование значений достигнутой/недостигнутой предела (ДП/НДП) [Балин, 1969]. Неоднократно делались попытки выработать лингвистические критерии распределения глаголов по классам предельных и непредельных (см. [Морковина, 1968; Балин, Нефедов, Морковина 1971; Нефедов, 1968; Petkov 1965; Andersson, 1972; Рахманкулова, 2004]).

Аспектуальные признаки были обнаружены и в области фразеологии (см. работы Л.Б.Гарифулина), с аспектологических позиций рассмотрению

были подвергнуты и так называемые "сочетания с функциональными глаголами" (Funktionsverbgefüge) [Polenz., 1963; Schmidt, 1968; Ризаев, 1988: 73-79].

По мнению Л.Б.Гарифулина, происходит "распыление внимания ученых на многочисленные, нередко незначительные моменты аспектуальности" [Гарифулин, 19726]; путь к преодолению атомизма он видит в теории В. Флемига, призывающей к объединению многочисленных способов действия, к выделению в немецком языке широких категорий плана содержания, в частности категории акциональности (Aktionsart und Aktionalität) наряду с такими категориями, как время и темпоральность (Tempus und Temporalität) [Flämig, 1971]. В.Флемиг, справедливо говоря об отсутствии в немецком языке грамматической системы средств выражения аспектуальных содержаний, отмечает, что если хотят вообще найти в немецком языке упорядоченную грамматизованную систему членения процесса, то ее следует искать в области временной системы [Flämig, 1971:283]. Данной проблеме было посвящено немало исследовательских работ (см. [Рябова, 1953; Балин, 1969а; Жеребков, 1970; Махонина, 1972; Домбровская, 1974; Кульбакин, 1983; Павлов, 1984; Мыркин, 1989; Ризаев, 1992, 1999, 2003, 2008] и др.).

Ставший в 1960-1970 гг. популярным подход "от функций к средствам" (от значения к форме) самым непосредственным образом коснулся и проблем немецкой аспектологии. Так, Б.М.Балин разработал учение о языковой понятийной категории аспектуальности [Балин, 1969а 1969б]. Выявлению средств выражения данной понятийной категории посвящено также немало работ, выполненных под руководством Б.М.Балина.

Объектом специальных исследований, как в плане выражения, так и в плане содержания явились частные аспектуальные функционально-семантические поля (ФСП) в немецком языке. Так, В.В.Климов исследовал выражение начала глагольного действия в процессе развития немецкого языка [Климов, 1969]. Морфологические и аналитические средства выражения фазы начала процесса в современном немецком языке в сопоставлении с узбекским выявляет А.Нурмухамедов [Нурмухамедов, 1976]. Работа Б.Л. Лихтеревой посвящена исследованию имманентных немецкому языку средств выражения начинательности на синхронном срезе [Лихтерева, 1974]. Поле завершительности немецкого глагольного действия в контрастивном плане (немецкий и английский языки) анализируется в работе В.М.Зорьевой [Зорьева, 1979]. Объектом исследования Б.Х.Ризаева становится грамматическое значение фазы прекращения процесса и круг аналитических средств его выражения в современном немецком языке (в приложении к диссертации анализу

подвергаются аналогичные средства в узбекском языке) [Ризаев, 1981]. О.Д.Гакен исследует систему средств выражения итеративности глагольного действия [Гакен, 1979].

Целый ряд работ, посвященных проблемам германской аспектологии, выполняется в контрастивном ключе в сопоставлении с русским языком и другими языками (см. [Роганова, 1953; 1961; Кульбакин, 1977; Малышкина, 1983; Мыркин, 1981, 1986, 1989; Габдрахманова, 2009] и др.). Контекстуальные средства выражения аспектуальных содержаний исследуются в работах Б.М. Балина (см. библиографию), Н.А. Тороповой [1966, 1968], В.В. Климова [1968], Э.С.Башкирцевой [1970], Н.В. Илькив [1981], В.Я.Мыркина [1981], Р.А.Малининой [1983], М.К.Шейной [1984] и др.

В 1980-1990 годах особое внимание стало уделяться, с одной стороны, вопросу взаимодействия аспектуальных содержаний с другими грамматическими явлениями (см. [Шубик, 1984: 166-174; Бондарко, Калиущенко, Павлов, 1991]) и, с другой стороны, проблеме комбинаторики самих аспектуальных значений внутри поля аспектуальности [Бондарко, 1987: 85-121; Lallement, 1989; Ризаев, 1989; 1991].

В конце XX и начале XXI века появляются монографии Б.Х.Ризаева, посвященные анализу аспектной семантики временных форм немецкого глагола (Ризаев, 1999; 2003; 2008).

Казалось бы, всеми аспектологами уже безоговорочно установлен факт отсутствия в современном немецком языке грамматической категории вида, однако к вопросу о наличии или отсутствии этой категории постоянно возвращаются и по сей день. Так, И.-Э.С. Рахманкулова, опираясь на работы крупных авторитетов в области изучения аспектуальной проблематики (К. Бругмана, Б. Дельбрюка, В. Штрайтберга, А.В. Бондарко и Б.М. Балина), пытается "перелопатить" (*durchstöbern*) весь строй (*Sprachbau*) немецкого языка с целью выявления наличия в немецком языке противопоставлений по виду, аналогичному противопоставлению двух видов (совершенного и несовершенного) в славянских языках (см. [Рахманкулова, 2004]). Автор приходит к выводу о том, что «Даже выход в контекст, привлечение параллельных конструкций, расширенного контекста в рамках лингвистики текста (школа Б.М. Балина) не дают положительного ответа относительно наличия вида в немецком языке. Здесь скорее решается вопрос о возможности перевода с русского языка на немецкий». В тоже время И.-Э.С. Рахманкулова отмечает, что «Все средства выражения акциональности в немецком языке не носят системного характера но, выступая в определенном контексте, они все-таки обнаруживают основные оттенки противопоставления по линии совершенности – несовершенности».

Автор приходит к «той точке зрения, что способы глагольного действия в русском языке служат скорее возможности проявления нюансированности лексического значения, а в немецком языке способы глагольного действия (акционсарты) являются базой для контекстуального проявления совершенности - несовершенности через предельность - неопределенность. Это вытекает из четкой логики подразделения всех немецких способов глагольного действия на средства выражения предельности и неопределенности» [Рахманкулова, 2004].

В российской немецкой аспектологии, правда, теперь не говорят о морфологической категории аспекта, а оперируют понятиями семантической категории (или даже лексико-синтаксической категории). Так, встречаем утверждения такого рода, как, например: "категория вида" "имеет в немецком языке не грамматический, а лексико-синтаксический характер" [Зеленецкий, Монахов, 1983: 130]. Одни лингвисты основное различие между СВ русского языка и значением ДП в немецком языке видят в основном лишь в том, что первый (СВ) "уже на парадигматическом уровне маркирован наличием выраженности внутреннего предела действия", а второе (ДП) в немецком языке, приравняемое к значению СВ, выражается на уровне синтагматики [Балин, Бурмистрова, Колосова, Малышкина и др., 1979]. Это положение основывается, главным образом, на переводимости значений совершенного вида русского языка на немецкий. Другие лингвисты уточняют, что средствами немецкого языка передается в каждом конкретном случае одно какое-либо значение СВ [Kühnl, 1975; Мыркин, 1981].

Оригинальную трактовку категории аспектуальности, под которой автор понимает скорее всего совокупность значений П/НП глаголов и фазовость ("ступенчатость") протекания действия, дает А.В. Баклушин. Подвергая критике тезисы одних лингвистов и, трактуя по-своему определения других авторитетов в области аспектологии, А.В. Баклушин утверждает: "Примером грамматической категории является категория аспектуальности в современном немецком языке" [Баклушин, 1989: 58]. Приводится ряд аргументов.

Во-первых, утверждение М.М. Гухман о том, что "в немецком языке отсутствие противопоставления морфологических форм по виду исключает возможность моделирования видового поля" [1971: 169-170], по мнению А.В.Баклушина, "не учитывает всех фактов языковой действительности, ведет к схематическому обеднению грамматической теории, к игнорированию целого ряда глаголов и сочетаний с аспектуальной семантикой: *beginnen, anfangen, fortfahren, fortsetzen* (? - Б.Р.), *aufhören, pflegen* и др. с *zu* + инфинитив" [там же: 52]. Отметим, что

наличие глаголов и сочетаний с аспектуальной семантикой не является достаточным аргументом для признания в немецком языке грамматической категории аспектуальности.

Во-вторых, факт наличия грамматической категории аспектуальности в немецком языке, по мнению А.В.Баклушина, подтверждается высказыванием Ю.С.Маслова о том, что наряду с отсутствием глагольного вида как грамматической категории в ряде языков "аспектуальные значения, так или иначе выраженные, представлены повсюду" [там же: 58]. Это высказывание Ю.С. Маслова ни в коей мере не подтверждает позицию А.В.Баклушина. Именно Ю.С.Маслов в той же работе утверждает, что "о виде уместно говорить только применительно к таким языкам, в которых те или иные аспектуальные значения (т.е. значения, относящиеся,... к протеканию и распределению глагольного действия во времени) получают о т к р ы т о (или чисто) грамматическое выражение (разрядка моя - Б.Р.), т.е. в значительной части глагольной лексики выступают как противопоставление словоформ одного глагола" [Маслов, 1984: 9].

В современной аспектологии к языкам, обладающим грамматическими аспектуальными категориями, относят не только те, в которых грамматикализована оппозиция СВ:НСВ (целостность:нецелостность), но и те, в которых грамматизированы другие видовые оппозиции. Различают оппозиции перфект:аорист (представлена в романских, некоторых славянских, албанском, армянском, турецком и др. языках); прогрессив : непрогрессив (в английском, испанском, португальском). В некоторых языках существует видовая оппозиция кратности (итеративности) и/или обычности (см. [Маслов, 1984: 19-32]). И именно Ю.С.Маслов отмечает, что ни одна из этих оппозиций не имеет в немецком языке грамматического статуса. Так, говоря об оппозиции прогрессив: непрогрессив, он отмечает, что эта оппозиция не получила развития в немецком, "где находим лишь слабые ростки прогрессива в нечастых оборотах вроде *er ist beim (am) Schreiben*, *er ist im Schreiben begriffen*, *er ist dabei zu schreiben*, просторечных и отчасти даже диалектно окрашенных, и в ... уже вовсе диалектном (рипуарском) *er war den Brief am Schreiben* (с винительным падежом!)" [Маслов, 1978: 30-31].

Далее А.В. Баклушин отмечает, что "в отличие от ядра (морфологической категории) функционально-семантического поля в понимании А.В.Бондарко оппозиция скрытых грамматических значений неопределенности-предельности в нашем понимании репрезентирует грамматическую категорию аспектуальности" [Баклушин, 1989: 59]. Из этого высказывания можно сделать, пожалуй, вывод, который напрашивается как из содержания этого высказывания, так и из многих положений разбираемой

работы, о том, что, по А.В. Баклушину, грамматическую категорию репрезентируют в основном скрытые грамматические значения типа П/НП.

Аналогичным образом, только теперь уже ссылаясь на высказывания А.В.Бондарко и интерпретируя их по-своему, А.В.Баклушин выделяет в немецком языке грамматическое поле таксиса. По мнению автора, сочетания типа *sehen, hören, fühlen* + инфинитив представляют собой "регулярные грамматические единства со скрытым грамматическим значением таксисного отношения одновременности действий, что позволяет считать их аналитическими образованиями в пределах грамматического поля таксиса" [там же: 143-144]. Утверждая, что немецкое сочетание типа *sehen* + инфинитив адекватно "русскому компоненту в сложноподчиненном предложении с "изъяснительной" придаточной частью типа «Она видела, как он поднимается по лестнице» (пример заимствован из работы [Бондарко, 1984: 78]), А.В.Баклушин не замечает, что, во-первых, подобные компоненты А.В.Бондарко относит к числу периферийных, и, во-вторых, на вопрос, является ли таксис грамматической категорией, дает отрицательный ответ. Так, в той же работе читаем, что грамматическая категория "предполагает единство не менее двух противопоставленных друг другу граммов (находящихся в отношении оппозиции или неопозитивного различия)" и что в случае с таксисом такое противопоставление отсутствует [Бондарко, 1984: 86].

Возвращаясь к утверждению А.В.Баклушина о том, что аспектуальность в немецком языке является "грамматической категорией", отметим неаргументированность такого утверждения не только по отношению к безвидовому языку, но и по отношению к языкам с развитой видовой системой. Аспектуальность понимается обычно как "семантический категориальный признак "характер протекания и распределения действия во времени" и вместе с тем как группировка ФСП, объединенных этим признаком" [Бондарко, 1987: 40]. Данным термином охватывается как "качественная", так и "количественная аспектуальность". Если "качественная аспектуальность" включает в себя фазовые характеристики процесса и связана с полем лимитативности, то "количественная аспектуальность" - характеристики действия иного рода, то есть кратность, длительность и интенсивность. Отсюда вытекает, что термином "аспектуальность" обозначается зона смыслов, выходящая за рамки единого признака и включающая как фазовые характеристики процесса, так и характеристики его длительности, кратности, прерывности" [Лейкина, 1985: 21].

Более того, В.С.Храковский, касаясь в частности "количественной аспектуальности", считает, что явления, связанные "со счетом (количество

"крат", непрерывность/прерывность), и явления, связанные с измерением (длительность, интенсивность)" - это "разнокачественные и логически неоднородные явления, о чем свидетельствует тот факт, что кратность, длительность и интенсивность могут сочетаться друг с другом и следовательно характеризуют одно и то же действие с разных сторон". Далее В.С.Храковский приходит к выводу о том, что "за термином "количественная аспектуальность"... не стоит какое-либо родовое обобщающее содержательное понятие, и он служит всего лишь меткой для объединения трех самостоятельных семантических признаков, каждый из которых в принципе мог бы реализоваться в виде отдельной категории" [Храковский, 1989: 10-11].

Таким образом, "аспектуальность" (как и таксис) не представляет собой грамматической категории по той причине, что не обладает характерными признаками, присущими понятию "грамматическая категория". Мы вслед за А.В.Бондарко рассматриваем "аспектуальность" как обобщающее понятие, охватывающее группировку различных ФСП, объединенных общим признаком "характер протекания действия во времени".

Одной из самых больших работ по немецкой аспектологии является двухтомное исследование шведского аспектолога-слависта С.-Г. Андерссона [Andersson, 1972; 1978]. Первый том называется "Категория аспекта и способов действия в русском и в немецком языках" ("Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen"). После выхода этой работы один из рецензентов отметил, что наконец решена проблема вида в немецком языке. Правда, рецензент почему-то не уточнил, как именно решена эта проблема, в отрицательном или в положительном плане. Сам С.-Г.Андерссон в развернувшейся между ним и Л.Юхансоном полемике на вопрос, существует ли в немецком языке категория аспекта, отвечает уклончиво. Он говорит, что признание наличия или отсутствия аспекта в немецком языке зависит от того, как понимать категорию аспекта: "Es hängt davon ab, was man unter Aspekt versteht, und unter existiert" [Andersson, 1976: 39]. Этот ответ С.-Г. Андерссона говорит о многом, а точнее - о непростой ситуации, сложившейся в аспектологической литературе, особенно зарубежной. При этом, с одной стороны, вряд ли имело бы под собой почву утверждение о том, что некоторые лингвисты до сих пор признают наличие грамматической категории аспекта, аналогичной славянскому виду. Говоря словами Л. Юхансона, "никакой современный исследователь языка не будет утверждать, что немецкий язык обладает морфологически сигнализируемой видовой категорией, которая бы соответствовала основному типу славянского глагольного вида" [Johanson, 1975: 123]. С другой стороны, мы в любой

аспектологической работе, вышедшей за рубежом, сталкиваемся с термином *Aspekt*. И далеко не редко под этим термином понимается не просто понятийная семантическая категория, совпадающая в общих чертах с содержанием славянского вида, но и грамматическая (морфологическая) оппозиция имперфективность: перфективность" (см. [Lallement, 1989: 266]).

Возврат к старым моделям интерпретации аспектуальных значений, предложенных еще германистами конца 19 - начала 20 в., наблюдается нередко в работах аспектологов 1970 -1980 гг. Так, С.-Г.Андерссон, анализируя работы скандинавских аспектологов, отмечает, что в большей части работ не учитываются аргументы и результаты современной аспектологии. Такие лингвисты, как Э.Велландер [Wellander, 1964], Э.Андерссон [Andersson, 1977], К.Шнейдер [Schneider, 1977] исходят из старых моделей, предложенных еще В. Штрейтбергом, А. Нуреном, М. Дейчбейном [Andersson, 1978: 9]. Примером такого подхода, несмотря на все положительные стороны, может служить работа Х.Веркюля [Verkuyl, 1972]. Х. Веркюль под термином «аспект» понимает семантическую оппозицию “длительность/недлительность” (Durative/-Nondurative), и значение каждого из членов данного противопоставления определяется с помощью теста на сочетаемость соответственно с временными конкретизаторами типа *wie lange?* и *in welcher Zeit?* Отметим, что еще в 1927 г. Э.Герман, пользуясь этим же тестом, выделил в противоположность субъективному виду (курсивный вид – комплексный вид) вид объективный (дуративный и недуративный виды); при этом он под дуративными и недуративными глаголами понимал неопределенные и предельные глаголы [Герман, 1962: 44-58]. В дальнейшем аналогичным тестом на сочетаемость с обстоятельствами времени, отвечающими на вопросы «как долго?», «с каких пор?», «до каких пор?» пользовались для выявления П/НП глагольного значения, а не видового противопоставления (см.. например [Морковина, 1968]). По мнению же Х.Веркюля, его дуративный/недуративный аспект является идентичным славянскому виду. Так, по Х.Веркюлю, в сочетании *Den Hirsch jagen* реализуется дуративный аспект (der Durative Aspekt), а в *den Hirsch erjagen* – недуративный аспект (der Nondurative Aspekt). Совершенно правы Х.Г.Клейн [Klein, 1974: 95] и С.-Г.Андерссон [Andersson, 1978: 10-11], которые считают, что Х.Веркюль, говоря об аспекте, на самом деле имеет дело с Aktionsart, а точнее с категорией П/НП. С.-Г.Андерссон утверждает, что Х.Веркюль „irrtümlicherweise – die Begriffskategorie Gbz/Ngbz mit dem slavischen Aspekt identifiziert” [Andersson, 1978:10] - (Gbz – Grenzbezogenheit; Ngbz – Nichtgrenzbezogenheit).

Во многих исследованиях (в большей части контрастивных) наряду с полным или частичным отрицанием грамматической (морфологической) категории вида в немецком языке утверждается, что славянская (русская) видовая аспектуальная оппозиция передается с помощью целого ряда гетерогенных, большей частью несистемных средств. Так, например, У.Закер [Sacker, 1983] в зависимости от средств выражения аспектуальных значений выделяет три типа аспекта: 1) синтагматический аспект (грамматические средства - Einsatz der Tempusgefüge); 2) деривационный аспект (морфологические средства - употребление префиксов); 3) контекстуальный аспект (лексические конструкции, П/НП, наречия и т.п.) [Sacker, 1983: 210]. М. Маркус отмечает, что "аспект" в немецком языке, ввиду отсутствия морфологического признака, выражается на уровне синтагматико-прагматического контекста с помощью в основном временных конкретизаторов [Markus, 1977: 91]. Х. Гросс (см. рецензию С.-Г.Андерссона [Andersson, 1974], а также [Andersson, 1978: 11]), сопоставляя "глагольный аспект", присущий английскому и русскому языкам, с немецким, целью своей работы ставит исследование тех языковых средств, "которые служат в немецком языке для выражения понятийной категории аспекта". В результате критического анализа определений общего значения аспекта в видовых языках Х.Гросс в качестве базисного понятия выбирает "процессность/целостность" ("Verlauf - Ganzheit") и показывает, что многие "аспектуальные случаи", рассматривавшиеся раньше в немецком языке как аспектно релевантные, на самом деле не являются таковыми. Критический анализ 14 типов "видовых случаев в немецком языке" позволил А. Гроссу выделить три первичных средства выражения видовых противопоставлений: war beim (am) Schreiben - schrieb; sie kochte gerade - (dann) kochte sie, darauf ... (здесь решающую роль играет контекст из-за полесемии наречий); das narrative Inzidenzschema, т.е. ситуация, - "когда одно действие происходило, наступило другое" - während er las, trat sie ins Zimmer, bzw. er las, sie trat (plötzlich) ins Zimmer [Andersson, 1977: 354]. Отметим, что результаты, полученные Х. Гроссом в плане выражения аспектуальных значений, во многом отличаются от данных, представленных, например, в работе Б.М.Балина и В.А.Жеребкова (см. [Balin, Zerebkov, 1973]).

Так, если в последней работе в качестве "ядерной части" средств выражения семантической оппозиции имперфективность : перфективность выступают глаголы, которым свойственна неопределенная/определенная семантика (30% всего лексико-синтаксического поля средств выражения), то у Х.Гросса П/НП глагольной лексики в выражении аспектной оппозиции процессность:целостность занимает всего 18,5%. И напротив, если у

Х.Гросса собственно грамматические, строевые средства (обстоятельства времени - 50%, союзы - 11,2%, описательные конструкции и причастия - 7,3%, сочетания с "функциональными глаголами", Streckformen,- 3,1%, модальные частицы типа wie, da - 1,5% и т.п.) представляют в совокупности основной корпус аспектно релевантных средств, а ситуационные типы Inzidenzschema занимают довольно скромное место (5,6%), то Б.М.Балин и В.А.Жеребков на первое место среди средств (относимых авторами к числу периферийных) выдвигают "фигуры аспектологического контекста", а именно Reihenfolgefigur - сопряженность действий в последовательности и Synchronisationsfigur - синхрония действий, параллелизм действий, которые составляют 20% всего поля. Прочие "периферийные" средства аспектуально релевантного контекста охватывают в нем менее 10% всех случаев [Balin, Zerebkov, 1973: 13].

Такая разница в показателях частотности употребления тех или иных аспектно релевантных средств объясняется различием позиций исследователей. Так, если для Б.М.Балина и ряда его последователей важно выявление не только собственно языковых, но и экстралингвистических факторов (см. ниже), то для Х.Гросса существенным представляется именно исследование маркированных языковыми средствами аспектуальных содержаний, которые по его данным составляют всего лишь 22% от всех подвергнутых анализу случаев (1100 глаголов с аспектуальной функцией из 5000 проанализированных). В остальных 78% случаев выражение аспектуальных значений "процессность/целостность" зависит от контекста, как речевого, так и внеязыкового, ср.: die aspektuellen Bedeutungen 'Verlauf bzw. 'Ganzheit' werden aus der Aktionsart jedes Vorgangs und der Situation, in der stattfindet, also aus dem „Zusammenhang“ verstanden“ [Andersson, 1974: 355]. По оценке С.-Г. Андерссона, Х. Гросс оставляет без должного внимания вопрос об аспектуальных ("нетемпоральных, немодальных") функциях временных форм немецкого глагола. Б.М.Балин и В.А. Жеребков хотя и дают некоторым категориальным формам их аспектуальную характеристику, тем не менее считают, что временные формы "нельзя причислять к аспектуальным средствам", ибо они являются лишь "регуляторами их распределения" [Balin, Zerebkov, 1973: 13].

Широко распространенной в российской немецкой аспектологии является теория "языковой понятийной категории аспектуальности" (ЯПК асп.), разработанная Б.М.Балиным (на основе теории И.И. Мещанинова) и принятая на вооружение многими его последователями. В сущности не будет преувеличением сказать, что преобладающее большинство работ по немецкой аспектологии в России было выполнено на основе этой теории и под непосредственным руководством Б.М.Балина. В дальнейшем нам

нередко придется обращаться к работам представителей этой школы, поэтому считаем целесообразным остановиться здесь на упомянутой выше "ЯПК асп.". Сущность этой категории заключается в следующем: "Основное или стержневое содержание ЯПК асп. определяется как высшая абстракция в характере протекания глагольного действия, фиксируемая с помощью лингвистических проб лишь на уровне синтаксиса и выступающая в виде бинарной семантической оппозиции, сильный член которой, достигнутый предел (ДП), маркирован значением преодолённости предела действия (начинательного или завершительного), а для слабого члена, недостижимость предела НДП), характерно отсутствие этого качества" [Балин, Бурмистрова, ... и др. 1979: 30]. Все средства выражения ЯПК асп. объединяются авторами под термином "аспектологический контекст", последний включает в себя не только чисто языковые средства, но и ситуативные, или экстралингвистические факторы.

Приведем схему аспектологического контекста:

Из схемы видно, что аспектологический "контекст" объединяет не только синтаксический (на это указывает определение ЯПК асп.), но также лексический и морфологический уровни системы языка. По мнению авторов, на разных линейных отрезках текста доминирует одно из средств обозначенных на схеме уровней. Поэтому и лексическая семантика и морфологическая семантика представлены на схеме как отдельные составляющие аспектологического контекста [Балин, Бурмистрова, Колосова и др. 1979: 31-32].

Подробно о составляющих аспектологического контекста говорится во многих работах представителей данного направления и, в частности, в рассматриваемой коллективной монографии. Хотя авторы отмечают, что доминантой ЯПК асп. в немецком языке, как языке безвидовом, является семасиологическая глагольная категория П:НП, все же определение сущности ЯПК асп., данное выше, убеждает в том, что ядро данной категории - значение ДП/НДП, связанное, естественно, с категорией П/НП, но не совпадающее с ней. Такая теоретическая платформа дает основание не признавать грамматической категории вида в немецком языке и в то же время, ссылаясь на то, что "понятие вида и ЯПК асп. наилучшим образом определяется через наличие или отсутствие у действий исчерпанности внутреннего предела" [Балин, 1969: 39], считать эти понятия сходными. Такого мнения придерживается, например, А.А.Кульбакин, который, считая ДП/НДП вторым после П/НП компонентом аспектуальности немецкого языка, пишет: "Названная категория, объединяющая средства выражения достигнутой/недостигнутой предела действия, может рассматриваться как семантическое соответствие русским видам" [Кульбакин, 1977: 5].

Отметим, что представители данного направления в аспектологии, как и некоторые другие лингвисты, ставящие знак равенства между значениями ДП и совершенного вида, исходят прежде всего из факта переводимости значений русского совершенного вида средствами немецкого языка. Так, Б.М.Балин считает очень важным следующий вывод С.-Г.Андерссона: "При переводе русского текста на немецкий..., как правило, не требуется компенсировать отсутствие грамматической категории вида добавлением языкового материала к тому, что уже содержится в русском тексте" [Балин, 1974: 15]. Несостоятельность данного тезиса, нам кажется, доказывает работа М.К. Шеиной "Добавки, компенсирующие аспектуальную недостаточность немецкого глагола в переводах с русского на немецкий". В этой работе считается доказанным, что "в безвидовом языке, каковым является немецкий язык, переводческая добавка нередко оказывается в тексте единственным средством экспликации значений ДП или НДП и способа действия,

заданного текстом ИЯ" (языка-источника - Б.Р.) [Шеина, 1984: 2]. Существенно отметить, что критика исходит часто от последователей Б.М.Балина (см. ниже высказывания А.М.Колосовой, Э.С.Башкирцевой, Ю.Н.Третьяковой и др.).

Важное место в системе средств выражения значений ДП/НДП в немецком языке в теории Б.М.Балина занимают "фигуры аспектологического контекста" - "сопряженность действий в последовательности" (СПД), "параллелизм действий", "единичность объекта". Последующие исследования, проведенные как представителями указанного направления, так и другими лингвистами, показали, что "фигурам аспектологического контекста" нельзя категорично приписывать однозначные аспектуальные значения. Так, утверждение о том, что единичность объекта (или субъекта) всегда сопряжена со значением ДП, а множественность объекта (или субъекта) - со значением НДП, далеко не во всех случаях подтверждается языковой практикой. Так, А.П. Колосова [Колосова, 1970:12] отмечает, что употребление прямого дополнения во множественном числе может быть связано и с ДП. Автор приводит следующие примеры: *Punk bohrte in den Rucksack auf seinen Knien zwei Kuhlen; Ist's denn wahr, daß sie die Kirchen in Flandern geplündert haben?* И наоборот, дополнение в единственном числе может быть связано и с НДП: *Er hatte Material gesammelt* и т.п. Что касается сопряженности действий в последовательности, которая считается очень сильной фигурой аспектологического контекста, то, например, Э.С.Башкирцева утверждает, что "уточнение характера протекания действия немецкого глагола – несобственная функция ряда СПД" [Башкирцева, 1970: 16]. Ю.Н.Третьякова отмечает: "Фигуры аспектологического контекста - единичность объекта и сопряженность действий в последовательности оказались еще менее действенным средством нейтрализации основной аспектологической тенденции ультранепредельных глаголов. Нейтрализация НП- семы не происходит даже в случае употребления данных глаголов с прямым дополнением в ед. числе, являющимся очень действенным средством актуализации значений ДП у обычных НП-глаголов" [Третьякова, 1986: 10]. По мнению автора, наиболее большей аспектологической релевантностью обладают обстоятельства. Т.Н.Александрова показала, что с фигурой "синхрония или параллелизм действий" могут быть связаны не только значения длительности, повторяемости, процессности. Она отмечает, что "на фоне длительности" может наблюдаться и "действие со значением аспектуальной завершенности" [Александрова, 1977: 8].

Согласно теории ЯПК асп., которая наиболее обобщенно представлена в указанной ниже работе Б.М.Балина и В.А.Жеребкова, для германских языков принимается такая система, где аспектуальность

представляет собою лексико-синтаксическую полевую структуру. В плане содержания ядром этого поля является семантическая оппозиция "перфективность": "имперфективность" (т.е. ДП:НДП), которая понимается в смысле "временного ограничения или неограничения глагольного действия" [Balin, Zerebkov, 1973: 8]. В плане выражения ядром этого "перфективно-имперфективного" поля представляется имманентная глагольной лексеме терминативность/ атерминативность" (т.е. П/НП). По мнению авторов, все германские глаголы на семасиологическом уровне без труда распределяются по П- и НП- группам, причем предельные глаголы проявляют четкую потенцию к выражению перфективности, а неопредельные - имперфективности [там же: 10]. Здесь же отмечается, что эти аспектуальные потенции глагольных лексем реализуются регулярно только в каждом третьем случае в синтагматической цепи. Такая особенность реализации аспектуальных потенций глагольных лексем в речевом контексте объясняется возможностью нейтрализации и конвертируемости указанных аспектуальных признаков. Как было показано выше, в рамках теории ЯПК асп. особо важная роль отводится соответствующим фигурам аспектологического контекста.

Сходную теоретическую позицию при исследовании поля аспектуальности немецкого языка занимает в упомянутой выше работе С.-Г. Андерссон, опирающийся в своей теории прежде всего на ситуационные типы "Eintritt" и "Währen", разработанные Э.Кошмидером как типы ситуаций, отражающие денотативное содержание соответствующих форм вида славянских языков. Термин Währen обозначает такой тип ситуации объективной действительности, когда действие или состояние находится в процессе протекания в соответствующий момент времени. Понятие Eintritt денотативно связано с наступлением какого-либо нового действия (состояния). По мнению Ю.С. Маслова, С.-Г.Андерссон "использует теорию ситуационных типов, справедливо считая, что в межязыковых сопоставлениях и, в частности, при анализе переводов важен именно учет внеязыковой ситуации, о которой идет речь" [Маслов, 1976:128]. Отметим, что преимущественное обращение к фактам самой объективной действительности для выявления соответствующих аспектуальных содержаний С.-Г. Андерссон оправдывает прежде всего отсутствием в немецком языке морфологической категории вида [Andersson, 1972:192]. Содержание ситуационных типов Eintritt и Währen покрывается понятиями ДП и НДП, ср.: "Die Begriffe Eintritt (Totalität) und Währen decken sich mit dem, was ich "Erreichung einer Grenze der Handlung" bzw. "keine Erreichung einer Grenze der Handlung" nenne, um den Bezug zu den Begriffen grenzbezogene Handlung - nichtgrenzbezogene Handlung auf rektioneller Ebene deutlich herauszuheben" [там же: 193].

В качестве обобщающего понятия, охватывающего всю совокупность аспектуальных значений, С.-Г.Андерссон вслед за В.Флемингом избирает термин "акциональность" (Aktionalität). В рамках акциональности автор выделяет три различных уровня выражения акциональных значений – лексематический уровень, рекциональный (уровень словосочетания) и уровень "связи предикатов". С.-Г.Андерссон проводит четкое разграничение двух семантических оппозиций - оппозиции Grenzbezogenheit: Nichtgrenzbezogenheit (П:НП), которая проявляется на двух первых уровнях, и оппозиции Erreichung:Nichterreichung einer Grenze der Handlung (ДП: НДП), выявляемой только на уровне "связи предикатов". Ю.С.Маслов справедливо отмечает, что "основной пафос" концепции С.-Г.Андерссона состоит именно в четком разграничении этих уровней и что "главный (и совершенно справедливый) упрек, который Андерссон бросает традиционным теориям "перфективности и имперфективности в немецком" ("perfektive und imperfektive Aktionsart"), это – неразличение уровней, объединение и смешение под одним названием двух разных семантических оппозиций, принадлежащих разным ярусам языковой структуры" [Маслов, 1976:127]. В отличие от многих аспектологов Ю.С. Маслов приветствует также и выделение С.-Г. Андерссоном обширной группы глаголов лексематически нейтральных по отношению к значению П/НП [там же: 127].

Поддерживая в основном положения С.-Г.Андерссона о разграничении уровней и выделении нейтральных глаголов, мы имеем свою особую точку зрения на принципы, как разграничения различных уровней языковой структуры, так и классификации глаголов по соответствующим акциональным классам. Об этом речь пойдет в третьей главе настоящей работы. Здесь же мы остановим внимание на термине "акциональность" (Aktionalität), который избирается С.-Г.Андерссоном на месте уже широко применяемого в общей аспектологии термина "аспектуальность", введенного А.В.Бондарко. Четкое разграничение понятий П/НП и ДП/НДП говорит о том, что мы имеем дело с различными, хотя и взаимосвязанными, семантическими оппозициями, ср.: "вторая оппозиция функционирует только в рамках первого члена первой оппозиции, т.е. в рамках предельности ... там, где нет предела не может быть и достижения предела" [Маслов, 1976:129]. Если оппозиция П : НП связана с наличием или отсутствием признака направленности к пределу, то оппозиция ДП/НДП - с признаком реализованности или нереализованности потенциального предела. Если в первом случае уместно говорить об "акциональности" (термин произведен от "Aktionsart", а СД обычно подразделяются на предельные и непредельные), то во втором случае целесообразно говорить о собственно "аспектном" противопоставлении. Поскольку акционально-аспектные значения тесно связаны с признаком

предела и вне "предела" реализоваться в сущности не могут, то мы в качестве понятия, обобщающего эти "акционально-аспектные" значения, избираем термин "лимитативность" (от лат. *limes*, *-mitis* "граница"), введенный в аспектологию Х.К.Серенсеном еще в 1949 г. [Серенсен, 1962:184] для определения семантической зоны видовых категорий ("совершенный + несовершенный вид", "аорист + имперфект").

С нашей точки зрения, основное различие между "аспектуальностью" и "акциональностью", с одной стороны, и "лимитативностью", с другой, состоит в том, что если первые охватывают всю семантическую зону акционально-аспектных значений, включая как качественную, так и количественную характеристику глагольного действия (качественную и количественную аспектуальность), то "лимитативность" объединяет только такие признаки глагольного действия, которые непосредственным образом связаны с понятием потенциальной и реальной предельности.

Таким образом, "лимитативность" - это обобщенное наименование ядерной части семантической зоны "аспектуальности" и "акциональности". В поле лимитативности акциональный и аспектный компоненты тесно взаимосвязаны; при этом второй компонент находится в зависимом отношении к первому.

Почти никем не отрицается тот факт, что категория предельности/непредельности - ядро поля аспектуальности немецкого языка. Однако нет единого мнения о том, является ли эта категория лексической, лексико-грамматической или же синтаксической. Нерешенным остается и вопрос о распределении глаголов по аспектуальным классам предельных и непредельных. Так, одни и те же глаголы разными авторами относятся к разным акциональным классам. Например, глагол *gehen* попадает то в класс предельных, то в класс непредельных [Andersson, 1972]. Одни настаивают на бинарной классификации (четкое распределение всех глаголов только на предельные и непредельные [Machonina, Balin, Pitschuewa, Nefjedow, 1971]), другие предпочитают тройственную группировку [Oksaar, 1958; Petkov, 1965, Andersson, 1972; Павлов, 1984; Ризаев, 1990; Рахманкулова, 2004], считая, что значительная масса глаголов немецкого языка нейтральна в отношении предельности/непредельности. Первые считают целесообразным проводить такую классификацию только на уровне слова (в форме инфинитива) и призывают не учитывать аспектуальные признаки, проявляющиеся в речевых реализациях конкретных глаголов: "Предельными следует считать те глаголы, которые уже в форме инфинитива, то есть вне контекста, содержат в своем значении указание на стремление к пределу (началу, концу), который может иметь место в данном действии (процессе)"

[Балин, 1963:68]. Представители тройственной классификации с полным основанием включают в семантический потенциал конкретной лексемы те значения, которые присущи данному языковому знаку "во всем многообразии его речевых реализаций" [Павлов, 1984: 53]. Ю.С.Маслов отмечает, что о "предельности/непредельности следует говорить применительно не к глагольной лексеме вообще, а применительно к каждому отдельному значению или даже употреблению глагола" [Маслов, 1978: 50].

Отметим также, что если некоторые авторы считают возможным переход конкретного глагола под влиянием контекста то в разряд предельных, то в разряд непредельных [Торопова, 1968: 22-28], то другие убеждены в том, что происходит лишь нейтрализация того или иного аспектуального значения и что предельный глагол не может перейти в непредельный, и наоборот [Морковина, 1968: 5].

Значительное место в аспектологической проблематике занимают вопросы, связанные с понятием способов действия. Прошло уже более 100 лет со времени выделения способов действия [Agrell, 1908], однако и сегодня проблемы, связанные с этой категорией, далеки от однозначного решения. К основным проблемам относятся следующие: а) является ли данная категория чисто семантической, словообразовательной, или лексико-грамматической; б) имеются ли четкие критерии выделения СД и чем следует руководствоваться при классификации СД; в) является ли категория СД субъективной или объективной; г) какими средствами выражаются СД в том или ином языке. На все эти вопросы мы находим в аспектологической литературе разноречивые ответы (см. четвертую главу).

К числу вопросов, не имеющих еще однозначного решения, относится также проблема, связанная с участием временных форм немецкого глагола в выражении аспектуальных значений. Немало веских доводов имеется у тех, кто склонен рассматривать соответствующие формы как чисто временные. Не меньше аргументов у тех лингвистов, которые рассматривают аспектуальные функции временных форм как сопряженные с темпоральными. Особенно противоречивыми являются суждения о форме претерита, которая признается то чисто временной, которой вообще не свойственно значение имперфективности [Dieling, Kempter, 1983: 47], то "нейтральной" в отношении аспектуальных значений [Балин, 1969а: 113; Andersson, 1972, 1978; Илькив, 1981:8; Кульбакин, 1983:17]. Существует также мнение о том, что в большинстве случаев употребления форме претерита свойственна потенция выражать действие в его протекании в прошлом, т.е. признак процессности [Flämig, 1971; Домбровская, 1974]. Некоторые лингвисты к числу "нейтральных" в

отношении аспектных значений относят наряду с претеритом и форму перфекта (см. [Мыркин, 1989]).

Таким образом, и в этой аспектологической проблематике наметились два противоположных направления. Одни германисты рассматривают "временные" формы как темпоральные [Balin, Zerebkov, 1973; Кульбакин, 1983; Andersson, 1978], другие же находят достаточные основания характеризовать их как "видо-временные" [Домбровская, 1974; Harweg, 1976; Павлов, 1984; Ризаев, 1999].

1.2. Характерные тенденции в развитии немецкой аспектологии

Анализ литературы, посвященной в основном аспектологическим проблемам немецкого языка, позволяет говорить о следующих характерных тенденциях в развитии немецкой аспектологии.

Во-первых, "аспектуальность" или "акциональность" применительно и к немецкому языку рассматривается как функционально-семантическое поле, характеризующееся в плане содержания как охватывающее обширную зону разных по уровню своей абстрагированности смыслов, "связанных с отражением в сознании особенностей развертывания процессных признаков предметов и отношений (связей) между последними" [Насилов, 1989:34]. В плане выражения семантически неоднородное общее ФСП аспектуальности может репрезентироваться набором разноуровневых языковых средств. Часть аспектуальных смыслов может выражаться какими-либо грамматическими средствами и тем самым приобретать статус грамматических значений.

Во-вторых, и на материале немецкого языка наметилась тенденция четкого различения аспектуальных значений, связанных с понятием реального достижения предела (начального и конечного) глагольным действием, аспектуальных признаков, связанных с понятием потенциального предела (П/НП) и значений СД, которые в свою очередь подразделяются на акциональные группировки в зависимости от наличия/отсутствия в семантике глагольной лексики признака потенциального предела. Важность и перспективность этой тенденции, отмечаемой в разноязычной аспектологической литературе, состоит в том, что исследователи различают аспектуальные свойства глагольного значения на системно-парадигматическом, собственно языковом уровне рассмотрения и аспектуальные признаки "протекания действия", как оно представлено в конкретном высказывании. Различение этих двух планов анализа связано с необходимостью выяснить взаимоотношения между аспектуальными характеристиками глагола в языке и глагольных словоформ в различных контекстных условиях употребления. Сами эти аспектуальные признаки являются хотя и соотносительными, но содер-

жательно они различны. Поэтому, как было уже отмечено выше, мы считаем целесообразным закрепить за аспектуальными свойствами глагола и аспектуальными признаками действия в высказывании обобщающие термины, которые фиксируют соответствующие различия "уровней" анализа. Будем условно именовать аспектуальные свойства "языкового" глагола "акциональными", а признаки, которые глагольное слово-значение приобретает под воздействием конкретно-речевой среды, назовем "аспектными".

В рамках общей аспектологии наметилась тенденция, согласно которой аспектуальная характеристика приписывается не столько самой глагольной лексеме или конкретной глагольной словоформе, сколько всему высказыванию, или всей ситуации, с предикативным ядром. Так, Л.Юхансон проводит разграничение семантических признаков в рамках "аспектуальной фразы" и "акциональной фразы" [Johanson, 1971]. А.В.Бондарко говорит о том, что хотя аспектуальные значения сосредоточены прежде всего "в сфере глагольного предиката, в сфере действия", однако они выходят "за пределы действия-предиката". Далее отмечается, что речь может идти "об аспектуальной характеристике не только предиката, но и высказывания в целом (хотя во всех случаях эта характеристика относится прежде всего к предикату и шире - к "предикативному центру", включающему предикат и детерминирующие его элементы)" [Бондарко, 1987: 40]. В.С.Храковский отмечает, что "естественным объектом аспектологического анализа является не просто действие или предикат, а ситуация, выражаемая в предложении". Он подчеркивает, что "различные свойства, обычно приписываемые действиям или предикатам, фактически оказываются свойствами ситуаций [1989 :12]. В соответствии с этой тенденцией мы выбираем следующие терминологические обозначения: "акциональная фраза", "аспектная ситуация" и "аспектуальная ситуация". Под "акциональной фразой" мы понимаем синтагму, внутри которой определяется акциональная (предельная/непредельная) характеристика глагольной лексемы. Высказывание, в рамках которого выявляется аспектная характеристика глагольного действия (достигнутость/недостигнутость предела), обозначим термином "аспектная ситуация". Что же касается термина "аспектуальная ситуация" (АС), то его мы будем применять в тех случаях, когда в рамках высказывания анализу подвергается взаимодействие акциональных и аспектных признаков.

В-третьих, в немецкой аспектологии наметилась устойчивая тенденция рассматривать в качестве грамматических средств выражения аспектной семантики систему временных форм глагола. Система временных форм рассматривается многими аспектологами как система, в

которой оказываются сопряженными аспектные и темпоральные значения. Имеется достаточно оснований понимать "временные формы" как "видо-временные", или "аспектно-темпоральные". В своем исследовании мы будем придерживаться именно такой точки зрения.

На современном этапе развития немецкой аспектологии почти ни одна проблема, касающаяся аспектуальной семантики и средств ее выражения, не решена однозначно. По каждой проблеме имеется по крайней мере два различающихся и нередко противоречащих друг другу подхода. Пожалуй, единственно решенной однозначно проблемой является вопрос об отсутствии в немецком языке грамматической категории вида. При этом утверждении каждый раз приходится прибегать к добавлению: "аналогичной славянской грамматической категории вида", имея в виду, что славянский вид охватывает всю систему глагольных форм и наличествует на системно-парадигматическом уровне не только в словоизменительных формах глагола, но и в его исходной форме, в форме инфинитива. Здесь не лишним будет напомнить о том, что идея чисто грамматического (морфологического) статуса славянской категории вида поддерживается далеко не всеми аспектологами. Наряду с наиболее распространенной точкой зрения о том, что видообразование - это формообразование в пределах одной глагольной лексемы, существуют также мнения, согласно которым вид рассматривается как лексико-грамматическая или даже как лексическая категория [Дешериева, 1979: 35]).

Справедливое и обоснованное утверждение об отсутствии в немецком языке грамматической категории вида в упомянутом выше смысле не препятствует, однако, германистам говорить о понятийной категории "аспекта", репрезентируемой в немецком языке различными языковыми средствами в рамках речевого высказывания. Более того, как было показано выше, некоторые германисты считают возможным говорить о грамматической (морфологической) категории вида, имея в виду известные противопоставления временных форм немецкого глагола. Все это подтверждает суждения Ю.С. Маслова о том, что "... для признания какого-либо грамматического различия в том или ином языке видовым (аспектуальным) ... существенны не внешние формы выражения этого различия, не то, выражается ли оно строением глагольной основы, окончаниями, аналитическими средствами и т.д., а в первую очередь его содержательная сторона" [Маслов, 1978: 5]. Видимо, следует согласиться с тем, что если "какой-нибудь язык или группа языков не обладает грамматическими формами аспекта в смысле славянского вида, то это вовсе не говорит о том, что соответствующее содержание не может быть выражено функционально-семантическим путем" [Balin, Zerebkov 1973:5].

Иными словами, понятийная категория аспекта или "языковая понятийная категория аспектуальности" имеет "интралингвистический характер, т.е. может считаться семантической универсалией" [там же: 6].

Представитель когнитивной лингвистики Т.В. Белошапкова в работе, выполненной в ракурсе когнитивно-дискурсивного подхода описания аспектуальности (на материале русского языка) считает аспектуальность и вид разнокачественными явлениями. Аспектуальность она причисляет к номинативной, а не к понятийной категории: «... категорию аспектуальности следует интерпретировать как номинативную». Для автора номинативная категория аспектуальности состоит из следующих семантических параметров составляющих однократность, длительность, фазовость, результативность, множественность, интенсивность, соотношение с нормой» [Белошапкова 2008:12]. Это позволяет говорить о том, что категория аспектуальности являет собой набор девяти концептов- примитивов (единичность, длительность, начало, продолжение, конец, результативность, повторяемость, степень проявления, соотношение с нормой), служащих для модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, - осмысление которых происходит с помощью трех когнитивных моделей: пропозициональной, образно-схематической, метафорической.

Глава 2. Семантика аспекта и его статус в "безвидовом" немецком языке. Средства выражения аспектной семантики

2.1. К проблеме аспектологической терминологии

Несмотря на достаточно длительный путь своего развития и принятые лингвистами усилия, аспектология на сегодняшний день не обладает однозначно признанным инвентарем основных аспектологических терминов. Многие аспектологи отмечают актуальность вопроса о единстве мнений по данной проблематике, отмечают отсутствие единства терминологии, отраженной в специальном словаре; говорят о чрезвычайном распространении терминологических синонимов и омонимов [Труды 1997:149; Васильев, 1999; Титаренко, Черткова, 2004, и др.]. Позиции аспектологов не совпадают даже по таким базовым терминам, как вид, аспект, предельность, способ действия, акционсарт.

По мнению В.И. Васильева «Категория акционсарта используется в настоящее время в качестве некоего мусорного ящика, куда складывают все проявления деривационной лексической или иной непарадигматической видовой семантики. Таким образом, все, что в грамматике конкретного языка является не строго регулярным, считается акционсартом» [Васильев, 1999:43].

Кажется, что всеми аспектологами уже принято, что «аспект» является эквивалентом термину «вид». Однако до сих пор встречаются употребления данного термина не в значении реальной, но потенциальной «предельности» т.е. под «аспектом» имеют в виду не значения достигнутой/недостигнутой предельности (ДП/НДП), а значения предельности/непредельности (П/НП), связанные лишь наличием или отсутствием признака направленности к пределу. По этой причине употребление таких терминов как «аспектная предельность», «аспектный характер» глагола, «аспектное значение» глагола, «аспектные группы» глаголов, «нейтральный аспект», при классификации немецких глаголов по отношению к признакам потенциальной предельности/непредельности [Рахманкулова, 2004] вызывает некоторое недоумение (см. [Ризаев, 2013]).

Как видно, в общей теории аспектологии все еще существует проблема. Дело в том, что «протеворечивость и пестрота суждений об одном и том же языке явно демонстрирует очевидную иррациональность. Зачастую так называемая вульгарная аксиология (т.е. теория оценок), как правило, гипертрофирует несущественные из выделяемых признаков языка» [А.М.Бушуй, 2004, с. 5].

Обратимся к содержанию и статусу терминов, употребляемых для обозначения "аспектной оппозиции". Не углубляясь в историю вопроса, которая довольно подробно рассмотрена во многих аспектологических исследованиях, отметим, что наиболее распространенными в настоящее время являются следующие обозначения: в российской немецкой аспектологии - НДП/ДП, в зарубежной германистике - "имперфектив/перфектив", в славистике - "процессность/целостность". Впрочем, здесь нельзя провести четкого размежевания по географическому или языковому признаку. Так, например, С.-Г. Андерссон использует понятие НДП/ДП, Х.Гросс "процессность/целостность", а Б.Я.Мыркин - "протяженность/непротяженность", и т.п. Все эти обозначения семантических оппозиций объединяются или понятием "аспект" (вид) или же, как было показано выше, входят в качестве составного элемента в более обобщенное понятие типа "аспектуальность" (или "акциональность").

2.2. «Способы рассмотрения» аспектной семантики

Под "аспектом" часто понимают и всю совокупность аспектуальных значений, охватывающих как "грамматическую" категорию "имперфективность/перфективность", так и лексико-грамматическую категорию П/НП, а также различные лексико-семантические группировки способов действия (Aktionsarten). Так, Р.Лалlement, опираясь на данные различных грамматик немецкого языка ([Duden-Grammatik, 1984: 93; Helbig/Buscha, 1980; Heideloph, Flämig, Motsch, 1981]), утверждает, что понятие "аспект" охватывает "две реальности: одной соответствуют грамматические явления, связанные с фазовым членением процесса, а другой - неграмматические явления, связанные со способами действия": "Der Begriff Aspekt umfaßt zwei Realitäten: der einen entsprechen grammatische Erscheinungen, es handelt sich um Aspekt im Sinne von Phase; der anderen entsprechen nicht-grammatische Erscheinungen, es ist Aspekt im Sinne "Aktionsart" [Lallement, 1989: 264]. Ядерным, центральным значением аспекта автор считает фазовость: "Wir befassen uns dabei mit der Phase, dem zentralen Begriff von Aspekt, die bei der Bestimmung der Aspektualisierung im Rahmen eines ganzen Satzes ausschlaggebend ist" [Lallement, 1989: 266]. Грамматическая категория аспекта представлена в анализируемой работе как противопоставление фазовых грамматических значений "имперфективность"/ "перфективность", которые репрезентируются посредством следующих морфологических оппозиций в индикативе: презенс/перфект, претерит/ плюсквамперфект, футурI/футурII. Что касается аспекта в смысле способов действия (Aktionsarten), то он охватывает другие аспектуальные значения, которые выражаются посредством "неграмматических форм". Имеются в виду прежде всего семантическая оппозиция Durativ/Punktuell (например,

leben/sterben), которая по мнению автора, напоминает оппозицию "имперфектив/перфектив", и шесть других выделяемых автором СД: Ingressiv (initiiieren), Egressiv (schließen), Mutativ (reifen), Intensiv (saufen), Diminutiv (flüstern) и Iterativ (blättern). Отметим, что позиция автора напоминает нам времена К.Бругмана, когда все аспектуальные значения объединялись под одним термином. Правда, в тот период эту роль выполняло понятие Aktionsart [Brugmann, 1904].

Содержание термина "аспект", определение его статуса в том или ином языке зависит прежде всего от позиции конкретного лингвиста, от исследовательской направленности той или иной аспектологической работы. Если исследование носит контрастивный характер и посвящается сопоставительному анализу аспектуальных содержаний видовых и невидовых языков (в частности славянских и германских), то традиционно исходным, отправным пунктом рассмотрения является система видового языка. Здесь возможны два варианта. Первый из них характеризуется тем, что в безвидовом языке пытаются найти способы передачи соответствующих значений видовых форм исходного языка. Возможность передачи видовых значений, скажем, русского языка средствами немецкого языка дает основания говорить о наличии в немецком языке понятийной категории, в большей или меньшей мере аналогичной русскому виду. Прав Л. Юхансон, утверждая, что в таких случаях аспект представляется просто: "русские видовые формы и их передача в немецком языке" [Johanson, 1975:124]. При этом учитываются как собственно языковые средства, так и внеязыковые ситуации. Такой подход характерен для многих российских аспектологов, прежде всего для представителей калининской аспектологической школы (см. [Роганова 1953, Балин 1963, Шеина 1984, Малышкина 1977] и др., а также [Petkov, 1965, Andersson, 1972]).

Второй вариант отличается тем, что исходят также из содержания аспекта видовых языков, но в безвидовом языке исследуются лишь формально маркированные аспектуальные содержания. Опора на грамматическую категорию аспекта видовых языков заставляет исследователя искать в безвидовом языке языковые средства выражения эквивалентного аспектуального содержания. Такой методикой анализа характеризуется работа Х.Гросса (см. рецензию С.-Г.Андерссона [Andersson, 1977]).

Тесно связан с контрастивным подходом и подход, определенный Л. Юхансоном как "метаязыковой, или "ономасиологический", способ рассмотрения" [Johanson, 1975: 124]. Его связь с контрастивным подходом заключается в том, что "ономасиологический способ рассмотрения" опирается на выявленные при сопоставительном анализе

немецкие переводные эквиваленты, и уже на этой основе исходят из языкового (и экстралингвистического) представления "ситуационных типов", устанавливаются и систематизируются возможные средства выражения в немецком языке. При таком подходе статус вида (аспекта) носит иной характер. Содержание вида покрывается понятиями, связанными с "фигурами аспектологического контекста" или ситуационными типами *Währen*, *Eintritt*. По справедливому замечанию Л. Юхансона, вид (аспект) здесь может пониматься как обозначение реальных отношений между действиями безотносительно к тому, покрываются эти понятия функциями чужой видовой системы или нет [там же: 124].

Отличное от двух названных подходов направление представляют те лингвисты, которые стремятся в немецком языке найти имманентные языковые категории видового характера. "Аспект" понимается в этом случае в лингвистическом смысле как "формально сообщаемая "открытая" или формально "скрытая" (*detectable*) категория". Такой подход Л.Юхансон называет "структурным способом рассмотрения" [там же: 124].

Отметим, что эти три способа рассмотрения "аспекта" могут применяться при исследовании как изолировано (полная доминанция одного из трех подходов), так и в их комбинациях (часто комбинируются два первых метода). Так, например, если работы З.Е.Рогановой и Н.В.Малышкиной выполнены явно в контрастивном плане, то исследования П.Петкова, Б.М.Балина, Н.В.Морковиной, З.Д.Нефедова, С.-Г.Андерссона и др. аспектологов могут оцениваться как работы, в которых представлены оба первых "способа рассмотрения". Работа Х.Гросса репрезентирует комбинацию "контрастивного" и "структурного" методов исследования аспекта в немецком языке. По мнению Л.Юхансона, исследование С.-Г.Андерссона "колеблется в некотором отношении между всеми тремя способами рассмотрения" [там же: 124]. Сам С.-Г. Андерссон в ответе на критику Л.Юхансона категорически отказывается от третьего типа исследования аспекта, утверждая, что он не относит понятийную категорию ДП/НДП к числу имманентных немецкому языку грамматических (языковых) категорий [Andersson, 1976: 38, 46; Andersson, 1972: 38-42] и, что он вообще не примыкает ни к одному из направлений, признающих категорию вида в немецком языке [Andersson, 1976:38]. С нашей точки зрения, утверждение С.-Г. Андерссона о том, что П/НП образует в немецком языке "грамматически релевантную понятийную категорию" [Andersson, 1972: 62], выделение на структурном уровне "*preidikatsverbindende Grenzbezogenheit*" т.е. категорию ДП/НДП, его заявление о том, что эта категория является семантическим соответствием русской видовой оппозиции СВ : НСВ,

уклончивый ответ на вопрос, есть ли в немецком языке категория вида, с одной стороны, и категоричное заявление о том, что немецкий язык не обладает грамматической категорией вида, с другой, - все это дает известные основания говорить о непоследовательности исследователя в определении языкового статуса аспекта в немецком языке.

Отметим здесь же, что С.-Г.Андерссон во втором томе своего исследования возвращается к вопросу о том, есть ли в немецком языке категория аспекта [Andersson, 1978: 93-94]. Он полагает, что имманентными немецкому языку могли бы быть "терминальный аспект" ("Terminalitätsaspekt") и "нарративный аспект" ("Narrativaspekt"). Возможность выделения в немецком языке имманентного "терминального аспекта", включающего в свое содержание семантическую оппозицию ДП:НДП, которая тесно связана с "Kohärenzschemata", т.е. с ситуационными типами Eintritt и Währen, С.-Г.Андерссон обосновывает следующими аргументами. Во-первых, в немецкой глагольной системе противопоставление ДП:НДП является "результантом" комбинации "пассив состояния + П/НП¹ и в преобладающей массе также комбинации "перфект, плюсквамперфект + П/НП". Во-вторых, "НДП выражается с помощью перифраз с sein" (имеются в виду перифразы типа dabei sein, daran sein, in etw. begriffen sein; im (am, beim) + subst. Inf. + sein; im Begriff sein). Подобные сочетания, по мнению С.-Г.Андерссона, могли бы рассматриваться как периферийные явления глагольной парадигмы аналогично соответствующим сочетаниям романских языков. В качестве контраргументов С.-Г. Андерссон приводит следующие: 1) при перфекте нет настоящей дихотомии, здесь можно говорить лишь о разных уровнях маркированности различия ДП/НДП – "Bei den Perfekttempora liegt keine echte Dichotomie, sondern nur ein Markiertheitsunterschied in bezug auf EG/NEG vor"; 2) частотность факультативных перифраз является низкой. Что касается "нарративного аспекта", то здесь речь идет об аспектуальной корреляции между историческим презенсом, претеритом и перфектом при их взаимозаменяемости. Противоположными полюсами были бы, по мнению С.-Г. Андерссона, исторический презенс (аналог французскому imparfait narrativ) и перфект. Претерит при этом считается скорее немаркированным. И здесь наряду с аргументами в пользу выделения в немецком языке "нарративного аспекта" приводятся и контраргументы. Аргументами служат соображения о том, что эта оппозиция в глагольной парадигме не обусловлена ни темпорально, ни модально, с одной стороны, и, с другой стороны, при такой оппозиции возникает "сродство" ("Affinität") с частью французской видовой системы и с семантической

¹ Приводятся примеры: Das Aktenstück war verlesen; ... niemand war so geeignet wie sie /Andersson, 1978:50/.

видовой оппозицией summativ:integral. Важным контраргументом является то, что "не сами формы как таковые, а их употребление" образуют в сравнительно узкой области функционального разреза основания для видового понятия [Andersson, 1978: 95-94].

В общем и целом С.-Г. Андерссон приходит к выводу о том, что кажется проблематичным возводить в ранг имманентной немецкому языку категории аспекта какую-бы то ни было семантическую оппозицию. Поэтому он советует при неконтрастивном методе рассмотрения аспектуальной проблематики придерживаться "видоподобной характеристики" и говорить об "аспектоподобных" признаках, если, конечно, "видоподобность" ("Aspektähnlichkeit") действительно обоснована. При контрастивном подходе рекомендуется говорить об "эквивалентных" или "почти эквивалентных" видовых признаках [там же: 94].

Говоря о разнообразии "способов рассмотрения" аспекта в немецком языке, нельзя обойти молчанием и такой подход к проблеме вида, который являясь по сути контрастивным, ибо отталкивается от видовой системы русского языка, все-таки отличается от названных выше. Отличие этого подхода заключается в том, что, с одной стороны, делается попытка выявить семантические варианты содержания членов русской видовой оппозиции и определить возможность их передачи немецкими средствами выражения, а, с другой стороны, выявить специфические особенности аспектуальных содержаний, выражаемых в немецком языке. Такой подход, на наш взгляд, представлен в работах В.Я.Мыркина [1989, 1990 машинопись]. Выявление специфических особенностей аспектуальных содержаний сопоставляемых языков строится на базе универсального фазового членения действия. В.Я. Мыркин считает, что универсальным для обоих языков является четырехфазовое членение процесса: 1) фаза вступления в действие - начал загорать; 2) фаза течения действия - загорал; 3) фаза окончания действия - загорел; 4) фаза результата/состояния - загорел/ загоревший (есть). По мнению автора, основное различие между сопоставляемыми языками в плане аспектуальности состоит в том, что если "в немецком дискурсе обозначается в целом 2 и 4 фазы", то в русском дискурсе "напротив - I и 3 фазы действия". В.Я. Мыркин имеет в виду тот факт, что если в русском языке "он засмеялся" - это I фаза, т.е. фаза вступления в действие, то в немецком языке действие с аналогичным признаком может передаваться (и обычно передается) посредством er lachte (2 фаза). Соответственно трактуются и следующие случаи: рус. "он пошел" (I фаза) - нем. er ging (2 фаза); рус. "он устал" (3 фаза) - нем. er ist müde (4 фаза) и т.п.

Не вступая в полемику, отметим несостоятельность отнесения к фазовым значениям значений, отображаемых посредством невербальных конструкций типа *er ist müde, er ist krank* ("4 фаза"). Как это ни удивительно, но и сам В.Я. Мыркин отмечает неправомерность отнесения "статива" к "аспекту", ср.: "... der Stativ, der meist nichtverbal ausgedrückt wird, gehört dem Aspekt nicht an. Übrigens wird im Deutschen Diskurs im Vergleich zum russischen Diskurs der Stativ vorgezogen, vrg.: *er ist krank* – он заболел; *er ist gewohnt* – он привык; *er ist taub* – он оглох" [Myrkin, Handschrift: 63].

Значит ли, что, признавая понятийную категорию вида семантической универсалией, мы можем проводить полное семантическое отождествление видовых значений, выделяемых в "безвидовых" и "видовых" языках? Можно ли говорить, в частности, об эквивалентности видовой семантической оппозиции, выделяемой под разными наименованиями в немецком языке, и русских значений СВ:НСВ? Этот вопрос не имеет однозначного ответа в немецкой аспектологической литературе, подобно тому, как нет общепринятого определения обобщенного значения славянской категории вида и однозначных дефиниций главных значений членов русской видовой оппозиции. Выше мы уже отмечали, что, например, Б.М.Балин и С.-Г.Андерссон говорят об эквивалентности указанных видовых оппозиций.

Отметим, что С.-Г.Андерссон содержание аспекта ставит в прямую зависимость от метода рассмотрения аспектной семантики: при контрастивном методе он рекомендует говорить об "эквивалентных" или "почти эквивалентных видовых признаках", а при неконтрастивном методе советует придерживаться "видоподобной характеристики" или говорить об "аспектоподобных" признаках (см.выше). В связи с рекомендациями С.-Г.Андерссона возникает вопрос о правомерности определения содержания аспекта в зависимости от способа рассмотрения аспектной семантики. Почему, скажем, содержание понятия ДП/НДП, которого придерживается сам автор, должно меняться при разных методах рассмотрения? Думается, что в рекомендациях С.-Г. Андерссона превалирует именно контрастивный подход к определению содержания аспекта, ибо определения типа "видоподобная характеристика", "аспектоподобные признаки" также предполагают сравнение с иноязычной видовой системой.

В литературе имеются и более однозначные подходы к содержанию аспекта. Так, например, Х.Гросс, судя по тому, что он выбирает термины *Verlauf* и *Ganzheit* (процессность и целостность), не видит существенной разницы в содержательном плане между русскими видовыми значениями и немецкими аспектными признаками (см. с.17-18).

А.В.Бондарко, который твердо придерживается мнения о том, что совершенному виду присущ признак "неделимой целостности", считает, что "неделимая целостность действия - такой семантический признак, который при переводе со славянских языков может теряться без ущерба для основного смысла высказывания". По мнению А.В.Бондарко, при переводах отношение к признаку целостности действия, который обязательно выражается славянским видом, "не является обязательным для передачи основного смысла высказывания". Подчеркивается, что если даже этот признак и "передается за пределами славянских языков различными комбинациями языковых средств в речи, то передается не облигаторно и систематически, а от случая к случаю, когда данный признак нужно подчеркнуть, причем всегда передается не совсем то, что выражает славянский вид" [Бондарко, 1978: 78-79].

Одним из принятых многими лингвистами определений значений членов русской видовой оппозиции является следующее: "СВ, будучи "сильным" членом оппозиции (семантически маркированным и интенсивным, а тем самым и менее многозначным), изображает действие в его неделимой целостности, а НСВ как "слабый" (немаркированный и экстенсивный) член оппозиции оставляет признак целостности/нецелостности невыраженным" [Маслов, 1984: 16-17]. Отметим, что оппозиция "целостность/нецелостность действия" включает признаки ограниченности/неограниченности действия пределом. Существенную роль для выражения целостности/нецелостности действия в русском языке также играет признак локализованности/нелокализованности действия во времени [Бондарко, 1983: 83]. Если какое-либо действие, обозначенное глаголом, достигает своего внутреннего предела (этот достигнутый предел ограничивает дальнейшее протекание процесса) и при этом актуализируется признак конкретной единичности действия, то такое действие рассматривается как неделимое целостное действие, и глагол, обозначающий такое действие, относится к глаголам совершенного вида.

Характерными признаками несовершенного действия являются неограниченность этого действия каким-либо пределом, процессность; часто также повторяемость, здесь же - временная нелокализованность; понятие нецелостности включает эти признаки. Некоторые лингвисты не признают в качестве категориального значения СВ значение неделимой целостности, признавая релевантным только значение достигнутого предела действия, ограниченность действия пределом [Балин, Бурмистрова, Колосова, Малышкина и др. 1979: 78]. В пользу понимания категориального значения СВ как значения неделимой целостности говорят следующие аргументы, приведенные Ю.С.Масловым.

Во-первых, глаголы совершенного вида не могут сочетаться с фазовыми глаголами, обозначающими отдельные фазы глагольного действия (начало, продолжение или прекращение, окончание). Нельзя сказать "он начал (продолжал, перестал) спеть (запеть)". "С помощью форм СВ любое событие, безразлично - мгновенное или длительное, представляется так, что мысль не останавливается на его отдельных фазах, или этапах, не выделяет их".

Во-вторых, формы СВ не способны служить ответом на вопрос "что это ты делаешь?" ("что он делал в тот момент?" и т.п. [Маслов, 1984: 16]. Тем самым имплицитно "непроцессность", характерная для целостного представления действия в форме СВ. Можно привести и другие аргументы в пользу того, что категориальным значением СВ следует признать значение неделимой целостности действия [Размусен, 1891: 379; Бондарко, 1971: 11-21].

Противники определения категориального значения СВ как значения "неделимой целостности" действия считают, что о признаке "неделимой целостности" не может идти речь, прежде всего, в случаях с начинательными глаголами СВ. В связи с этим интересно здесь привести суждения М.Я. Гловинской: "Глагол совершенного вида, как двуликий Янус, обращен одновременно и к прошлому, конец которого он обозначает, и к состоянию – результату этого процесса, начало которого он обозначает. Заснуть - это одновременно и "кончить засыпать" и "начать спать". Видимо, при определении значения совершенного вида в одних случаях акцентировалось первое свойство (называемое законченностью, предельностью), в других - второе (называемое результативностью). В обоих случаях имеется в виду один и тот же момент, но в первом случае он характеризуется с точки зрения того, что ему предшествует, во втором случае - с точки зрения того, что за ним следует. Очевидно, что речь идет об одном и том же моменте, понятия предельности и результативности не тождественны друг другу" [Гловинская, 1982: 10].

Подробный разбор основного категориального значения СВ вызван тем, что оно играет существенную роль в решении вопроса об эквивалентности соответствующих аспектных значений в русском и немецком языках. Принципиальное различие грамматического строя русского и немецкого языков, состоящее в том, что в немецком языке отсутствует грамматическая категория вида, постоянно дает себя знать на различных участках языкового строя.

Возьмем семасиологический уровень языка т.е. аспектуальные (акциональные) признаки глагольной лексики в форме инфинитива немецкого глагола. О какой-то системе формальных средств, специализирующейся на выражении аспектных значений, говорить здесь не при-

ходится. В немецком языке нет ни одной приставки или суффикса, которые выполняли бы функцию показателя процессности или, напротив, целостности (НДП/ДП). В лучшем случае можно говорить о потенциальной направленности действия к своему пределу или отсутствию этого признака. Оговорка "в лучшем случае" здесь не случайна, ибо даже распределение глаголов на предельные и непредельные, связанное со значением потенциальной предельности, представляется для немецкого языка нелегкой задачей (см. третью главу настоящей работы). В русском языке взаимосвязь признака предельности со значением грамматической категории вида благодаря тому, что последняя охватывает всю систему глагольных форм, наличествует на системно-парадигматическом уровне не только в словоизменительных формах глагола, но и в его исходной словарной форме, форме инфинитива: п р е д е л ь н ы й глагол НСВ представляет действие не только как направленное к пределу, но и как процессное, протекающее во времени; глагол СВ также уже в лексемно-абстрактной форме инфинитива изображает действие как достигшее своего завершения и, следовательно, как целостное.

В безвидовом немецком языке положение принципиально иное. Оппозиция П/НП, как оппозиция признаков исходно лексико-семантических, присутствует в обобщенных лексемных глагольных значениях, но уже здесь она, не будучи закреплённой какими-либо связями с грамматической оппозицией видового характера, представлена по сравнению с русским языком в ослабленном виде. Что же касается значений процессности и целостности, то не приходится говорить о их сколько-нибудь последовательном распределении по глаголам в их назывных формах. Есть, правда и исключения. Например, непредельные глаголы допускают только указания на внешний предел длительности протекания действия, ср. глаголы типа *leben*, *sich langweilen*; сюда же относятся глаголы, выражающие различные отношения, типа *gehören*, *sich auf etw. beziehen*, *aussehen*, а также глаголы состояния *warten*, *stehen*, *liegen* и т.д. Нельзя сказать, что подобные глаголы составляют какую-то количественно совсем незначительную группу. Постоянство признака процессности оказывается у таких глаголов проявлением чистой статальности действий, которые они обозначают. Не будучи закреплённым в каком-либо морфологическом элементе глагольной формы, этот признак вместе с признаком непредельности действия оказывается достоянием лексического значения данных глаголов.

Второе исключение - это сравнительно немногочисленные глаголы типа "пунктуальных", "точечных". Здесь также в лексическом значении заключен признак целостности (реального достижения предела): глагол, например, *finden* фиксирует только результативный момент

предшествующего действия "искать" (suchen), глагол treffen (в значении "попасть") - успешное завершение полета какого-то метательного снаряда и т.п.; глагол ankommen выражает завершение действия прибытия в пункте назначения (отсюда и особенность управления этого глагола: локальный предлог типа in с дат. п.).

Диагнозирующую роль по отношению к таким глаголам играет невозможность употребления их в презенсе, имеющем свое примарное значение - изображающем действие в его протекании во временном отрезке, в который входит момент речи (форма презенса этих глаголов выступает или как исторический презенс, или как транспонированная в будущее).

Есть еще также немногочисленная группа глаголов, употребляемых, по всей очевидности, только в перфекте, а для перфекта вообще типично значение целостности. Это такие глаголы, как ausregnen, ср. Es hat ausgeregnet - букв. "вы дождалось полностью", auslernen, ср. Er hat ausgelernt - "он завершил процесс учения" (как правило, профессионального).

Приведенные выше исключения не дают, однако, достаточного основания для полной и однозначной аналогии между русскими глаголами СВ и "точечными" ("перфективными" или "ультрапредельными") глаголами немецкого языка в отношении ДП/НДП. Последние не являются полными семантическими эквивалентами русских глаголов с теми же лексическими значениями. Так, если русские глаголы СВ "найти", "попасть" и "прибыть" всегда и обязательно выражают в соответствии с их объективной характеристикой "моментальное", "пунктуальное" действие или результат предшествующего процесса, а процессное изображение этих действий является уже функцией форм НСВ (находить, попадать, прибывать), то семантическая структура немецких глаголов finden, treffen, ankommen представляется более сложной в аспектуальном отношении. В значениях подобных глаголов наличествует признак предела, который, как правило, представлен как реальный, т.е. как достигнутый, реализованный. Признак актуального предела реализуется обычно, когда указанные глаголы выражают единичные локализованные во времени действия. Однако они же могут выражать и темпорально не локализованные (многократные) действия, которые представляются уже как процессные.

В общем и целом русским глаголам типа "находить/найти" соответствует один немецкий finden, который, выражая, как правило, "целостное" действие, способен также отображать действие в его процессном аспекте.

Что касается подавляющего числа немецких глаголов, в семантической структуре которых наличествует признак направленности к пределу, то наличие этого признака, как правило, создает две возможности употребления данного глагольного значения - процессное употребление, и целостное. Поэтому ни то, ни другое не принадлежит собственно лексическому значению глагола. Лексическое значение немецкого предельного глагола, не говоря уже о нейтральных в плане предельности глаголах, по отношению к признакам целостности/процессности нейтрально.

В поле лимитативности категория П/НП теснейшим образом связана с семантикой ДП/НДП. Если сущность категории П/НП определяется наличием лишь семы потенциального предела в значениях глагольных лексем, т.е. направленности на предел, то в основе семантики ДП/ НДП лежит признак реализации потенциального предела, реальный, актуальный предел. Семантика предела очень подробно рассмотрена в работе А.В.Бондарко [Бондарко,1986], где выявляются такие разновидности внутреннего реального предела, как эксплицитный и имплицитный предел, абсолютный и относительный предел, которые вместе с системой разноуровневых формальных средств их выражения являются составляющими функционально-семантического поля лимитативности. Под этим термином понимается система "разных типов отношений действия к пределу в данном языке, соотнесенная с системой разноуровневых формальных средств" [там же: 18]. Поле лимитативности является универсальным, оно есть в любом языке. Однако языки различаются особенностями структуры данного поля, как в плане содержания, так и в плане выражения. Так, если в русском языке ядром данного поля является грамматическая категория вида, а периферийными компонентами - лексико-грамматические разряды предельных/непредельных глаголов, способы действия и лексические обстоятельственные показатели, то в немецком языке центром поля лимитативности оказывается лексико-грамматическая категория П/НП. Ссылаясь на выводы В.М. Павлова, А.В.Бондарко отмечает: "В немецком языке категориальный семантический признак предельности/непредельности стоит на первом месте по значимости среди различных проявлений взаимодействия грамматических форм с категориальными элементами семантики глагольных лексем" [там же: 18].

Об этой особенности поля лимитативности немецкого языка мы не раз говорили выше, обсуждая специфику семантики безвидовой немецкой глагольной системы. Здесь мы хотели бы сосредоточить внимание на вопросе о статусе аспектных признаков ДП/НДП. Постановка такого вопроса вызвана наличием противоположных мнений по данной проблеме. Б.М.Балин считает, что оппозиция ДП/НДП является языковой

понятийной категорией, которая выражается в немецком языке с помощью аспектологического контекста. С.-Г.Андерссон, как уже было отмечено выше, полностью отрицает языковой статус рассматриваемой понятийной категории.

2.3. О средствах выражения аспектных значений

Придерживаясь подхода, согласно которому языковое (строевое, грамматическое) "есть в конечном счете находящее какое-либо формальное выражение семантическое общее, противостоящее индивидуализированности лексических значений" [Павлов, 1984: 45-46], обратимся к плану выражения аспектных признаков ДП/НДП в немецком языке. Обобщая данные, имеющиеся в немецкой аспектологической литературе, можно констатировать, что значение ДП выражается, а точнее сказать, может выражаться:

1) семантикой предельных глаголов, репрезентирующих трансформативное действие; наиболее выраженной потенцией обладают перфективные глаголы, а также многие приставочные глаголы с *ver-*, *er-*, *be-*, *zer-*, *ent-*;

2) категориальными формами глагола; сферу ДП обслуживают преимущественно - с разной степенью последовательности, иногда при наличии некоторых дополнительных факторов, но в общем "прототипически" - формы причастия второго, футур II, перфект, инфинитив II, императив, плюсквамперфект;

3) различными лексическими индикаторами (временными и локативными обстоятельством): *sofort*, *endlich*, *bereits*, *schließlich*, *bis zu(m) Ende* и др.;

4) единичностью объекта (и/или субъекта);

5) семантикой некоторых придаточных предложений, в основном с союзами *bevor*, *bis*, *nachdem*;

6) различными оборотами с предельным значением, типа *bekam zu hören*;

7) употреблением ряда финитивных сочетаний типа *etw. hinter sich haben (bringen)*, *etw. fertig machen*.

Значение НДП может быть выражено:

1) семантикой неопределенных глаголов, репрезентирующих статальное действие;

2) формой презенса, причастия I, претерита, инфинитива I;

3) множественностью объектов (и/или субъектов);

4) сравнительной степенью наречий: *öfter*, *mehr*, *höher*, *stärker*;

5) различными лексическими индикаторами *allmählich, immer (noch), gerade, ununterbrochen, von Jahr zu Jahr, oft, gewöhnlich, täglich* и т.п.

6) конструкциями *sein + am + Infinitiv, sein + beim + Infinitiv, sein + im + Infinitiv*; ср.: *Er war beim (am) Gewinnen; Sie ist am Waschen/.*

Оговорка "может быть выражено", которую мы выше употребили, имеет существенное значение, ибо нередко перечисленных языковых средств оказывается недостаточно для однозначного определения аспектного значения.

2.4. О роли «внеязыковой ситуации» при интерпретации аспектных значений

В связи с безвидовой спецификой немецкого языка для определения конкретных аспектных значений приходится обращаться "за помощью" к различным ситуационным типам (*Kohärenzschemata: Währen, Eintritt*), их комбинациям, к так называемым фигурам аспектологического контекста (сопряженность действий в последовательности, параллелизм, синхрония действий), к таксисным отношениям. Их существенная роль в формировании аспектной семантики подчеркивается многими аспектологами. Однако нередко и этих "средств" оказывается недостаточно, ибо уточнение аспектного характера протекания действия не является их собственной функцией. В таких случаях исследователь вынужден обращаться уже непосредственно к фактам объективной действительности, к энциклопедическим знаниям об отношениях между соответствующими действиями в реальности и на их основе определять аспектное содержание конкретного высказывания. Это в свою очередь приводит нередко к тому, что при интерпретации того или иного аспектного значения не различаются собственно языковая семантика и "экстралингвистически" обусловленные образы объективных ситуаций, репрезентированных языковыми значениями. Моменты, выводимые из общего знания отношений в реальной действительности, искусственно проецируются в языковую семантику, хотя самими языковыми значениями эти импликации непосредственно не передаются. Так, например, Ю.Н.Третьякова, утверждая, что такие темпоральные уточнители, как *plötzlich, auf einmal, sofort, sogleich, bald* "способны нейтрализовать значение НДП у форм ультранепредельных глаголов и актуализировать значение преодоленности предела в начальной фазе (ингрессивный с.д.)" [Третьякова, 1986:9], приводит следующий пример: *Nachdem er endlich mit dem Mädchen verheiratet war, das er wegen ihrer Gesinnung gewählt hatte, achtete er bald ein Zusammenleben in Frieden und Wohlstand höher als die gemeinsame Gesinnung.* По нашему мнению, здесь ультранепредельный глагол *achten* в форме претерита в сочетании с *bald*

не актуализирует начинательную предельность (или ингрессивный с.д.), а выражает свойственное данной лексеме и форме значение статального действия в аспекте процессности.

Особо важную роль играет "внеязыковая ситуация" в теории С.-Г. Андерссона, который подчеркивает, что для немецкого языка "важна именно ссылка на внеязыковую ситуацию" [Andersson, 1972: 192, 215, 232]. По мнению Л.Юхансона, у С.-Г.Андерссона речь идет не столько о "толковании внеязыковых ситуаций посредством языка", сколько о глубинном, интеллектуальном понимании и толковании ситуации с аспектной точки зрения [Johanson, 1975:139].

Мы уже несколько раз повторяли, что безвидовая семантика немецкого глагола, отсутствие морфологически сигнализируемой видовой системы сказывается на различных уровнях. Влияние безвидовой специфики ощущается и на уровне "внеязыковой ситуации". Одна и та же ситуация может быть по-разному интерпретирована и на этом уровне.

Так, Л.Юхансон, комментируя часто встречающийся у С.-Г.Андерссона пример *Als er zurückkehrte, fand er ein Telegramm vor*, отмечает, что действие *zurückkehrte* интерпретируется как достигшее конечной границы именно по той причине, что телеграммы нормальным образом находят дома, а не по пути к дому. Шла бы здесь речь о чем-то, что может случиться по пути или при приезде, как в *Als er zurückkehrte, sah er den Postboten*, то трудно было бы интуитивно решить, должна ли здесь конечная граница "возвращения" пониматься как достигнутая или не достигнутая. Далее Л.Юхансон отмечает, что "надежная интерпретация невозможна даже в теоретически менее сложных случаях, а именно когда событие выражается терминативным глаголом" [Johanson, 1975: 144-145].

Другой пример. С.-Г.Андерссон действие *lag* в высказывании *Gemeinsam wandten sie sich dem Ausgang zu. Plötzlich aber lag eine Hand auf dem Arm des Säuglings...* интерпретирует как начавшееся т.е. достигшее своей начальной границы ("der Eintritt ist nicht "im Währen" sondern abgeschlossen. Er hat seine Grenze erreicht, die Hand liegt da" [Andersson, 1972: 63]). Л.Юхансон категорически несогласен с такой интерпретацией. Он считает, что "Plötzlich + атерминативность" (непредельность) внушает неожиданную перспективу на событие, уже находящееся в течении (*im Währen*) [Johanson, 1976: 146]. По мнению Л.Юхансона, начальная фаза действия, выраженного глаголом *liegen*, отображается глаголом *sich legen*. Аналогичным образом интерпретирует Л.Юхансон примеры типа *plötzlich schlief er, plötzlich hielt er es*, в которых он не усматривает факта наступления нового состояния, последнее, по его мнению, имеет место в примерах *plötzlich legte sich eine Hand/schlief er ein/faßte er es an*. Отметим, что С.-Г.Андерссон в целом соглашается с этой критикой Л.

Юхансона и принимает его способ интерпретации соответствующих ситуаций [Andersson, 1976: 4-5].

Более гибкую позицию по отношению к обсуждаемому вопросу занимает Ю.С.Маслов. Случай типа *Als er dies erfuhr, freute er sich* он интерпретирует в духе С.-Г. Андерссона, а именно, что здесь "благодаря специфическому сочетанию предикатов возникает значение направленности на предел, реализующееся как достижение предела: глагол, нормально обозначающий неопределенное состояние ("радоваться"), становится обозначением начала, наступления этого состояния" [Маслов, 1976: 129]. Что касается примеров типа *Plötzlich (endlich, gleich) schlief er*, то он комментирует пример, приведенный С.-Г. Андерссоном, в несколько ином разрезе. Ср.: "Несколько иную картину наблюдаем в редких примерах из художественной литературы ... вроде *Kennedek schlief gleich, er war ganz erschöpft* (А.Зегерс) "Кеннедек сразу заснул (букв, спал), он был совершенно измотан". Здесь необычное сочетание глагола состояния и обстоятельства мгновенности служит своего рода стилистическим приемом. Писатель подчеркивает моментальность засыпания очень усталого человека, как бы сводит к нулю этап засыпания и, "перешагнув" через этот этап, показывает нам героя уже вполне спящим. По-русски можно было бы сказать: "спустя секунду, он уже спал" [там же: 129].

2.5. Субъективно-объективная сущность категории аспекта

Возвращаясь к вопросу о сущности категории вида, обратимся к вопросу о том, является ли эта категория чисто отражательной или "интерпретационной", т.е. отражается ли в категории вида прямо и непосредственно, "зеркально" объективные характеристики действия, или же в ней отражены различия в субъективном представлении действия. Этот вопрос был поднят еще Г.Якобзоном в 1926 г. и в литературе решается по-разному.

Большинство лингвистов, используя высказывание Г.Якобзона о том, что когда "речь идет о различии между "перфективными" и "имперфективными" глаголами, имеются в виду субъективные формы восприятия действия, выражающие то, как представляет себе говорящий его протекание" [Якобзон, 1962:39], определяют вид (аспект) как категорию субъективного представления действия (см. [Степанов, 1978: 336-340; Гузев, 1990:70-71]). Отнесение СД к категориям объективным также основывается на положении Г. Якобзона, согласно которому "в основе таких понятий, как итеративные, интенсивные ..., лежат объективные различия между самими действиями" [там же: 39].

Например, В.Г.Гузев дает следующее определение вида (аспекта): "Под видом (аспектом) рационально понимать именно то, в каком виде,

образе действие предстало перед говорящим, как он его воспринял, и как он его представляет слушающему, т.е. это субъективное видение действия, которое может быть воспринято, например, в виде протекающего процесса, наблюдаемого изнутри во время его осуществления, или как отдельный целостный факт, рассматриваемый как бы со стороны внешним наблюдателем" [Гузов, 1990:70]. Что касается значений, передающих "способы действия" (по терминологии автора - "акциональные (акционсартовые) значения"), то они представляют собой "результат отражения, обобщения и оязыкования объективно присущих процессам свойств, таких, например, как иметь начало, конец, протекать быстро или медленно, осуществляться однократно или многократно и т.п." [там же: 70-71].

Сторонники такой позиции обычно не обращают внимание на то, что Г. Якобзон, утверждая, что "для видов преобладающим, решающим моментом является субъективное восприятие говорящего, а для способов действия - объективно наличная фактическая данность", отмечает при этом, что и "при выборе вида точка зрения говорящего также не является независимой, по крайней мере от того, какие фактические различия возможны в каждом данном случае" [там же: 40].

Таким образом, Г.Якобзон учитывает не только то, что при репрезентации языковыми средствами явлений объективной действительности непременно присоединяется и "субъективный момент восприятия действия", но и то, что выбор вида со стороны говорящего зависит от объективных условий.

В аспектологической литературе не менее распространенной (особенно в славянской аспектологии) является точка зрения, согласно которой и видовые значения, и значения СД трактуются преимущественно как отражающие объективные свойства процессов (см. [Вопросы... 1962:10-11]). Н.В. Илькив характеризует рассматриваемые категории следующим образом: "Лишь строго определенные типы контекстов допускают двойственные аспектуальные варианты. Все это свидетельствует о том, что синтактико-семантические эквиваленты видам, значения ДП и НДП, а, следовательно, и виды в основном - объективные феномены, выбор которых зависит от объективных причин", и далее: "Преувеличение роли субъективного фактора в категории вида ... оказывается неправомерным, ошибочным". В другом месте автор указывает на неправомерность возведения категории СД "в ранг абсолютно объективной" [Илькив 1981: 6-7].

Здесь уместно было бы привести суждения В.М.Павлова о том, что "лексическое значение слова, в частности и глагола, в содержательном плане не сводимо к прямому и непосредственному отображению какого-

либо фрагмента действительности, не является его "копией" в буквальном значении этого слова. Из отражательной деятельности человеческого сознания нельзя полностью устранить субъективность, на формировании "идеальных сущностей" не может не сказываться активный, творческий характер познавательной и речемыслительной деятельности человека. Не отчуждать от человека его язык значит считаться с субъективно-творческим началом в формировании языковых значений - с учетом как социально-исторической обусловленности этого процесса, так и закономерностей функционирования психофизиологических механизмов, при посредстве которых он осуществляется" [Павлов, 1984: 51-52]. Всякое мыслительное содержание, воплощенное в языке и в речи, есть субъективный образ объективного мира, и в этой формуле существенны оба атрибута - как объективность, так и субъективность (хотя в частных случаях соответствующие "стороны" мыслительного содержания могут находиться в разных соотношениях).

При рассмотрении указанной проблемы мы опять обращаемся к видовой системе русского языка ввиду наличия в нем специальных аспектных форм, что способствует более наглядной демонстрации отстаиваемой нами позиции.

Действие в объективной действительности можно, подходя к ним под онтологическим углом зрения, разделить на "предельные" и "непредельные". Учитывая тот факт, что этими терминами пользуются для характеристики действий "в том виде, как они репрезентированы лексическими значениями глаголов", мы, вслед за В.М.Павловым, для обозначения объективных действий воспользуемся выражениями "трансформативное действие" и "статальное действие" [Павлов, 1984:50]. Онтологически трансформативное действие включает в себя признак достижения им его конечного эффекта, то есть признак вносимого этим действием в мир изменения. Статальные действия характеризуются как не связанные по своей природе с внутренним пределом. Как же эти два типа объективных действия могут изображаться в аспектном плане?

Глаголы НСВ обозначают действия обоих типов. Трансформативное действие "интерпретируется" языковым значением глагола НСВ в его процессном аспекте. Характеристика такого глагола как предельного означает учет того обстоятельства, что онтологически трансформативное действие включает в себя признак предела, по достижении которого актуализируется его конечный эффект. Отображение такого действия именно глаголом НСВ есть его отображение в процессе его осуществления, т.е. в фазе, когда оно актуально, с точки зрения условного наблюдателя (безразлично, в каком временном плане) представляется как лишь направленное к пределу или результату. Аналогично дело обстоит с

обозначением посредством глагола НСВ действия стательного, с тем различием, что последнее и объективно неопредельно. Ср.: *Он целый день перепиливал (пилил) это толстенное бревно, но так и не допилил.*

Глаголы СВ соотносительны как с предельными, так и с неопредельными глаголами НСВ. В первом случае они включают в образ (интерпретацию) действия актуальную достигнутость предела (результата), ср. *приходить - прийти*. Во втором случае они также выражают актуальную достигнутость предела, но предела такого, который не принадлежит онтологической природе действия, а представляет собой так называемый внешний предел, т.е. достижение действием временной границы (иногда начальной, иногда конечной, иногда с точным определением длительности временного отрезка и начальной и конечной координат: *(прожил 12 лет в этом городе)*).

Приведенная здесь схема отношений указывает на то, что способ "видового" представления действия значением глагола в соответствующих формах относительно независим от объективных характеристик действия. Трансформативное действие может быть представлено в виде процесса в отвлечении от его темпоральных и, стало быть, заданных его "природой" границ. Существует возможность выбора между такой репрезентацией трансформативного действия и его репрезентацией в законченном, исчерпанном виде, более полно соответствующем его объективным характеристикам. Эти различные возможности отображения объективно "того же самого" связываются с понятием языковой интерпретации.

Однако вряд ли можно говорить о неограниченном произволе субъекта речи в выборе ракурса интерпретации. В частности, некоторый достаточно широкий отрезок повествования о каких-то событиях, иногда целый большой текст, формируется автором текста с позиции "наблюдателя", который условно присутствует в изображаемой ситуации. Всякая мысль, любой познавательный образ, любой отражательный психический процесс представляет собой субъективный образ объективной действительности. Рассматривать содержание речи как нечто внеличностное бессмысленно. В любом отрезке текста присутствует тот, чьим актом сознания является смысловое содержание соответствующего образа. Автор текста либо отождествляет себя с таким "наблюдателем", либо в воображаемой действительности с ее разными темпоральными пластами передает эту функцию какому-либо персонажу и в процессе создания текста берет на себя роль выразителя явлений сознания этого лица. Поскольку с любым высказыванием связана позиция реально или в воображении сопresentствующего событию наблюдателя, то изображения процессов, происходящих в соответствующей ситуации, соотносены с этой позицией. Наличие наблюдателя с определенным образом

фиксированной позицией по отношению к отображаемой в его сознании ситуации становится поэтому элементом самой отображаемой высказыванием или цепочкой высказываний ситуации.

Высказывание охватывает в границах своего содержания отражательное субъектно-объектное взаимодействие. Нельзя устранить из этого содержания субъекта, в сознании которого осуществляется отображение того, что это высказывание сообщает об объективной ситуации как таковой. Интерпретация действий, о которой выше шла речь, представлена высказыванием как осуществляемая субъектом - "наблюдателем" события (который может идентифицироваться в том или ином случае с автором текста).

Таким образом, интерпретационный момент содержания видовых репрезентаций одного и того же по своим объективным характеристикам действия носит своеобразный субъективно-объективный характер, не является, так сказать, чисто интерпретационным в распространенном понимании этого термина, поскольку отношение отражающего субъекта к отражаемому объекту принадлежит содержанию высказывания и "полагается" им как (комплексный) объект отображения.

А.В.Бондарко, говоря о "преимущественно интерпретационном характере видов", одновременно подчеркивает "относительный характер противопоставления отражательного и интерпретационного типов семантики" [Бондарко, 1976:48-49, 1990а]. Ю.С.Маслов также выступает против признания категории вида чисто субъективной, и вместе с тем в частности против признания чисто объективного характера СД [Маслов, 1962: 11].

Глава 3. Категория предельности/непредельности

3.1. Проблема классификации глаголов по отношению к значениям предельности/непредельности

Одним из самых, пожалуй, спорных вопросов, в немецкой аспектологии является проблема классификации глаголов по отношению к значению П/НП. Выше мы кратко изложили суть проблемы (см. с. 24-25). Здесь мы попытаемся более подробно рассмотреть вопросы, связанные с принципами соответствующих классификаций, раскрыть противоречивые моменты в существующих подходах и обосновать свою позицию по этой проблеме.

Ядром поля лимитативности немецкого языка как языка, не обладающего грамматической категорией вида, аналогичной виду в славянских языках, является лексико-грамматическая категория П/НП. В определении сущности этой категории лингвисты в основном единодушны. Так, В.М.Павлов дает следующее определение: "Под предельностью понимается направленность действия к внутреннему пределу как к такой точке в развитии действия, достижение которой означает полноту его осуществления и, тем самым, его исчерпанность. Какие-то предметы, связанные с предельным действием, его субъекты и/или объекты изменяют в ходе его осуществления свои состояния. Действия, не имеющие таких характеристик, определяются как непредельные" [Павлов, 1984: 50]. Категория П/НП играет существенную роль в аспектологии не только в безвидовых языках, но и в языках, обладающих грамматической категорией вида, ибо отношение действия к его внутреннему пределу является универсальной семантической базой поля аспектуальности [Бондарко, 1983б: 79]. Отметим, однако, что рассматриваемая категория по-разному проявляет себя в безвидовых и в "видовых" языках. А.В.Бондарко отмечает, что "специфика русского и других славянских языков заключается в том, что "предельная/непредельная способность глагола" реализуется в рамках жесткой и облигаторной видовой системы. Заложенная в семантике глагола способность к П/НП получает реализацию в словоформах с определенным грамматическим видовым значением. Способность к П/НП, заключенная в лексическом значении глагола и отражающая свойства самого внеязыкового действия, в своей реализации в "видовом" языке включается в жесткие рамки системы видовых форм и видовых значений. Других способов выявления, свободных от системы видов, "терминативно/атерминативная способность" не имеет" [Бондарко, 1986: 21]/.

Из этого высказывания следует, что категория П/НП является лексико-грамматической, что лексико-семантический момент определяет круг грамматических форм, в которых выступает глагол, и соопределяет семантическое содержание этих форм, т.е. их грамматические значения. Например, неопределенный глагол не может функционировать в форме совершенного вида, форма простого будущего применима только к глаголам совершенного вида, форма совершенного вида применима только для предельных глаголов (обратное неверно).

В немецком языке нет той "жесткой и облигаторной видовой системы", о которой говорилось выше, и это очень существенно для немецкой аспектологии. Однако категория П/НП и для немецкого языка является категорией лексико-грамматической; в частности, атрибутивное причастие II применимо, как правило, только для предельных глаголов немецкого языка, аналогичное явление наблюдается и при применении футурального перфекта.

Лингвисты, поддерживая приведенное выше определение значения П/НП, расходятся во мнениях по вопросу о классификации немецких глаголов в рамках этой категории. Одни германисты настаивают на том, что обозначаемые глаголами действия могут быть либо предельными, либо неопределенными, другие выделяют и нейтральные в отношении П/НП глаголы (см. с. 31-32).

Преставители калининской аспектологической школы занимают в этом вопросе не всегда последовательную позицию. В одних работах они признают наличие нейтральных глаголов и даже допускают разграничение более дробных группировок по отношению к П/НП. Так, выделяются ультрапредельные глаголы (*kommen, sterben, erblassen, ergreifen*), просто предельные (*nehmen, sagen*), нейтральные (*fliegen, schreiben, essen, bauen*), неопределенные (*hören, sehen, lachen*) и неопределенные с отчетливым значением курсивности или, иначе, ультрапредельные глаголы (*abhängen, hassen, existieren*) [Балин, Бурмистрова, Колосова, Малышкина и др. 1979:20].

Такая классификация допускается для демонстрации различной степени отчетливости семы указания на предел, дающей основание определять значение предельности на семасиологическом уровне как количественную предельность, в отличие от качественной предельности, которую авторы данной работы считают "релевантным признаком совершенного вида" [там же: 20]. В другом месте той же работы критикуется выделение нейтральных глаголов С.-Г.Андерссоном. Критика основывается на том, что "тройственная классификация глаголов по их аспектуальным потенциям - это уже не уровень слова, ибо в связи с описанием группировки нейтральных глаголов исследователю приходится

иметь дело с уровнем словосочетания" [там же: 24]. Однако одному из представителей названной школы в связи с анализом аспектологического дуализма (АД) приходится признать, что "общим свойством фиксируемых в ситуациях АД глагольных форм является то, что наиболее частотно представленными в них оказываются парадигматически нейтральные в аспектуальном плане глаголы, способные сами по себе обуславливать ситуации АД без участия дополнительных аспектологических средств" [Илькив, 1981: 12].

Если учесть, что под аспектологическим дуализмом понимается явление, "сущность которого заключается в возможности неоднозначной интерпретации одного и того же глагольного действия в аспектном отношении (в плане достигнутой/недостигнутой предела)" [там же: 2], обнаруживаемое не на семасиологическом уровне, а в контексте, и отмеченную выше роль нейтральных глаголов, то из этого с очевидностью следует правомерность тройственной классификации немецких глаголов в отношении П/НП.

В аспектологической литературе не раз подчеркивалась трудность решения вопроса о классификации глаголов в отношении П/НП. Многие считают, что причина кроется в неразработанности объективных критериев распределения глаголов по названным акциональным классам. Попытки установить подобные критерии предпринимались не раз [Herrmann, 1927; 1935; Deutschbein, 1939; Балин, 1967; Нефедов, 1968; Морковина, 1968; Балин, Нефедов, Морковина 1971; Рахманкулова, 2004].

Так, например, некоторыми германистами предлагается в качестве тестов для определения непредельных глаголов использовать их потенциальную сочетаемость с обстоятельствами, отвечающими на вопросы типа *seit wie lange? wie lange? bis wie lange?* К предельным глаголам предлагается относить те глаголы, которые, с одной стороны, не могут сочетаться с названными выше обстоятельствами, и, с другой стороны, сочетаются с обстоятельствами, отвечающими на вопросы *innerhalb welcher Zeit? nach welcher Zeit?* Н.В. Морковина справедливо отмечает: "Нельзя утверждать, что обстоятельства первого ряда вообще не сочетаются с П- глаголами. В сочетании с П- глаголами эти обстоятельства могут служить средством нейтрализации значения предельности" /Морковина 1968: 6/. С помощью критериев, приведенных Б.М.Балиным и Б.Д.Нефедовым, отмечает Н.В.Морковина, "нельзя разграничить все глаголы на П/НП, так как они не учитывают всего многообразия семантических группировок глаголов" /там же/. Придя к такому выводу и притом являясь сторонником бинарной классификации глаголов, Н.В. Морковина в специальной работе основной целью ставит "установление лингвистических критериев, с помощью которых можно

было бы распределить все немецкие глаголы на два класса: П:НП" [там же]. Автором устанавливаются типичные дистрибуции для предельных и неопредельных глаголов.

Для НП- глаголов типичными оказываются дистрибуции типа обстоятельств *nach wie vor*, *ewig*, *lange*, в значениях которых есть указание на неограниченную длительность; *den ganzen Tag*., *eine Weile* и др., указывающие на ограниченную длительность; *noch immer*, *weiter* - продолжаемость действия; *stets*, *immer*, *ununterbrochen* - постоянность или непрерывность действия; обстоятельство *zu Ende*, указывающее на пространственную (? - Б.Р.) завершенность; сочетания с фазовыми глаголами *aufhören* и *beginnen*; употребление в придаточном предложении с союзом *solange* и др. Делается вывод о том, что для НП-глаголов типична сочетаемость с дистрибутивными элементами, в значениях которых есть указания на длительность или продолжаемость действия, на его прекращение или начало в некоторый момент времени [там же: 23]. В качестве типичного окружения предельных глаголов приводятся обстоятельства, отвечающие на вопрос *innerhalb welcher Zeit?*; наречия *rechtzeitig*, *frühzeitig*, *erst*, *soeben*, *eben* и т.п., указывающие на временную точку осуществления действия; наречия *endgültig*, *völlig*, *vollständig* и др., указывающие на полную завершенность действия; обстоятельства, отвечающие на вопрос *nach welcher Zeit?*; наречия *wieder*, *abermals*, *manchmal* и т.п., указывающие на повторяемость действия; *endlich*, *schließlich*, *bald*, *pünktlich* – индикаторы предельности; *sofort*, *gleich* - мгновенность осуществления действия; *plötzlich*, *auf einmal* - внезапность осуществления действия; *allmählich* (указывает на постепенность осуществления действия); употребление в придаточных предложениях с союзами *bis*, *ehe*, *bevor*.

Следует вывод: "Для П- глаголов типичны дистрибутивные элементы, в значении которых есть указание на временную точку осуществления действия, на полную исчерпанность или повторяемость или постепенность осуществления действия, а также компоненты, в значении которых есть указание на отрезок времени, в течение которого осуществилось данное действие". Самим автором признается тот факт, что "нельзя разграничить дистрибутивные элементы, сочетающиеся только с П- или только с НП- глаголами" [там же: 22, 24].

На основе проведенного анализа в зависимости от степени убывания отчетливости значения предела выделяются четыре группы глаголов: терминативные глаголы, т.е. глаголы с отчетливым значением терминативности (ср. ультрапредельные глаголы), обычные предельные глаголы; обычные неопредельные глаголы; неопредельные курсивные глаголы, т.е.

глаголы с отчетливым значением курсивности (иначе – ультранепредельные глаголы).

Н.В.Морковина в заключение отмечает: "Исследование показало несостоятельность попыток выработать универсальный критерий для распределения глаголов по П- и НП-классам" (см. "Выводы"). В связи с этим выводом вызывает сомнение достоверность возможности четкого распределения глаголов на П и НП в словнике, составленном представителями калининской аспектологической группы [Machonina, Balin, Pitschujewa, Nefjedow, 1971].

Говоря о категории П/НП, нельзя не остановиться на работе С.-Г. Андерссона, который признает целесообразной тройственную классификацию в отношении глаголов немецкого языка в рамках этой категории. Он выделяет лексемно-предельные, лексемно-непредельные и лексемно-нейтральные глаголы. Что касается значения предела, то автор различает 4 вида предельности:

а) лексемную предельность (leximatische Grenzbezogenheit): besteigen, eintreten, finden, geben, holen;

б) рекциональную предельность I (reaktionelle Grenzbezogenheit I), которая зависит от управления: ein Haus bauen, Eier kochen, in die Stadt ziehen;

в) рекциональную предельность II (reaktionale Grenzbezogenheit II), отличающуюся от I наличием при глаголе более одного уточнителя: sich müde arbeiten, den Koffer zur Gepäckaufnahme tragen; den Wagen auf den Hof ziehen;

г) предикативно-ограничительную предельность (prädikatsverbindende Begrenzung der Handlung), которая выражается на уровне предикатов: als er dies erfuhr, freute er sich [Andersson, 1972: 48].

Отметим здесь, что последний тип предела не имеет отношения к акциональной предельности, включающей в свое содержание признак направленности к пределу, т.е. значение потенциального предела, а связан со значением реального предела, т.е. достигнутого предела. Четвертый тип предела характеризуется аспектной семантикой.

По мнению С.-Г. Андерссона, в организации выявленных им видов предельности по-разному участвуют глагольные лексемы. Так, если 4-й тип предельности могут репрезентировать как лексемно-предельные и лексемно-непредельные, так и лексемно-нейтральные глаголы, то в организации рекциональной предельности/непредельности I участие лексемно-непредельных глаголов затруднено, а в выражении рекциональной предельности II участвуют как лексемно-нейтральные, так и лексемно-непредельные глаголы.

Основным критерием выделения предельных/непредельных глаголов С.-Г.Андерссон считает влияние П/НП на синтаксис причастия II [там же: 58]. Полемизируя с представителями калининской аспектологической школы, он считает сомнительной правомерность распределения глаголов по акциональным классам исходя лишь из одного главного значения многозначного глагола. Он считает целесообразным опираться на типовой, регулярно повторяющийся контекст, в котором проявляются акциональные возможности того или иного глагольного значения. Таковым контекстом является, по мнению автора, "субъект + предикат (в претерите) + уточнитель" (*Ergänzung*). При этом автор исключает временные уточнители, которые обычно указывают на внешний предел.

Б.М.Балин, в свою очередь, утверждает, что в "попытках показать тесное взаимодействие лексемной предельности с грамматикой ... С.-Г.Андерссон пишет не об аспектуальной семантике глагола как такового, а о семантике определенного синтаксического целого" [Балин, 1974:11]. Б.М.Балин, считая, что С.-Г.Андерссон оперирует уровнем синтаксическим, отмечает, что "уровень, обеспечивающий актуализацию значений полисемантического глагола", не может применяться "для построения тотальных классификаций семасиологического порядка" [там же: 12].

Б.М.Балин упоминает полисемию глагола, вкладывая в это понятие собственно не смысл наличия разных словарных значений, а смысл различия способов употребления глагола, при которых в немецком языке то проявляется, то не проявляется признак предельности. В свою очередь Л.Юхансон, ссылаясь на то, что С.-Г.Андерссон не учитывает валентностные различия, отмечает несостоятельность распределения глаголов на предельные и непредельные на рекциональном уровне I" (субъект + предикат + один уточнитель). Лексемную классификацию С.-Г.Андерссона Л.Юхансон называет "ложной систематикой" [Johanson, 1975: 129].

В связи с этой полемикой хотелось бы сослаться на В.М. Павлова, подчеркивающего, что "значение языкового знака основывается ... на двух направлениях связей, "питающих" содержание его обобщающей функции, - на связи знака (через посредство мыслительного отображения) с фрагментом действительности и на связи знака как виртуальной языковой сущности с его актуальными семантическими наполнениями во всем многообразии его речевых реализаций". Иными словами, при определении семантического потенциала того или иного языкового знака необходимо учитывать значения, которые проявляются в его речевых реализациях. Именно на этом положении, основывающемся на такой взаимосвязи языка и речи, мы будем строить свою позицию.

И.-Э.С. Рахманкулова считает, с одной стороны, правомерной проводить классификацию глаголов по отношению к значениям предельности/непредельности (по ее терминологии «аспекта»), на основе семантического анализа, а с другой стороны, отмечает, что «деление это должно подтверждаться и проверяться определенным формальным критерием» [Рахманкулова, 2004: 16]. Она предлагает «раздельно рассматривать глаголы переходные и непереходные, так как в качестве внутреннего предела у них выступают разные моменты. У непереходных глаголов в качестве предела, как правило, выступает достижение цели движения или состояния (например, у глаголов *kommen*, *sterben*), у переходных глаголов пределом действия является конечный момент действия, связанный с полным охватом прямого объекта действием (*bringen*, *zersetzen*) [там же: 16]. Автор пытается выработать единые критерии распределения глаголов по группам, исходя из переходности/непереходности глаголов и их семантики. Автором допускаются некоторые неточности: например, она считает, что «нейтральность действия по отношению к своему внутреннему пределу проявляется в том, что, с одной стороны, действие может выражать стремление к достижению предела, с другой стороны, может терять хотя бы малейший намек на этот предел». К нейтральным глаголам И.-Э.С. Рахманкулова относит глаголы *gehen*, *laufen*, *reiten*, *schwimmen*. При интерпретации примера *Er ging in die Stadt* автор, по нашему мнению также, допускает неточность: она говорит о двоякой возможности интерпретации: *Er war unterwegs in die Stadt* и *Er ging in die Stadt hin*. «В первом случае мы имеем дело с непредельным значением глагола *gehen*, несмотря на наличие внешнего предела в виде обстоятельства места, во втором случае с предельным значением, так как предел понимается как нечто, заключенное в семантике самого глагола» [там же: 18]. Нам кажется, что автор смешивает здесь понятия П/НП со значением достигнутой/недостигнутой предела (ДП/НДП). Интерпретируется не акциональное значение глагола, а аспектное значение ДП/НДП. В предложении *Er ging in die Stadt* глагол выступает однозначно в своем предельном значении, так как здесь указана цель движения и, следовательно, выражается целенаправленное движение субъекта. Нам кажется, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же типом предельности, т.е. с акциональной предельностью, связанной с признаком направленности действия к пределу, ибо любое указание на цель движения есть указание на локальный предел, по достижении которого движение прекращается во времени и пространстве.

В принципе любой локальный конкретизатор, выполняющий функцию целеуказания при глаголах движения, можно рассматривать как

обозначающий внешний предел. Думается, что различие между типами локальных конкретизаторов соотносится с планом не акциональной, а аспектной предельности. В свою очередь, аспектная характеристика зависит не от количества уточнителей при глаголе, а прежде всего от аспектuality значимости того или иного предлога при конкретном локальном конкретизаторе. Так, предлог *in* в предложении *Gleims Kutscher trug ihm den geliehenen Koffer in die Bahnhofswirtschaft* (Seghers. *Die Toten bleiben jung*, 134) доводит образ протяженности движения в пространстве до какого-то вместилища, а достижение этого вместилища связано с пересечением отделяющем его границы.

Нередко именно неразличение акциональных и аспектных признаков приводит к ошибочной характеристике глагольной лексемы в плане П/НП. Иногда, говоря об акциональной неопределенности глагольной лексемы, на самом деле в сущности оперируют аспектным значением процессности.

Глагол *tragen* попадает у И.-Э.С. Рахманкуловой (как и у С.-Г. Андерссонна и В.Я.Мыркина) в разряд неопределенных переходных глаголов [там же: 22] на основе того, что «действие охватывает свой объект полностью, но не выражает никакого отношения к пределу действия» [там же: 22]. Глаголы типа *tragen* мы относим к числу нейтральных на том основании, что они, имея тождественное «вещественное» значение, в зависимости от способа употребления могут выступать как в предельном, так и в неопределенном качестве. В своем лексемном статусе *tragen* обобщает оба способа употребления, т.е. предельное и неопределенное. Это доказывается и лексикографическим толкованием его основного значения; ср. 1 а) *jmdn., etw.auf-, hochheben u. ihn, es mit Händen greifend, auf, unter den Armen haltend fortbewegen, irgendwohin bringen* (DGW). Здесь толкование проводится с помощью двух различных в акциональном плане глаголов – глагола *fortbewegen* в его неопределенном качестве *sich in bestimmter Richtung in gemäßigttem Tempo vorwärts bewegen* (DGW) и бесспорно предельного глагола *bringen* с указанием конечной цели передвижения. Особо следует подчеркнуть, что выделение контрастных лексико-семантических признаков глагола *tragen* на уровне акциональных значений, различающихся по линии П/НП, проводится в рамках одного пункта словарной статьи I а), что подчеркивает полное тождество вещественного значения подобных употреблений глагола *tragen* (см. подробнее о специфике лимитативно нейтральных глаголов: [Ризаев, 1990]).

Анализ специальных исследований как зарубежных, так и отечественных лингвистов приводит к выводу о несостоятельности попыток выработать универсальный критерий распределения глаголов по классам предельных и неопределенных. Одни и те же глаголы у разных авторов

попадают в разные классы в зависимости от применяемых критериев. По этой причине многие лингвисты говорят о наличии в немецком языке значительного числа глаголов, нейтральных по отношению к П/НП, выделение которых, в свою очередь, сопряжено с определенными трудностями. Так, почти все выделяемые С.-Г.Андерссоном лексемно нейтральные глаголы попадают в разряд неопредельных у Б.М.Балина, а неопредельные по С.-Г.Андерссону глаголы оказываются у П.Петкова в числе нейтральных. Более того, у одного и того же исследователя, например, у С.-Г.Андерссона, один и тот же глагол на различных выделяемых им уровнях может характеризоваться различно в плане П/НП.

Применяемые для выявления признака П/НП тесты часто дают противоречивые результаты. Так, С.-Г.Андерссон квалифицирует переходные глаголы *übersetzen* и *schreiben* на лексематическом уровне соответственно как предельный и нейтральный. Если мы проверим тестом на атрибутивное употребление причастия II, который С.-Г.Андерссон считает решающим, то оба глагола могут быть квалифицированы как предельные, ср. *das geschriebene Buch*, *das übersetzte Buch*. В абсолютном их употреблении нет акциональных различий: *ich schreibe* или *ich schrieb* и *ich übersetze*, *ich übersetzte*. Отмечая несостоятельность тестов С.-Г.Андерссона, Л.Юхансон отмечает, что если проверить абсолютное употребление глаголов по тесту для непереходных глаголов, то получим для обоих глаголов противоположный результат, т.е. они будут неопредельными: **der geschriebene Student*, **der übersetzte Student* [Johanson, 1975: 129].

При применении критериев, предлагаемых, например, Н.В.Морковиной, лексематически предельный по С.-Г.Андерссону глагол *übersetzen* окажется неопредельным у Н.В.Морковиной, ибо может сочетаться с фазовыми глаголами, ср. *begann zu übersetzen*.

В русском языке, как известно, мы почти не сталкиваемся с такой неопределенностью в отношении П/НП именно благодаря тому, что, по выражению А.В.Бондарко, "специфика русского и других славянских языков заключается в том, что "предельная/неопредельная способность" глагола реализуется в рамках жесткой и облигаторной видовой системы" [Бондарко, 1986: 21]. В русском языке говорить о неопределенности глагола в форме инфинитива в отношении П/НП можно разве что в двух случаях.

Первый случай - это когда глаголы типа *писать*, *читать*, *строить* в разных употреблениях могут выступать, то как предельные (*писать письмо*, *читать книгу*, *строить дом*), то как неопредельные (*Чем он занимался в течение последней недели? Всю неделю он писал*).

И второй случай - это когда семантика глагола не содержит семы направленности действия к пределу и, несмотря на это глагол определяется как предельный. Речь идет о таких глаголах, как *давать*, *замечать*, *благодарить*, *видеть*, *дарить*, *советовать*, *стараться*, *шалить* и т.п. А.В.Бондарко считает, что, с одной стороны, они "обнаруживают явно выраженную способность к участию в передаче имплицитного предела" при повторяющихся действиях, например: *Каждый раз их допускали к экзаменам*, и, с другой стороны, А.В.Бондарко - вслед за Ю.С.Масловым - относит многие глаголы такого типа к глаголам "непосредственного, непрерывного эффекта" и на этой основе квалифицирует их как предельные [Бондарко, 1987в: 61-62].

Если в русском языке можно ограничиться этими двумя типами нейтральности, то в немецком языке такая картина наблюдается сплошь и рядом. Например, глаголы *hören*, *sehen*, *lachen* можно было бы отнести и к глаголам "непосредственного, непрерывного эффекта", и к однозначно непредельным глаголам, как это делают представители направления, возглавляемого Б.М. Балиным.

Предельная/непредельная характеристика глаголов часто зависит от того, на каком уровне проводится классификация - на уровне лексемы, словосочетания или относительно законченного речевого контекста. В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Следует ли приписывать глаголу на семасиологическом уровне аспектуальный признак, проявляющийся в рамках словосочетания или в речевых реализациях, или же следует учитывать только внеконтекстное (инвариантное) значение глагола? Целесообразно ли учитывать при этом только обязательные валентности глаголов или же существенным является и учет их факультативных валентностей? Эти вопросы, как было показано выше, не находят в аспектологической литературе однозначного ответа.

Попытаемся сделать некоторые обобщающие выводы по проблеме П/НП.

Под предельностью глагола обычно понимают его "способность выражать либо реальный, либо потенциальный предел ... Соответственно под непредельностью глагола - отсутствие способности выражать какой-бы то ни было предел - как реальный, так и потенциальный" [Бондарко, 1987в: 49]. Такая трактовка предельности/непредельности глагола на семасиологическом уровне подходит для видовых языков, где различие между значениями реального и потенциального предела "подчеркивается четким распределением этих значений по видовым формам: реальный предел - постоянный семантический признак СВ; потенциальный предел может быть выражен лишь формами НСВ" [там же: 48]. В безвидовом немецком языке положение принципиально иное.

Оппозиция П/НП, как оппозиция признаков исходно семантических, свойственных глаголу в его системно-парадигматическом статусе, может быть основана, за редкими исключениями, только на наличии или отсутствии признака потенциального предела. Если нейтральность немецкого предельного глагола по отношению к аспектной предельности (ДП/НДП) не вызывает у большинства германистов возражений, то вопрос о наличии нейтральных глаголов по отношению к акциональной П/НП до сих пор не имеет однозначного решения.

3.2. Бинарная или тройственная классификация глаголов?

Определились два противоположных направления по данной проблеме: направление, отстаивающее выделение наряду с акционально предельными и непредельными также акционально нейтральных глаголов, и направление, придерживающееся бинарной классификации. Попытки выработать критерии распределения глаголов по соответствующим акциональным классам сторонниками обоих направлений не увенчались успехом. Об этом свидетельствуют как справедливые высказывания критиков каждого из направлений, так и признания самих представителей того или иного подхода. Так, как было отмечено выше, представитель бинарной классификации Н.В.Морковина считает, что с помощью критериев, приведенных Б.М.Балиным и Н.Д.Нефедовым, "нельзя разграничить все глаголы на П/НП" [Морковина, 1968: 6]. В выводах своей работы она вынуждена отметить вообще "несостоятельность попыток выработать универсальный критерий для распределения глаголов по П- и НП-классам". Критерий С.Г.Андерссона, сторонника тройственной классификации, основанный на семантике и синтаксисе причастия II, оказался также далеким от универсальности. Об этом свидетельствуют как справедливые высказывания его критиков, в частности Л.Юхансона [Johanson, 1975: 130], так и признания самого С.-Г.Андерссона [Andersson, 1972: 58; 1976:49].

Попытка И.-Э.С. Рахманкуловой выявить четкие и однозначные критерии классификации немецких глаголов по признаку предельности/непредельности так же не увенчалась особым успехом: «Мы предлагаем считать аспект (= предельность – Б.Р.) чисто лексическим понятием, допускающим значительную нечеткость в распределении глаголов по группам, допускающим определенное количество переходных случаев среди предельных, нейтральных и непредельных глаголов. Мы также считаем, что нельзя выдвинуть единого критерия для подразделения на группы всех глаголов» [Рахманкулова, 2004: Заключение].

Главное расхождение между двумя подходами заключается в принципе определения инвариантного значения глагольной лексемы в

акциональном плане. Представители бинарной классификации пытаются проводить ее на уровне слова (в форме инфинитива), призывая при этом отвлекаться от акциональных свойств, проявляющихся в речевых реализациях конкретных глаголов [Балин, Бурмистрова, Колосова,... и др. 1979:20]. Их противники не без оснований включают в семантический потенциал конкретной лексики акциональные свойства, которые присущи данному языковому знаку в его типичных речевых реализациях. Так, если первый глагол *schreiben* относят к неопредельным глаголам, то их оппоненты квалифицируют его как нейтральный - на том основании, что этот глагол в одном и том же лексическом значении в зависимости от его употребления может выступать то как предельный (в функции транзитивного), то как неопредельный (в абсолютивном употреблении).

Анализ теоретического и фактического материала дает нам следующие основания, позволяющие усомниться в правомерности принципа, которого придерживаются сторонники бинарной классификации:

1. Невозможность выработки универсальных критериев распределения глаголов только на два акциональных класса вынуждает сторонников такой классификации быть часто непоследовательными и проводить более дробные классификации, вплоть до признания, правда с разными оговорками, существования нейтральных глаголов [Морковина 1968: 4].

2. Утверждение о том, что подключение контекста "приведет к стиранию граней, отделяющих предельный глагол от неопредельного" [там же: 16], не выдерживает критики. Акциональная характеристика глагола, в отличие от аспектной характеристики конкретной глагольной словоформы, не стоит в прямой зависимости от контекстных условий употребления данного глагола (имеются в виду различные типические употребления глагола с одним и тем же "вещественным" значением). Например, действие, выраженное предельным глаголом *kommen*, может быть отображено в речи и как процессное, и как терминативное, т.е. контрастно в аспектном плане. В акциональном плане глагол *kommen* и в случае процессного изображения действия остается предельным глаголом, ибо признак потенциального предела, заложенный в его семантике, сохраняется. Ср. *Er hielt zu Pferde, als der über die Brücke kam, zu seinen Füßen wälzte sich der gelbe Fluß, langsam kam der mächtige Troß herüber, Menschen, Tiere, Wagenladungen* (Feuchtwanger. *Der falsche Nero*, 97). Здесь дважды употреблен глагол *kommen*, и оба раза предельное действие *kommen* представлено процессно. В частности это подтверждает и литературный перевод с немецкого И.А Горкиной и Р.А. Розенталь - *Он остановил коня, когда обоз переезжал через мост. У ног его извивалась*

желтая река; медленно проходил огромный поезд, - люди, животные, повозки с кладью (Фейхтвангер. Лже-Нерон, 79). То же самое следует сказать и об однозначно неопредельных глаголах типа *warten, schlafen, sprechen* и т.п. Эти глаголы, оставаясь неопредельными во всех контекстных условиях, могут отображать действия, которые представляются как ограниченные внешним пределом (инициальным или конечным), ср.: *Endlich sprach der andere "Meine Seele ist traurig!* (H. Heine. *Die Harzreise*, 75); *Woynok wartete einen Augenblick* (Seghers. *Der Räuber Woynok*, 17).

Эта закономерность сохраняется и при нейтральных глаголах. Мы исходим из того, что, например, глагол *schreiben* и при его употреблении в связи с эффицируемым объектом, и в его безобъектном употреблении передает тождественное "вещественное" значение. Следовательно, он нейтрален по отношению к П/НП прежде всего потому, что в своем лексемном статусе он обобщает оба этих способа употребления. Особенность нейтральных глаголов состоит в том, что они, с одной стороны, могут реализоваться в конкретных речевых употреблениях, как в предельном, так и в неопредельном качестве, и, с другой стороны, условия контекста допускают реализацию как процессного, так и целостного (в частных случаях ограниченного внешним пределом) представления соответствующих действий. Синтагматические условия реализации нейтрального глагола в предельном или неопредельном качестве, по-видимому, носят более или менее стереотипный характер и принципиально поддаются перечислению.

3. Нередко именно неразличение акциональных и аспектных признаков приводит к ошибочной характеристике глагольной лексемы в плане П/НП. Иногда, говоря об акциональной неопредельности глагольной лексемы, на самом деле в сущности оперируют аспектным значением процессности. Так, по мнению Н.В.Морковиной [Морковина, 1969:103], наличие неопредельного значения доказывают трансформации следующего типа: *Er schrieb den Brief in einigen Minuten* → *Er schrieb*. Эта трансформация бьет мимо цели: из неопредельного значения словоформы *schrieb* в *Er schrieb* нельзя вывести то же значение словоформы *schrieb* в предложении, содержащем указание на эффицируемый объект, и на этом основании приписать глаголу *schreiben* "вообще" единую акциональную характеристику неопредельности. Аспектный признак процессности у такого глагола, который может присутствовать в исходном предложении (ср.: *Er schrieb sein Buch bereits ein Jahr*), закономерно сопровождает признак направленности к пределу. Неопредельность и процессность - это разнородные семантические признаки. Неопредельность есть отсутствие всякого внутреннего предела,

как потенциального, так и реального. Признак же процессности не только всегда сопровождает направленность к пределу, но он может объединяться даже с признаком достижения реального предела. Ср.: *Langsam vergaß er alles, was hinter ihm lag* (Brezn. *Der Gymnasiast*, 92); *Nur mit Mühe brachte er sie dahin, daß sie ihn in sein Haus führten* (Feuchtwanger. *Der falsche Nero*, 26).

4. Неприятие нейтральных глаголов и, тем самым, отрицание возможности речевой реализации противоположных акциональных признаков, "предусмотренной" лексико-семантическим потенциалом глагольной лексемы, приводит к следующим противоречиям.

Во-первых, относя нейтральные, по-нашему мнению, глаголы к глаголам неопредельным, сторонникам бинарной классификации приходится признать, что "существует ряд НП- глаголов, у которых дистрибутивные элементы, типичные для П-глаголов, преобладают над дистрибутивными элементами, типичными для НП-глаголов" [Морковина, 1969: 103]. Глаголы типа *schreiben, gehen, laufen* попадают в этот ряд. Автор имеет в виду частный случай сочетаемости этих глаголов с элементами типа *bald, endlich*. Отметим, что в случаях такой сочетаемости может передаваться (не обязательно передается) не акциональная предельность, а только актуальное достижение предела в описываемой конкретным предложением ситуации. Ср. приведенный автором по данному поводу пример: *Er schrieb endlich einen sachlichen Bericht über ersten Tag*.

Во-вторых, сторонникам бинарной классификации часто приходится говорить о нейтрализации значения П или НП под влиянием контекстных средств. При тройственной классификации, и особенно при условии четкого разграничения акциональной и аспектной П, проблема контекстной нейтрализации П и НП отпадает.

Анализ работы шведского аспектолога С.-Г.Андерссона, придерживающегося тройственной классификации, также дает основание для ряда критических замечаний. Хотя в отличие от многих аспектологов С.-Г.Андерссон считает, что при лексематической характеристике глагола следует учитывать и значения, отображаемые в типичных синтаксических конструкциях, он искусственно ограничивает количественный состав элементов конструкций тремя - "субъект + предикат + один уточнитель" (*Ergänzung*). Подход, основанный на искусственной формализации синтаксических структур, чреват рядом недостатков.

Во-первых, нередко факультативная валентность глагола оказывается решающей при квалификации его акциональных свойств. Например, глагол *tanzen* оказывается в числе нейтральных потому, что он в рамках указанного шаблона может выражать и предельное и

непредельное значение, ср. *im Saal tanzen* - НП, а *in den Saal tanzen* - П. С нашей точки зрения, глагол *tanzen* не попадает в разряд нейтральных на том основании, что в большинстве случаев употребления, как абсолютного, так и с различными "уточнителями", он выступает как непредельный глагол. Так, среди 31 примера на *tanzen* в нашем материале нет ни одного случая его употребления в предельном значении.

Во-вторых, указанное ограничение не позволяет характеризовать глагольную лексему в акциональном плане в тех случаях, когда она трехвалентна, ср. *sich bemächtigen* (см. [Johanson, 1975:127]).

В-третьих, типичные, регулярные контексты глаголов, включающие в свой состав более одного "уточнителя", причисляются С.-Г. Андерссоном к "рекциональной предельности II", которая, по мнению автора, не оказывает никакого влияния на формирование акционального значения лексемы как таковой. Так, глагол *tragen* определяется им как непредельный на основании учета лишь абсолютного (*das Eis trug*) и транзитивного (*einen Koffer tragen*) употребления. Конструкция же *etw. irgendwohin tragen* из-за "лишнего" синтаксического элемента (локального конкретизатора) относится к "рекциональной предельности II".

Жесткая привязанность к избранному шаблону вынуждает исследователя любой "лишний" элемент без должной дифференциации, если он даже акционально релевантен, относить к числу конкретизаторов "внешнего предела". Так, локальный конкретизатор *zur Gepäckannahme* в конструкции *einen Koffer zur Gepäckannahme tragen* объявляется показателем внешнего предела, безразличным для акциональной квалификации глагола. При таком подходе один и тот же тип локального конкретизатора при одних глаголах движения (передвижения) выражает, по С.-Г. Андерссону, "внутренний предел" (*in den Saal tanzen*, *in die Kirche gehen*), а при других - "внешний предел" (*etw. in die Kammer tragen*).

Нам кажется, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же типом предельности, т.е. с акциональной предельностью, связанной с признаком направленности действия к пределу, ибо любое указание на цель движения есть указание на локальный предел, по достижении которого движение прекращается во времени и пространстве (*tragen* же в *Das Eis trug* имеет иное значение - выдерживать давление, тяжесть, и это значение должно обсуждаться особо).

В принципе любой локальный конкретизатор, выполняющий функцию целеуказания при глаголах движения, можно рассматривать как обозначающий "внешний предел". В таком случае, однако, приведенные выше локальные конкретизаторы следует квалифицировать одинаково - как показатели "внешнего предела". Нам представляется, что различие

между типами локальных конкретизаторов соотносится с планом не акциональной, а аспектной предельности. В свою очередь, аспектная характеристика зависит не от количества уточнителей при глаголе, а прежде всего от аспектуальной значимости того или иного предлога при конкретном локальном конкретизаторе. Так, предлог *in* в предложении (проанализированным на с. 55) *Gleims Kutscher trug ihm den geliehenen Koffer in die Bahnhofswirtschaft* (Seghers. *Die Toten bleiben jung*, 134) доводит образ протяженности движения в пространстве до какого-то "вместилища", а достижение этого "вместилища" связано с пересечением отделяющем его границы. Иное дело - локальный конкретизатор с предлогом *zu* или *nach*. Например, хотя в предложении *Die Sanitäter trugen den Verletzten (auf einer Bahre) zum Krankenwagen [DGW]* и названа конечная точка перемещения "предмета", предлог *zu*, указывающий прежде всего на направление движения, лишь имплицитно вероятност достижения этой конечной точки. Ее достижение или недостижение проясняется только из более широкого контекста. Ср. пример, где аспектное содержание действия *tragen* обусловлено аспектным содержанием последующей ситуации: *Sie trug ihre Taschen nach Haus. Als sie nahe ihrer Straße über die Brücke ging, sagte sie...* (Simon. *Drei Haute aus Eis*, 86).

К глаголам нейтральным мы относим такие глаголы, которые, имея тождественное «вещественное» значение, в зависимости от способа употребления могут выступать как в предельном, так и в неопредельном качестве. В своем лексемном статусе они обобщают оба способа употребления, т.е. предельное и неопредельное (см. анализ акциональной семантики глагола *tragen* на с. 57).

Различаемые нами три типа предельности не совпадают с теми тремя типами предельности, которые выделяет С.-Г.Андерссон. Во-первых, С.-Г.Андерссон не проводит такой семантической дифференциации. Во-вторых, в отличие от С.-Г.Андерссона, который различает лексематическую и рекциональную предельность I и II, мы относим выявленные типы акциональной предельности к лексематическому уровню языка на том основании, что соответствующие признаки аккумулируются в лексико-семантическом потенциале, глагольной лексемы как таковой. Отмеченные типы предельности присущи глаголу в его лексемном статусе. В-третьих, признак достижения предела фиксируется С.-Г. Андерссоном только на уровне "связей предикатов", что, однако, не соответствует данным фактического материала, ибо признак реального предела присутствует по меньшей мере в семантике "перфективных" глаголов непосредственно в их лексемном качестве. Кроме того, признак реального предела может присутствовать и в семантике некоторых

сочетаний с функциональными глаголами также постоянно, т.е. на уровне СФГ как устойчивого словосочетания, входящего в языковой лексикон.

Что касается позиции представителей бинарной классификации, относящих глаголы типа *gehen* в разряд неопределенных, то проведенный анализ показывает несостоятельность такой классификации: лексико-семантический потенциал, в частности, глагола *gehen* включает в себя намного больше признаков, способствующих реализации его предельной способности, нежели признаков, содействующих проявлению таких его качеств, которые обычно присущи неопределенному глаголу. Наши результаты находят подтверждение также в высказываниях С.Д. Кацнельсона (результаты были получены до знакомства с неопубликованной рукописью С.Д. Кацнельсона) о глаголах движения, где автор называет глаголы типа *gehen*, *laufen*, *fahren*, *fliegen* и т.п. "предельно-неопределенными", "поскольку они могут выражать оба значения и поскольку, далее, предельное значение является в них основным". Анализ АС, в качестве ядерного компонента которых выступает глагол *gehen* в различных временных формах показал, что в подавляющем числе случаев *gehen* выступает в своем акционально предельном качестве (в претерите - 73,2% случаев (123 примера из 168 – см. Ризаев, 1999а), в перфекте – 100% (32 примера – см. Ризаев, 2003) в презенсе 92,3% (48 из 52) – см. Ризаев, 2008). Такая статистика является весомым аргументом против позиции представителей бинарной классификации.

Как нам кажется, здесь уместным будет остановиться на глаголах движения, характеризующиеся доминирующим признаком неопределенности (см. подробнее: [Ризаев, 1999а: 74-88].

К глаголам движения с доминирующей семьей "неопределенность" мы относим группировки глаголов, специфическое значение которых может толковаться с помощью лимитативно нейтральных глаголов *gehen*, *laufen* в их неопределенном качестве и обстоятельств типа *schleichend*, *gebuckt*, *würdevoll*, *geziert*, *mit kurzen Schritten* и т.д. Несмотря на свою многочисленность глаголы, входящие в эту общую группу, не отличаются высокой частотностью употребления. В нее входят прежде всего глаголы, характеризующие походку человека при ходьбе:

а) подчеркивающие специфику походки человека: *sich stehlen* „heimlich gehen, vorsichtig eindringen"; *schleichen*, *sich schleichen* „geräuschlos (langsam oder heimlich) gehen"; *marschieren* „marschmäßig gehen"; *schreiten* „würdevoll, feierlich gehen"; *ziehen* „(langsam) gehen, sich stetig fortbewegen"; *tänzen* „wie im Tanzen gehen"; *sich schleppen* „mühsam (mit Mühe) gehen"; *schlurfen*, *schlürfen* „schleppend einhergehen";

б) обозначающие тяжелую поступь, отяжелевшую походку: *stapfen* „schwerfällig einhergehen"; *stampfen* „stampfend gehen";

в) выражающие неуверенность шага, походки человека; schwanken, taumeln, torkeln (разг.), wanken, (sich) schaukeln, wippen - вне сочетания с динамическими обстоятельствами места (переносное значение) эти глаголы обозначают не перемещение субъекта в пространстве, а имеют прямое значение „sich aufrecht stehend unregelmäßig hin und her bewegen, sich nicht mehr sicher halten“;

г) выражающие естественные особенности походки движущегося субъекта: hinken, humpeln, lahmen „mangelhaft gehen infolge von Entkräftung oder eines besonderen Fehlers“;

д) обозначающие звукоподражательные или иные действия, сопутствующие ходьбе: stampfen, schlürfen; tappen - trappen - trappeln, trapsen - tappeln, trampeln - trippeln: tappen - „stapfen, schwerfällig gehen“, trappen, trapsen „schwerfällig plump gehen“, trappeln, trippeln „mit kurzen, zierlichen und schnellen Schritten gehen“; tappeln „watscheln; schwerfällig und schwankend einhergehen“.

Следующую группу глаголов с доминирующим признаком "непредельности" представляют глаголы, обозначающие бесцельный характер ходьбы субъекта в пространстве: bummeln, schlendern, streichen, schweifen, streifen; bummeln - „langsam, ziellos spazierengehen; schlendern, nichts tun“; schlendern - „müßig gehen; behaglich gehen“; streifen; streichen, schweifen - „ohne feste Richtung, planlos gehen“. Как справедливо отмечает В.А.Михайленко, промежуточное положение между группами, указывающими на целевую установку ходьбы или на ее бесцельный характер, кроме streifen занимают также глаголы wandern и wandeln. Отмечается также, что глаголы irren, schleichen, sich schleppen, strolchen, treiben, wandeln и лексико-семантические варианты глаголов bummeln, schlendern, spazieren, streichen, streifen, указывающие на самостоятельное движение без определенной цели („eine ziel- und planlose Bewegung ohne bestimmte Richtung“), нередко сочетаются с префиксом herum (или с его вариантами um-, her-, разг. rum-), подчеркивающими характер движения в неопределенном направлении [Михайленко, 1976: 67].

Глаголы типа schleichen, schreiten, marschieren, tanzen, reiten и т. п. так же можно отнести к обсуждаемой группе. Подобные глаголы С. Д. Кацнельсон называет «непредельно-предельными» на основании того, что в этих «допускающих двоякое употребление глаголах основным является непредельное значение» и что при «отсутствии указаний на направление движения такие глаголы имеют непредельное значение» [Кацнельсон. Рукопись]. С. Д. Кацнельсон, справедливо отметив доминирующее непредельное свойство указанных глаголов, относит их тем не менее в разряд лимитативно нейтральных, по нашей терминологии, глаголов. В то же время такие глаголы, как spazieren, wandern, wandeln, по мнению автора,

«обнаруживают только неопределённое значение» [там же]. Нам представляется, что приведенные здесь утверждения нуждаются в некоторой корректировке. Дело в том, что и глаголы типа *spazieren*, *wandern* могут в силу специфики глаголов движения выражать направленное движение сочетаясь с конкретизаторами локальной направленности (предлог + субстантивное обозначение ориентира, локальное направляющее наречие) и тем самым, «преобразовываться» в предельные, ср.: *die Besucher spazierten in den großen Saal (begaben sich dorthin); die Nomaden wandern mit ihren Herden zu neuen Weideplätzen, wandern nach Osten; für dieses Delikt muß er ins Gefängnis wandern /DGW/.*

Таким образом, имеются аналогичные основания для того, чтобы и глаголы типа *spazieren*, *wandern* называть «неопределённо-предельными» и относить их в разряд лимитативно нейтральных. Однако глаголы подобного рода, включая и те, которые характеризуются С. Д. Кацнельсоном как «неопределённо-предельные», мы не относим к этому разряду по той причине, что акциональное «преобразование» здесь обусловлено сугубо речевым, контекстным воздействием. Лексико-семантический потенциал подобных глаголов не включает в себя одновременно контрастные акциональные признаки «предельность/непредельность», как это мы наблюдаем в случаях с лимитативно нейтральными глаголами типа *gehen*, *laufen*, *fahren* и т. п. Лексические значения последних отличаются высоким уровнем абстракции в плане отображения признака "движение": лексическое значение ограничивается общим указанием на свободное передвижение, перемещение субъекта в пространстве без особой конкретизации способа передвижения с его качественной стороны. Что касается лексических особенностей рассмотренных выше глаголов, то их специфика заключается именно в качественной конкретизации признака "движение". Обрамляясь различными смысловыми компонентами, признак "движение" как бы затемняется ими, а на передний план выдвигаются смысловые компоненты, характеризующие качество, свойственное данному типу передвижения. Так, например, глаголы типа *sich stehlen*, *stapfen*, *taumeln*, *hinken* характеризуют различное качество походки субъекта в пространстве; с помощью глаголов типа *schlurfen*, *tappen*, *trippeln* подчеркивается не столько само движение, сколько звуковые моменты, сопровождающие ходьбу субъекта; бесцельный характер передвижения субъекта выражают глаголы типа *bummeln*, *schlendern* и т.п. Семантические коннотации подобного рода, обрамляющие признак "движение", и предопределяют доминирующее акциональное свойство неопределённости у глаголов рассматриваемого типа.

3.3. Специфические особенности нейтральных глаголов

Остановимся на некоторых специфических особенностях нейтральных глаголов.

1. Акционально нейтральные глаголы способны описывать в аспектном плане (чаще всего при реализации "предельной способности") ситуации, характеризующиеся так называемым аспектологическим дуализмом: действия, отображаемые этими глаголами, как правило, представляют ситуации неопределенные, двойственные в аспектном плане, причем в том отношении, что их можно с одинаковой вероятностью интерпретировать и как достигшие реального предела, и как процессные.

Ср.: Am Abend schrieb ich einen dritten Brief nach Uelzen (Kleieidam, Westland-Story, 102);

Gierig tranken die Erschöpften das belebende Naß (Apitz, Nackt unter Wölfen, 230).

В обоих случаях акционально нейтральный глагол используется в высказывании в своем предельном качестве - в смысле направленности к пределу, но дана возможность двоякого осмысления высказываний в плане ДП/НДП.

2. "Поведение" нейтральных глаголов в составе фазовых конструкций, в частности в сочетаниях с финитивным глаголом *aufhören*, заметно отличает их от однозначно предельных и непредельных глаголов. Рассмотрим в качестве примера нейтральные глаголы движения и перемещения типа *gehen*, *tragen*. С одной стороны, такие глаголы в качестве непредельных, как правило, не сочетаются с глаголом *aufhören* (среди около 500 примеров на *aufhören* + инфинитив не зафиксирован ни один подобный пример), что существенно отличает их от однозначно непредельных глаголов, сочетаемость которых с *aufhören* свободна без сколько-нибудь заметных ограничений. Возможная (хотя и редкая) сочетаемость подобных глаголов с начинательными фазовыми глаголами обычно характеризуется дополнительными коннотациями. Ср.: Sie ging mit ausgestrecktem Arm im Kreis herum... Dann fing sie an, geschwinder zu gehen, immer geschwinder (Goethe. Leiden des jungen Werther). Здесь выражается не сам момент возникновения действия, а момент перехода уже начавшегося и протекающего процесса в качественно иное состояние. Ср., однако: Er erhob sich vorsichtig, sah den Platz in schwarze Rauchschwaden gehüllt und begann zu laufen (Kain. Der Weg zum Odensee, 131).

С другой стороны, нейтральные глаголы могут (также редко) сочетаться с *aufhören* в ситуациях, когда они выступают как предельные, но когда при этом проявляется сильная тенденция к дезактуализации

предельности. В подобных случаях выражается прекращение, как правило, не локализованного во времени (или многократного) действия, т.е. наблюдаются ситуации, аналогичные тем, которые возможны и при однозначно предельных глаголах. Ср.: Man wurde, im Hinblick auf die sozialen Konflikte in der Gesellschaft, aufhören müssen, schöne Bücher zu haben, sich Bücher zu kaufen, Musik zu hören, auf Urlaub zu fahren und so fort und so fort (Fürnberg. Prosa I, 313). Здесь выражается прекращение многократных, не локализованных во времени действий, отображаемых, в частности, как предельным глаголом kaufen, так и лимитативно нейтральным fahren. Ср. также пример с однозначно предельным глаголом sagen: Hög endlich auf, Sie zu sagen. Sag du! (Noll. Abenteuer des Werner Holt, 298).

3. Утверждение о том, что полисемия глагольной лексемы не означает полиакциональности глагола в плане П/НП (см.: [Морковина 1969: 97-98]), не выдерживает критики по отношению прежде всего к глаголам нейтральным. Разные акциональные признаки могут принадлежать нейтральному глаголу как в одном и том же "вещественном" значении, так и в разных значениях. Ср., etw. tragen - неопределенный, а etw. irgendwohin tragen – предельный, с одной стороны, и, с другой стороны, eine Brille tragen - неопределенный, а в значении (Früchte) hervorbringen: der Acker trägt Weizen, Hafer, Roggen /DGW/ - предельный.

4. Еще одна - по нашему мнению, периферийная – особенность нейтральных глаголов состоит в следующем. По утверждению некоторых лингвистов, содержание отдельных грамматических форм нейтральных глаголов может трактоваться двояко в аспектном и таксисном планах. К таковым помимо претерита относят атрибутивную форму причастия второго и форму перфекта. Так, В.Я.Мыркин пишет: "Причастия от глаголов, нейтральных к значению предельности/неопределенности, могут выражать как одновременность, так и предшествование: das gelesene Buch - это и читаемая книга и прочитанная книга, das dargebotene Buch - предлагаемая книга и предложенная книга" [Мыркин, 1986: 57]. Отметим, что изолированная форма атрибутивного причастия II, как правило, выражает значение предшествования. Для выражения одновременности требуются особые условия контекста. Тем не менее, указанная особенность нейтральных глаголов существенно отличает их от неопределенных и предельных глаголов, ибо причастия от них способны выражать лишь одно из указанных выше контрастных таксисных значений: от переходного неопределенного глагола - одновременность действию глагола, ср. Der geehrte Herr sagte mir zornig..., а от переходного предельного глагола - предшествование, ср.: Der zerrissene Brief lag auf dem Tisch.

Такая же примерно картина получается при изолированной форме перфекта, образованного от нейтрального глагола. Мы не можем утверждать, как это делает В.Я.Мыркин, что "действие в предложении: *Ich habe einen Brief an Irina geschrieben* может быть понято и как находящееся в процессе, и как завершённое, если нет в контексте каких-либо аспектуальных актуализаторов" [Мыркин, 1989:24]. Думается, что именно наличие специальных аспектно значимых конкретизаторов требуется для возможной интерпретации действия, выраженного формой перфекта, как не достигшего реального предела. Ср.: *Ich habe einen Roman geschrieben und nicht beendet, ich habe Gedichte gemacht und meiner Klasse manches Fußballspiel gewinnen helfen, ich weiß vieles - und weiß nichts für mich* (Brezan. *Der Gymnasiast*, 95).

3.4. Глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта»

Особо следует остановиться на глаголах "непосредственного, непрерывного эффекта", семантическая специфика которых заключается в том, что они "обозначают процессы, которые могут мыслиться и как сколь угодно длительные, и как очень кратковременные, практически мгновенные" [Маслов, 1984: 62]. Речь идет о глаголах типа *видеть/увидеть, слышать/услышать, благодарить/поблагодарить, волноваться/взволноваться, смотреть/посмотреть* и т.п. Если в русском языке названные значения - длительности и мгновенности - разграничиваются противопоставлением форм НСВ и СВ, то в немецком языке эти, подчеркнем - контрастные в аспектном плане, значения входят в лексико-семантический потенциал одной "общей" глагольной лексемы. Реализация одного из этих аспектных значений зависит от сугубо контекстных условий, с одной стороны, а с другой стороны, возможность актуализации одного из названных значений в немалой степени зависит и от субъективной оценки наблюдателя, ибо "вещественное" содержание сообщаемого факта остается в обоих случаях одним и тем же. Важно подчеркнуть, что даже для русского языка с его четкой видовой системой рассматриваемое противоположение аспектных значений оказывается не связанным с видом. Так, Ю.С.Маслов отмечает: "Во втором члене формулы (имеется ввиду 'попытка' - 'успех' - Б.Р.) одинаково возможны и СВ, и НСВ, что лишний раз подчеркивает тождественность их материального значения: *слушал, но не услышал по существу = слушал, но не слышал; смотрел, но не увидел = смотрел, но не видел*". Следует вывод: "противоположение 'попытка' - 'успех', одно из важных противоположений в системе функций видовых пар, может выражаться в русском языке и независимо от вида, посредством других

соотносительных глагольных пар, не видовых, а чисто лексических" [там же: 63].

В немецком языке глаголы "непосредственного, непрерывного эффекта", как *sehen, hören, fühlen, schreien, lügen, raten* (гадать) и др. являются нейтральными в плане ДП/НДП. Как же следует их квалифицировать на акциональном уровне? Относятся ли они к глаголам предельным или непредельным, либо же они нейтральны по отношению к П/НП? Актуальность этого вопроса вытекает из того, что в аспектологической литературе представлены все три возможных ответа.

Представители калининской школы относят их к глаголам непредельным, отмечая при этом, однако, что при подобных глаголах (называются глаголы *sehen, hören, wissen, sich fühlen, helfen*) преобладают "дистрибутивные элементы, типичные для П-глаголов". Характеризуя такие глаголы, Н.В. Морковина отмечает: "Несомненно, что основной семой глаголов является обозначение длительного непредельного действия, но в речи значение длительности у данных глаголов отступает на задний план. Обычно важным бывает не то, сколько времени продолжалось действие, выражаемое названными глаголами, а было оно или нет, то есть в речи эти глаголы обычно констатируют фактивность действия (состояния)" [Морковина, 1969: 103].

С.-Г.Андерссон относит глаголы рассматриваемого типа также к непредельным на основании того, что они в рамках его искусственного шаблона выражают непредельное значение [Andersson, 1972: 49, 215]. Иного мнения придерживается П.Петков. Он глаголы типа *sich freuen, sich kümmern, staunen, jammern, schnüffeln, zittern* относит к числу нейтральных на том основании, что в речи они могут выражать и завершённые действия [Petkov, 1965: 555].

И, наконец, согласно точке зрения А.В.Бондарко, соответствующие глаголы являются предельными, потому что "они обнаруживают явно выраженную способность к участию в передаче имплицитного предела" при повторяющихся действиях [Бондарко 1987в: 61-62]. Если учесть, что "имплицитный предел" является разновидностью реального предела, то и А.В. Бондарко при определении акциональной характеристики глагола исходит здесь из его аспектной потенции. Мы же до сих пор придерживались мнения о том, что акциональная характеристика глагола не стоит в прямой зависимости от аспектной характеристики выражаемого этим глаголом действия (предельный глагол сохраняет свое акциональное свойство и при процессном изображении отображаемого им действия). Что же мы наблюдаем в безвидовом немецком языке?

Несмотря на различия в оценке акциональной характеристики рассматриваемых глаголов бесспорным признается тот факт, что по-

добные глаголы могут в речи выражать как процессные, так и "целостные" действия. Такой способностью обладают в немецком языке либо глаголы предельные, либо же нейтральные. Глаголы непредельные могут отображать или статальные действия, или же действия, ограниченные внешним пределом (инициальным или конечным). Следовательно, по этой логике глаголы "непрерывного эффекта" должны попасть либо в разряд предельных, либо в разряд нейтральных. Однако такая логика страдает одним недостатком, а именно: характеристика глагола как предельного требует обязательного наличия признака хотя бы потенциального предела. Этим-то признаком, семой направленности к пределу, и не обладают рассматриваемые глаголы. В примерах типа *Plötzlich sah (hörte) er etw.*; *Dann lachte er* мы имеем дело со значением начала действия, с фактом наступления нового состояния, с переходом из одного состояния в другое. Кажется, что с конечным пределом нам здесь не приходится сталкиваться. Действие представляется не как завершенное или исчерпанное в момент наблюдения, а как бы имеющее свое продолжение на временной оси. *Endlich sah er sie* означает, что "он увидел ее и продолжает ее видеть". Признак же возможного продолжения действия или же признак наблюдаемости (перцептивности) характеризует прежде всего действия, выражаемые непредельными глаголами (хотя подобное возможно и при действиях, отображаемых глаголами предельными). Таким образом, мы не находим достаточных оснований, чтобы относить подобные глаголы к предельным.

Глаголы "эффекта" мы склонны причислить к лимитативно нейтральным на том основании, что сама особенность их лексического содержания, позволяющая отображать такие действия, "которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся "неэффективными", "безуспешными" и в то же время "могут мыслиться и как сколь угодно длительные" [Маслов, 1984: 62], преопределяет одновременно и аспектную, и акциональную нейтральность. Это тот случай, когда мы наблюдаем тесную взаимосвязь между "вещественным" значением, аспектным признаком и акциональным свойством глагольной лексемы и взаимообусловленность всех этих моментов.

Проведенный выше анализ специфических особенностей лимитативно нейтральных глаголов позволяет нам не соглашаться с существующими в литературе определениями сущности подобных глаголов. Как правило, лингвисты, признающие наличие нейтральных или "двойственных" глаголов, исходят из предположения, что некоторые непредельные глаголы могут приобрести предельное значение в контексте; ср.:

"Глаголы, склонные к такой модификации, называются нейтральными (относительно П/НП)" [Мыркин, 1989: 23].

С.-Г. Андерссон, признавая, с одной стороны, отсутствие признака предела в инфинитивной форме нейтральных глаголов и учитывая, с другой стороны, то что при употреблении таких глаголов в рамках указанного выше шаблона проявляется признак предела, заявляет, что в инфинитивной форме таких глаголов "признак предела отсутствует не в такой степени", как в глаголах, квалифицируемых им как лексематически неопредельные [Andersson, 1972: 34]. Отмечая лишь различную степень отсутствия семы предела в значениях нейтральных и неопредельных глаголов, С.-Г. Андерссон не говорит о наличии совокупности (потенции) признаков П/НП в семантической структуре нейтральных глаголов.

Первая часть определения, которое дает Ю.С. Маслов, как будто отражает сущность нейтральных глаголов, однако его вторая часть, с нашей точки зрения, упрощает действительную картину. Ср.: "В ряде случаев предельные и неопредельные значения совмещаются в одном глаголе: глагол неопредельный в абсолютном употреблении, становится предельным в сочетании с дополнениями определенного типа или с обстоятельствами цели (границы) движения" [Маслов, 1984: 11]. Утверждение о том, что глагол "неопредельный ... становится предельным ..." противоречит определению сущности значения предельности. Ср.: "Неопредельность - это отсутствие внутреннего предела, который бы ограничивал течение действия хотя бы в перспективе" [там же: 11]. Отсюда вытекает, что отсутствие признака предела в лексико-семантическом потенциале глагола неопредельного несовместимо с возможностью его превращения в предельный. Когда же мы говорим, что лимитативно нейтральный глагол может выступать то в качестве предельного, то в качестве неопредельного, мы имеем в виду именно то обстоятельство, что оба лимитативных признака совмещены в лексико-семантическом потенциале одной глагольной лексемы и выражение каждого из них зависит от конкретного способа употребления.

К акциональной характеристике глаголов можно подойти и с другой стороны, т.е. считать, что предельная/неопредельная характеристика, приписываемая глаголу, есть свойство не самих глаголов, а некоей акциональной фразы в целом. Учитывая наш принцип определения лексико-семантического потенциала глагольной лексемы, можно утверждать, что и при таком подходе ничего существенно не меняется. Лимитативные признаки акциональных фраз, составным элементом которых является глагол с одним и тем же "вещественным" значением,

проецируются в конечном счете на семантику глагольной лексемы и аккумулируются в ее потенциале.

Здесь, однако, нам кажется целесообразным выделить двух типов акциональных фраз. Первый тип - это минимальная фраза, характеризующаяся однозначно в плане лимитативности, ср.: *etw. tragen* - НП и *etw. irgendwohin tragen* - П. Ко второму типу мы относим акциональные фразы, ядерным элементом которых являются глаголы "непосредственного, непрерывного эффекта". Специфика этих фраз заключается в одновременной неопределенности их акциональной и аспектной характеристик: *etw. sehen (hören)*. Если в первом случае лимитативное свойство акциональной фразы (глагольной формы внутри этой фразы) остается неизменной величиной и не зависит от аспектной семантики всей аспектuallyй ситуации, то во втором случае мы наблюдаем тесную взаимообусловленность акционального и аспектного признаков внутри аспектuallyй ситуации.

Одним из главных условий квалификации глагола как нейтрального по отношению к акциональной П/НП является наличие примерной равновероятности синтагматических ситуаций, в которых для образа действия направленность к пределу актуальна или неактуальна. Рассуждая так, мы обращаемся не к объективным характеристикам действия, взятого вне всякого отношения к способам его отображения, а к типам именно отображения действия, о котором в чисто "вещественном" плане следует говорить как об одном и том же. В отражательном же плане существенным становится не только объективное различие направленности/ненаправленности к пределу, но и включение или невключение этой направленности/ненаправленности в обобщенный образ ситуаций, которые описываются с участием соответствующего глагола.

Примерная равновероятность данного различия в образах ситуаций употребления таких нейтральных глаголов, включая и достижение/недостижение предела, имеет то следствие для лексико-семантического потенциала этих глаголов на системно-парадигматическом уровне, что в рамках этого потенциала обобщаются значения действия с признаком предела и действия непредельного. И напротив, доминанция в одних случаях образа предельного действия или, в других случаях, образа непредельного действия в массе реальных употреблений глагола ведет к тому, что соответствующий, так сказать, вероятностно "сильный" признак окрашивает собой системный инвариант лексического значения глагола.

С точки зрения такого вероятностного подхода к распределению немецких глаголов по соответствующим акциональным классам наиболее однозначными являются "перфективные" или так называемые "ультрапредельные" (типа *finden, brechen, ergreifen, ankommen, platzen*), предельные

(nehmen, kommen, öffnen, sagen, bringen) и, напротив, ультранепредельные глаголы (leben, sich langweilen, gehören, aussehen). Что касается глаголов типа hören, sehen, lachen, sich fühlen, которые чаще всего относят к числу просто непредельных, то их следует квалифицировать как нейтральные, подобно глаголам типа schreiben, tragen, essen, gehen, fliegen.

Таким образом, мы выделяем четыре акциональные группы глаголов: 1) перфективные, 2) предельные, 3) нейтральные, 4) непредельные. Входящие в эти группы глаголы по-разному участвуют в выражении аспектной семантики. Глаголы перфективные и предельные отображают, как правило, трансформативные действия в соответствии с их онтологической природой, т.е. как достигшие реального предела или результата. Непредельные глаголы участвуют обычно в отображении статальных действий. Лимитативно нейтральные глаголы способны отображать оба типа действий. Различие между перфективными и предельными глаголами состоит в том, что первые почти всегда выражают актуальное достижение предела единичным локализованным во времени действием, а вторые допускают возможность процессного представления трансформативного действия в контекстах, как бы специально организуемых с этой целью. Среди непредельных глаголов можно также выделить такие, которые постоянно выражают статальные действия, и такие, которые допускают репрезентацию статального действия с моментом его начального или конечного ограничения. Подробный анализ различных типов действий проведен нами в опубликованных монографиях, посвященных анализу аспектной семантики временных форм немецкого глагола [Ризаев 1999, 2003, 2008].

3.5. Аспектуальная амбивалентность немецкого глагола

Мы различаем три типа амбивалентности в функционально-семантическом поле аспектуальности немецкого языка [Ризаев, 1999a]; (1) акциональную амбивалентность, (2) акционсартовую неопределенность, двойственность и (3) аспектный дуализм. Акциональная амбивалентность свойственна лимитативно-нейтральным глаголам, характерной особенностью которых является их способность совмещать в своем семантическом потенциале одновременно два противоположных акциональных признака - предельное и непредельное свойство [Ризаев, 1990]. Под акционсартовой амбивалентностью мы понимаем возможность двоякой или неоднозначной интерпретации глагольного действия в плане ингрессивности/эгрессивности. Аспектная (видовая) амбивалентность или ситуация аспектологического дуализма (САД) предполагает неопределенность, двойственность при интерпретации глагольного действия в плане достигнутой/недостигнутой предела (ДП)/ недостижимости предела (НДП) [Балин,

1969; Илькив, 1981: 2]. Все три типа амбивалентности тесно взаимосвязаны между собой и нередко взаимообуславливают друг друга.

Утверждения о том, что причинами аспектологического дуализма действия являются "избыточность средств аспектологического контекста, например, соперничество синхронии и сопряженности действий в последовательности" [Балин, 1969: 150], что "склонность к АД кроется в семантике обычных неопределенных глаголов" [Илькив, 1981: 7], не являются бесспорными.

Нам представляется, что основная причина ситуаций аспектологического дуализма лежит прежде всего в особенностях акциональной характеристики глагольной лексемы. Предельные глаголы могут участвовать в организации САД по той причине, что признак потенциального предела, заложенный в их семантике, предполагает обязательно и наличие признака процессности, ибо направленность к пределу не есть еще достигнутость его. Перфективные глаголы лишены возможности участвовать в организации САД потому, что выражают, как правило, результат предшествующего локализованного во времени действия. Возможность участия в САД действий, выраженных лимитативно-нейтральными глаголами, не требует особых доказательств. Акциональная амбивалентность таких глаголов сама уже обуславливает их аспектную двойственность, неопределенность, неоднозначность. Что касается участия неопределенных глаголов в ситуациях аспектологического дуализма глагольных действий, то здесь следует особо подчеркнуть, что в этом случае у нас нет веских оснований говорить об аспектологическом дуализме действий в плане ДП/НДП. Об аспектологическом дуализме действий с участием неопределенных глаголов говорить следует лишь в плане акционсартовой амбивалентности, т.е. в большей части в плане ингрессивности/эгрессивности. Действия, выраженные неопределенными глаголами, в аспектном плане могут характеризоваться лишь как ограниченные внешним (инициальным или конечным) пределом. Как правило, в подобных случаях мы наблюдаем постоянный аспектный признак процессности в сопряжении с тем или иным акционсартовым признаком, ср.: *Er wartete einen Augenblick; Plötzlich schlief er* (последний пример в духе интерпретации Ю.С.Маслова) [Маслов, 1976:129].

Глава 4. Категория способов действия

4.1. Проблема классификации "способов действия"

Выше мы уже говорили (с. 25), что в аспектологической проблематике вопросы, связанные с понятием способов действия, занимают значительное место, и перечисляли основные проблемы, которые сводятся к следующему:

- а) каков языковой статус СД;
- б) каковы критерии их выделения;
- в) каков план их выражения в том или ином языке.

Поставленные здесь проблемы, аналогично рассмотренным выше аспектологическим проблемам, не находят в специальной литературе однозначного решения. В аспектологической литературе мы находим довольно разноречивые ответы на эти вопросы.

Так, если Э. Кошмидер, Ю.С. Маслов, М.А. Шелякин и некоторые другие лингвисты считают, что СД - это семантическая категория, ср.: "Способы действия" - это семантические (именно семантические, а, скажем, не словообразовательные!) разряды глаголов" [Маслов, 1965: 71], то А.В. Бондарко считает их лексико-грамматическими разрядами [Бондарко, 1971: 6]. По мнению других лингвистов, СД - это синтаксическая категория [Renicke, 1961: 20; Фомина, 1967: 110]. Целый ряд лингвистов различных специальностей с термином "способ действия" связывает только формально выраженные акциональные значения (В.В.Виноградов, А.М.Ломов, Н.С. Авилова, А. Ганиев, В.А. Серебренников, Д.М.Насилов, Л.Юхансон, К.Шенинг, В.С. Храковский и др.).

Говоря о принципах классификации СД, достаточно сослаться на Л.Б. Гарифулина, ср.: "Для более полного описания различных сторон протекания действия можно выделить около 75 СД, т.е. в несколько раз больше, чем описывалось до сих пор: немецкие лингвисты (М. Дейчбейн, В. Адцалино, А.Хоппе, Г.Райт, Б.Бек и др.) выделяют до 23 СД, Д.Груббор - II, С. Агрель - 22, Ю.С.Маслов, А.В.Исаченко, А.В.Бондарко - до 32 СД ... Насчитывается около 20 СД, описываемых только отдельными авторами и отсутствующих в трудах перечисленных выше крупнейших аспектологов" [Гарифулин, 1971: 112]. Это подтверждает отсутствие единых критериев. В связи с этим Б.М.Балин замечает, что "из всех основных понятий аспектологии СД - это самая субъективная категория. Совершенно прав Вальтер Порциг, утверждающий, что количество СД установить невозможно, равно как и принцип, на основании которого они образованы. Этих классов столько, сколько существует различных

словообразующих формантов, и их значение должно устанавливаться для каждого из этих формантов особо" [Балин, 1969: 131; Porzig, 1927: 153].

Если учесть, что выделение СД не обязательно и не всеми связывается с наличием словообразовательных формантов, то картина может еще более усложниться. Ю.С.Маслов отмечает, что СД "не образуют строгой системы с конечным числом подразделений и в широких масштабах перекрещиваются между собой" [Маслов, 1965: 71].

В обобщенном плане можно говорить о следующих основных подходах к проблеме СД. Первое направление, представителями которого являются Ю.С.Маслов, А.В.Бондарко, М.А.Щелякин и др., характеризуется тем, что СД считают семантической или лексико-грамматической категорией, притом охватывающей всю глагольную лексику вне зависимости от формальной выраженности того или иного СД. Сущность второго направления, которое представляют А.В.Исаченко, Н.С.Авилова, А.М.Ломов и др., заключается в том, что признаются только морфемно "характеризованные" СД.

Так, Н.С. Авилова пишет: "Способы действия выражают модификацию значения действия, названного простым глаголом, в направлении количественно-временных уточнений его протекания и специальных характеристик результативности, причем эта модификация обязательно формально выражена" [Авилова, 1976: 266]. Отметим, что различия этих двух направлений не носят чисто терминологического характера. Разные подходы приводят к различным в качественном и количественном плане классификациям глагольных действий по характеру их протекания во времени. Показательно, что даже в рамках одной концепции не предлагается единая классификация. Одни и те же СД у разных авторов попадают в различные группировки и т.п.

Проблема классификации СД в немецком языке так же остается нерешенной по настоящее время, как и другие проблемы, связанные с СД, о которых говорилось выше.

По мнению многих авторов, сложность членения глагольной лексики на различные СД заключается прежде всего в полиакциональности глагольной лексики. Так, Л.К.Хакимова отмечает, что "полиакциональность глагола, являясь следствием взаимодействия различных планов, крайне затрудняет членение глагольной лексики на акциональные подклассы, т.е. на группировки, объединенные на основе строго определенных способов глагольного действия" [Хакимова, 1986]. На взаимосвязь различных акциональных характеристик глагольного действия обращают внимание также М.Дейчбейн [Deutschbein, 1920], В. Флемиг [Flämig, 1971].

В связи с этим некоторые германисты ставят под сомнение целесообразность выделения СД в немецком языке. Так, например, Х.Бринкман, считая, что немецкий язык не обладает системой средств выражения СД, говорит о "точках зрения" ("Seheweisen") [Brinkmann, 1971: 242-248]. Среди отечественных аспектологов, например, Б.М. Балин считает, что "... в плане соотношения основных понятий аспектологии ... при изучении ЯПК асп. как таковой вполне можно обойтись без СД" [Балин, 1969б: 131]. Большинство германистов признает, что в немецком языке нет четкой системы средств выражения СД. Однако это не дает оснований говорить об отсутствии вообще категории СД в данном языке. Например, В.Флемиг не только признает наличие СД в немецком языке, но утверждает, вслед за П.Поленцем, что они находятся на пути к грамматикализации ("auf dem Wege, Grammatik zu werden") [Flämig, 1971: 225; Polenz, 1963: 30].

В аспектологии, как общей, так и немецкой, не раз делались попытки создания такой классификации, в рамках которой выделенные аспектуальные группировки не пересекались бы между собой.

В немецком языке все выделяемые СД относят к фазовым и нефазовым, и на этой основе ряд исследователей выделяет такие фазовые СД, как начало действия, его протекание, продолженность, повторяемость, моментальность, конец действия и т.д. Например, И.Эрбен устанавливает следующие акциональные значения: начало (Beginn), длительность (Dauer), завершение (Vollendung), интенсивность (Intensivität), повторяемость (Wiederholung) [Erben, 1961: 22-27].

М. Дейчбейн выделяет четыре класса СД: временные (ингрессивный, инхоативный, прогрессивный, агрессивный, результативный), кратные (по количеству крат - разовые и повторяющиеся), интенциональные (сознательно совершаемые действия) и интенсивные (степени интенсивности действия) [Deutschbein, 1959:106-114]. Х. Бринкман говорит о различающихся "точках зрения" ("Seheweisen"), которые могут быть представлены в некоторых группах глагольных лексических значений, не ставя при этом данные различия в связь с понятием способов действия: 1) Beginn (начало); 2) Veränderung (изменение, переход в другое состояние); 3) Dauer (длительность); 4) Vollständigkeit (полнота/завершенность); 5) Gewinn (приобретение/утрата, ср., например, erringen, ankaufen, abnehmen и т.п.) [Brinkmann, 1971: 242-248].

В.Флемиг, обобщая результаты многих исследований, приходит к выводу, что в немецком языке нужно различать фазовые (Phasenaktionsarten) и нефазовые (nicht am Zeitablauf orientierte) способы действия. В качестве фазовых СД предлагается различать, с одной стороны, имперфективные (дуративные, курсивные) СД, которые

отображают процессы в их протекании без ограничения протяженности во времени, например, *blühen* и, с другой стороны, - перфективные, разовые, точечные, или терминативные СД, которые отображают процессы как ограниченные во времени или как переходы в другие состояния (*treffen*, *töten*). Основные фазовые значения характеризуются следующим образом:

1) фаза начала или приступа (*Eingangsphase*) охватывает такие разновидности начала процесса, как (а) неожиданный приступ процесса (*Ingressivum: entflammen*) и (б) постепенный переход в другое состояние (*Inchoativum: erblühen*);

2) конечная фаза (*Endphase*) объединяет процессы (а) с неожиданным концом (*Egressivum: platzen*), (б) с постепенным концом (*Konklusivum: verblühen*), (в) имеющие результат (*Effektivum: erschlagen*);

3) фаза протекания процесса (*Dauer* или *Verlauf*) включает как СД, выражающие чистое течение процесса, т.е. без указания на временную ограниченность и расчлененность (*arbeitet, blüht, schläft*), так и СД, которые подчеркивают особенность протекания процесса, т.е. его продолжение во времени (*weilerschlafen, durcharbeiten*);

4) итеративные СД отображают постоянное повторение одного и того же процесса (*wedeln, flattern, rauchen, trinken, atmen*) в выражениях типа *man raucht, man atmet* [Flämig, 1971: 276-277].

Вслед за В.Флемингом Л.Б.Гарифулин предлагает все СД в немецком языке делить на предельные (у В.Флемига - "перфективные") и непредельные ("имперфективные"). Автор считает целесообразным дифференцировать СД семасиологического и контекстуального уровня. Первые он называет инвариантными, а вторые - контекстуальными СД [Гарифулин, 1972а:16]. Признавая полиакциональность глагольной лексемы и считая это одной из главных причин невозможности выделения непересекающихся в акциональном плане группировок глаголов и глагольных фразем (например, *sich in die Haare fahren* выражает, по мнению автора, одновременно моментальность, ингрессивность, эффективность, реципрокативность), Л.Б.Гарифулин предлагает при классификации СД исходить из "главного аспектуального значения" глагольной лексемы или фраземы. При этом отмечается, что "главными моментами протекания действия нужно считать фазовость, повторяемость, длительность" [Гарифулин, 1971: 110]. Л.Б.Гарифулин предлагает различать основные и дополнительные СД. Основные СД делятся на предельные и непредельные. Под дополнительными СД понимаются такие, которые "не являются абстракцией от предельных или непредельных глагольных единиц, а существуют как отвлечение от такого представления действия, как интенсивность, аттенуативность, совместность". К дополнительным СД автор относит также делимитативный

и деминутивный СД в силу того, что "они характеризуют побочные моменты действия и могут иногда относиться к неопредельным СД (обычно эти СД характеризуют класс предельных единиц" [там же: 116].

Л.Б.Гарифулин рассматривает выделенные им дополнительные СД как "не имеющие собственно никакого отношения к аспектологии" [там же: 118]. Некоторая непоследовательность предлагаемой автором классификации состоит, по нашему мнению, в том, что в числе основных СД фигурирует каузативный СД [там же: 110], который к тому же отнесен, наряду с финитивным и комплетивным, в группу результативных СД. Если исходить из принципа, предложенного автором, а именно из главного значения глагольной лексемы или из главного акционального значения, то, во-первых, каузативный глагол актуализирует не характер протекания действия во времени, а отношение, свойственное каузации (делать так, чтобы совершалось какое-то действие); во-вторых, мы считаем не совсем верным относить финитивный СД к группе результативных, ибо финитивный СД не обязательно предполагает наличие какого-либо результата, а если даже прекращение действия и связано с каким-либо результатом, то это не основное, не главное значение финитивного СД.

Л.Б.Гарифулин, придя к выводу о том, что при выделении СД "вообще одно из главных требований к любой классификации - принцип непересекаемости классов - оказывается полностью непригодным", считает, что следует делить СД "на чисто видовые и СД, не имеющие собственно никакого отношения к аспектологии (дополнительные)" [там же: 118].

Общая аспектологическая позиция, представленная Б.М.Балиным и другими авторами изданного в 1979 году коллективного труда "Сравнительная аспектология русского и немецкого языков", основывается на положениях, аналогичных изложенным выше положениям В. Флемига и Л.Б.Гарифулина относительно СД, т.е. основывается на тесной взаимосвязи фазовых значений способов действия, которые, в свою очередь, непосредственно взаимодействуют с универсальным семантическим признаком предельности/непредельности. Из способов действия на особое место выделяются "фазовые СД" (предельные и неопредельные). Среди предельных фазовых СД называются 9 СД, в том числе начинательные СД (инхоатив и ингрессив) и завершительно-результативные СД (общерезультативный финитив, комплетив и мутатив); среди неопредельных - длительно-процессуальные СД (реляционный, эволютивный, статальный, итератив и т.д.). Авторы выделяют и так называемые нефазовые СД, которые, по их мнению, в отличие от фазовых, "носящих денотативный характер", представляют собой "оттенки

коннотативного порядка". В разряд нефазовых СД попадают те, которые были отнесены Л.Б.Гарифулиным к "дополнительным СД", но здесь они также делятся на предельные и непредельные [Балин, Бурмистрова, Колосова, Малышкина и др. 1979: 14-19] (ср. определение дополнительных СД Л.Б.Гарифулиным на с. 101).

На наш взгляд, правильно поступают те лингвисты, которые, не признавая жестких границ между выявляемыми в немецкой аспектологии СД, учитывают полиакциональность глагольной лексики и, различают в немецком языке следующие "акциональные планы": 1) изменение состояния/ переход в состояние (*Veränderung/Übergang*); 2) неизменность (*Beständigkeit*); 3) завершенность/результативность (*Vollzug - Vollendung/Gewinn - Ergebnis*); 4) интенсивность (*Intensivierung*); 5) длительность (*Dauer*); 6) повторяемость (*Wiederholung*); 7) начало (*Beginn*); 8) прекращение (*Aufhören/Ende*) [Хакимова, 1986]. Мы поддерживаем точку зрения многих лингвистов об отсутствии жестких границ между выделенными акциональными планами.

В языковых значениях, отображающих акциональные содержания, наблюдаются различные взаимопереходы, пересечения, наложения, комбинации даже в пределах одного языкового знака. Скажем, акциональное содержание "длительность" может входить в качестве компонента в семантический потенциал любого статального, обозначающего объективно неопредельное действие глагола, вне зависимости от выражаемого им СД. Семантический признак "изменение состояния/переход в новое состояние" (*Veränderung/Übergang*) является обязательным компонентом трансформативных действий (предельных в самой объективной действительности). Этот семантический признак также входит в значения глаголов, обозначающих одну из разновидностей фазы начала — инхоативный СД.

Значение "начало" (*Beginn*) неразрывно связано со значением перехода из одного состояния в другое. В свою очередь, переход в новое состояние может быть постепенным или внезапным. Акциональный план прекращения (*Aufhören/Ende*) может пересекаться с планом завершенности/результативности (*Vollzug - Vollendung/Gewinn - Ergebnis*), а также может характеризоваться различной степенью интенсивности, ср. постепенное (конклюзивный СД) или внезапное (эгрессивный СД) прекращение. Не подлежит никакому сомнению, что признаки, относящиеся к разным акциональным планам, охватываемые понятием СД, могут объединяться таким образом в значениях конкретных глаголов, что группировки глаголов не образуют непересекающихся классов. Причина отсутствия какого-либо единого основания классификации глаголов по способам протекания действий во времени кроется не в

некомпетентности исследователей, а в природе объекта исследования. Попытки ради чистоты классификации упростить проблему приводят лишь к обедненному отражению языковой действительности. Об этом очень убедительно говорит В.Г.Адмони в работе "О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю" [Адмони, 1961].

В.Г.Адмони обосновывает необходимость изучать каждое грамматическое явление "с учетом всех его "мер", т.е. всех его сторон и связей" и "находить ... ведущие, доминирующие стороны, определяющие его основной характер". В.Г.Адмони не считает, что "все грамматические явления можно подвергнуть безоговорочной однолинейной классификации", так как "из самого существа грамматических явлений, из множества критериев при их определении вытекает возможность введения в классификацию промежуточных, переходных форм, где отсутствует четкая доминантность и противоборствующие тенденции примерно равновелики" [там же: 50].

В аспектологии на протяжении длительного времени преимущественное внимание уделялось исследованию аспектуальных значений, выражаемых средствами глагольной морфологии. В дальнейшем в связи с возрастающим интересом к проблемам аспектологии, с одной стороны, и к вопросам взаимодействия разноуровневых средств выражения инвариантных семантических функций, с другой, определенное значение приобретает исследование различных компонентов поля аспектуальности того или иного языка. Этому способствовала разработка принципа "полевой структуры" грамматических явлений в работах В.Г.Адмони [1935; 1961; 1964], М.М.Гухман [1968], Е.В.Гулыга [1967], Е.И.Шендельс [Гулыга, Шендельс 1969] и др. В области славянской (русской) аспектологии этот принцип обоснован А.В.Бондарко [1971], который связал понятия поля и функционально-семантической категории.

Принципом "поля" руководствуются и при исследовании аспектуальных характеристик немецкого глагола. Так, например, В.Флемиг оперирует понятием "grammatisch-semantische Felder". Выделяемый им план акциональности (Aktionalität) выражается в немецком языке как семантикой глагольной лексемы и средствами словообразования, словоизменением ("временами"), так и различными синтаксическими конструкциями и речевыми ситуациями [Flämig, 1971]. Такой же подход характеризует работы С.-Г. Андерссона, который, как указывалось, выделяет в плане акциональности лексематический, рекциональный уровни и уровень "связи предикатов" [Andersson, 1972].

Идея многоаспектного подхода получила несколько иное выражение в работе В.М. Павлова в связи с исследованием немецкого словосложения [Павлов, 1985]. Здесь формулируется положение о "простран-

стве признаков", релевантных для анализа и описания грамматических явлений определенного типа. Перечень аспектов общей характеристики исследуемого типа грамматических явлений, аспектов, охватывающих группы противопоставленных друг другу признаков с разного рода общими основаниями, может оказываться весьма обширным. Существенную роль в выделении такого набора аспектов играет индуктивный метод анализа эмпирического материала, но необходим и поиск системного объяснения внутренней организации соответствующего "признакового пространства". Отдельное языковое образование объединяет в себе признаки каждого из мерного пространства аспектов общей качественной характеристики класса объектов, подвергаемого анализу и систематизации. Единичные объекты класса получают при этом разностороннее освещение на высоком уровне конкретности. Они объединяются в достаточно однородные группы, но конкретность, насыщенность получаемых характеристик богатым признаковым содержанием оказывается несовместимой с идеалом "последовательной" формально-логически выдержанной классификации [Михайлов, Павлов, 1985]. Нам представляется, что с этим направлением следует связывать перспективу решения вопросов, которые относятся к проблематике способов действия в немецком языке и шире - к немецкой аспектологической проблематике в целом.

4.2. Фазовые значения в системе аспектуальности

В аспектологии на современном этапе ее развития выделение фазовых (фазисных) значений не опираются на единые общепринятые критерии. Многие исследователи под выражением "фаза" понимают этапы протекания действия во времени [Храковский, 1980]. Однако когда лингвисты переходят непосредственно к вопросу об отношениях между объективными, как бы "естественными" фазами развития процесса к особенностям их членения, которые репрезентируются в языковых значениях простых и приставочных глаголов, то здесь мнения исследователей расходятся: в работах выделяется разное количество фаз, дается различная их номенклатура. Традиционным и наименее спорным является выделение трех фаз протекания процесса. Исследователи называют их по-разному. Обычно различают начальную, серединную и конечную фазы [Маслов, 1978: 18]. Те же три фазы могут быть названы фазами начала, совершения и завершения [Оралбаева, 1986: 97-98]. Есть работы, в которых устанавливается более трех фазовых значений. Например, как уже говорилось выше, в немецком языке все выделяемые СД относят к фазовым и нефазовым СД, и на этой основе ряд исследователей определяет такие фазовые значения (фазовые СД), как

начало действия, его протекание, продолжительность, повторяемость, моментальность и конец действия. При этом основными фазами считаются фазы начала (Beginn) протекания (Verlauf или Dauer) и конца действия (Endphase или Abschluß).

В.С.Храковский выделяет пять разных фаз - фаза начала, возобновления, продолжения, прекращения, перерыва - и две комбинации фаз – совокупность фазовых значений начала и продолжения, продолжения и прекращения [1980: 17-21]. С.П.Тиунова, рассматривая лексические способы передачи фазовости в английском и русском языках, выявляет, включая "подфазы", около 20 фазовых значений и их комбинаций [1986: 20-22]. Расхождения в определении и терминологическом обозначении фаз объясняются различным подходом лингвистов к выявлению семантической зоны фазовых значений в целом и каждого фазового значения в отдельности.

По вопросу о выделении фазовых значений в аспектологии наметились два основных направления. Для одного направления, говоря словами Ю.С. Маслова, характерно то, что "выделение конечной фазы действия практически часто сливается со значением достижения предела или приближения к пределу (например, в русском - *дочитывает*). Выделение срединной фазы ... соответственно сливается со значением недостижимости предела, незавершенности. Только выделение начальной фазы действия или состояния дает более самостоятельное аспектуальное значение - ингрессивное (инцептивное), широко представленное в самых различных языках [Маслов 1978: 18].

Второе направление характеризуется тем, что фазовые значения рассматриваются на таком уровне абстракция от индивидуальных лексических значений глаголов, который позволяет выделить этапы протекания действия во времени, в частности, и в особенности конечную фазу протекания процесса вплоть до его прекращения безотносительно к достижению/недостижению действием своего предела.

Представители первого направления, как правило, фазовую семантику связывают со всеми компонентами поля аспектуальности, т.е. и с видом, и с категориями П/НП, ДП/НДП и, наконец, со СД.

Следует отметить, что оба направления при выделении фазовых значений учитывают как синтетические (морфологические), так и аналитические (синтаксические) средства их выражения. Однако если для первого направления основным, наиболее существенным средством выражения фазовых значений являются производные глаголы с приставками (например, в русском и немецком языках), то для второго направления - прежде всего фазовые глаголы (конструкции с ними).

Указанное предпочтение в определении средств выражения фазовых значений во многом объясняет сущностные различия двух направлений.

Значения, выражаемые конструкциями с фазовыми глаголами, нельзя отождествлять с видовыми значениями или с достижением/недостижением предела действия. Фазовость и понятие предельности или завершительной предельности не тождественны. Скажем, "перестать говорить", "кончить говорить" не значит "сказать". Здесь отношения фазовые, а в примерах типа "говорить - сказать" - отношения видовые. В пользу такого понимания сущности фазовой семантики говорит и факт невозможности сочетания форм совершенного вида с фазовыми глаголами.

Необходимо четко различать "чистую", или внешнюю, фазовость, т.е. фазовое значение, которое не осложнено "видовыми" оттенками (или П/НП, ДП/НДП, и "видовую", или внутреннюю, фазовость, которая связана со значением достижения/недостижения предела.

Чистую, или внешнюю, фазовость выражают прежде всего конструкции с фазовыми глаголами и в весьма незначительной мере некоторые приставочные образования, а "видовая", или внутренняя, фазовость может выражаться как самой глагольной лексемой, так и словообразовательными формантами. Известно, что аспектуальные приставки, как правило, оказывают большее или меньшее модифицирующее воздействие на лексическое значение глагола. Семантические признаки, обычно характеризующиеся как моменты перфективности, результативности, предельности, включаемые приставкой в состав значения цельнооформленного слова, мы вслед за Ю.С.Масловым, А.В.Бондарко и рядом других ученых рассматриваем как явления лексико-грамматического порядка. Фазовые же глаголы, сочетаясь с инфинитивом глаголов несовершенного вида (в немецком языке - с инфинитивом неопределенных глаголов), ничего, кроме значения фазовости, не вводят в семантику действия. Происходит простое "наслаивание" грамматического значения "фазовость" на лексическое значение, выражаемое инфинитивом глагола. Это положение в равной степени относится и к фазе начала. Так, М.А. Шелякин отмечает, что начинательные приставки в противоположность фазовым глаголам "вмешиваются" в семантику глагола несовершенного вида, внося в нее и перфективную начинательность, и перфективные функции самого действия" [Шелякин 1969: 22].

Второе направление в области изучения фазовых значений, как отмечалось выше, отличается от первого прежде всего тем, что отправной точкой для него при выделении фазовых значений являются значения, выражаемые посредством фазовых глаголов и конструкций с ними.

4.3. Средства выражения способов действия

Значения предельности/непредельности (П/НП), достигнутой предела/недостигнутой предела (ДП/НДП), способы действия и фазовые значения представляют собой разноплановые, но взаимосвязанные аспектуальные семантические явления, которые вместе с различными разноуровневыми языковыми средствами выражения составляют функционально-семантическое поле аспектуальности современного немецкого языка.

В данной главе в основном речь будет идти о средствах выражения способов действия (СД), которые в свою очередь тесно переплетаются со значениями, отражаемыми в понятиях предельности и фазовости. Средства выражения аспектуальности в немецком языке не образуют строгой системы.

Статальные действия, с которыми связаны такие акциональные признаки, как "процессность", "длительность", "повторяемость", могут выражаться значениями глагольных лексем: *leben, schlafen, zittern, blühen*; описательным способом; *es ist am Blühen, steht in Blüte*. С помощью конструкций *begriffen sein + im + инфинитив*: *Er war im Weggehen begriffen, das Haus ist im Bau begriffen*, конструкциями *sein + am + инфинитив*; *sein + beim + инфинитив*: *Er war beim Gewinnen*; *Er war im Gewinnen*; повторением глагола: *arbeitet und arbeitet, reitet und reitet*; длительность или "продолженность" может выражаться также с помощью приставок: *durchreiten, nachklingen, weiterlaufen, weiterschlafen*; посредством противопоставления трансформативным действиям: *blüht ohne zu verblühen*; формами презенса и претерита: *Er schreibt, er schlief*; процессность отображается также формами инфинитива I (*lesen*) и причастия I (*lesend, arbeitend*). Итеративность выражается также конструкцией *pflügen + zu + инфинитив*: *Er pflegte viel zu arbeiten*.

Трансформативность действия, сопрягающаяся с такими акциональными признаками, как начало процесса, переход из одного состояния в другое, результативное завершение и т.п., также репрезентируется в немецком языке различными разноуровневыми средствами. Значение начала или приступа к действию (*Eingangsphase*) может выражаться:

а) инхоативными глаголами; так, В.Флемиг приводит примеры:

grünt, reift, altert = grün, reif, alt werden; каузативными глаголами: *schwärzt, beugt, öffnet « schwarz, gebogen offen machen »*;

б) глагольными приставками: *anbrennen, anschmelzen, aufglühen, erblühen, erglimmen, entflammen, losheulen*;

в) аналитическими средствами с помощью фазовых глаголов *beginnen, anfangen* - *Er beginnt/fingt an zu schreiben (mit dem Schreiben)*,

Начинательный этап перехода в новое состояние выражается также с помощью конструкции werden + прилагательное: Er wird alt; er wird rot. Ингрессивное значение имплицитруется и посредством таких обстоятельственных слов, как da, nun, jetzt, plötzlich, auf einmal, endlich, erneut, dann, wieder.

Значение "Eingangsphase" может передаваться средствами глагольной фразеологии или так называемыми конструкциями с "функциональными" глаголами (Funktionsvergefüge): Aufs Erzählen verfallen, in den Kampf eingreifen, sich in Bewegung setzen, in Bewegung, in Eifer, in Brand, ins Rennen geraten, in Gang bringen, in Betrieb setzen и т.д.

В выражении значения ингрессивного способа действия могут сыграть определенную роль и союзы в придаточных предложениях: (например, союз nachdem); в литературе отмечается также, что ингрессивное значение выражается в результате смены действий, следующих одно за другим. Ср.: Er sagte etwas leise und lachte.

Особенно богатым разнообразием средств выражения характеризуется фаза прекращения процесса (Endphase). Богатство «финитивных» средств объясняется прежде всего тем, что Endphase объединяет разнообразные аспектуальные и акциональные значения - завершенность, законченность, перфективность, результативность, прекращение, окончание, однократность, которые могут тесным образом переплетаться друг с другом. В качестве средств репрезентации Endphase выступают как лексемные значения точечных, перфективных (brechen, finden, treffen, kommen), фактитивных (töten, öffnen) глаголов, отображающих трансформативные действия, так и неопределенные (имперфективные) глаголы в функции перфективных как, например, gehen в значении "weggehen" [Flämig, 1971: 277]. Особую роль в выражении значения прекращения играют конструкции с фазовыми глаголами, например: Er hörte auf zu lesen/ mit dem Lesen.

В немецком языке имеется целый ряд приставок, посредством которых могут передаваться различные аспектуально-акциональные значения, охватываемые объемным понятием Endphase. Так, значение полного прекращения процесса может выражаться приставками ab-, aus-, ver-, ср: blühen - abblühen, glimmen - ausglimmen, schallen – verschallen; значение совершения действия в его полном объеме может выражаться приставкой durch-: lesen - durchlesen; функцию доведения действия до конца может выражать приставка ab-: speisen – abspeisen; значение исчерпанности какого-либо природного явления также может выражаться с помощью приставки aus-: es regnet - es hat ausgeregnet.

Многие приставки привносят в лексическое значение глагола признак результативности, в частности с различными оттенками

приобретения или изъятия: kämpfen – erkämpfen, fechten – erfechten (durch Kämpfen erlangen, bekommen), ringen – entringen и т.д.

Результативность, связанная с созданием чего-либо посредством умственной деятельности, может выражаться, например, префиксами *er-*, *aus-*: *denken – erdenken, ausdenken*. Можно было бы продолжить перечисление различных акциональных признаков, охватываемых понятием *Endphase*, которые репрезентируются с помощью отделяемых и неотделяемых превербов [Хакимова, 1986]. Однако здесь достаточно показать, что трансформативные действия могут передаваться различными синтетическими средствами.

Трансформативные действия могут передаваться и описательным способом – синтаксическими конструкциями, в которых подчеркивается единичность объекта (или субъекта): *einen Apfel essen, ins Wasser fallen* и т.п.

Основной аспектуальной тенденцией таких временных форм, как перфект, плюсквамперфект, футур II, является отображение процессов в их целостности, как достигших своего предела. Особенно ярко трансформативное действие репрезентируется формой причастия II в атрибутивной функции. Как правило, неопределенные глаголы не могут выступать в данной функции. Например, нельзя сказать *ein geschlafenes Kind*; напротив, верно *ein eingeschlafenes Kind, aufgeschlagenes Buch, die angekommene Delegation* и т.п.

Endphasee может передаваться целым рядом устойчивых словосочетаний и конструкций с функциональными глаголами: *zu Ende sein, zum Abschluß bringen, aus sein, zu Ende + сказуемое (Er sang zu Ende) mit etw. fertig sein* (см. подробнее [Ризаев, 1981]).

Среди средств, выражающих то или иное аспектуальное или акциональное значение, мы не назвали другие морфологические элементы, кроме превербов. В германистике отмечается, однако, что в рассматриваемом плане могут выступать также суффиксы. Так, В.Флемиг среди средств выражения итеративного и диминутивного способов действия называет суффиксы: *werken – werkeln, fromm – frömmeln, husteln, lächeln, tänzeln* (диминутивы); *klappen – klappern*, а также: *streicheln, funkeln, gackern, flattern, tröpfeln, kränkeln* (итеративы).

Во многих глаголах одновременно представлены признаки итеративности и диминутивности; некоторые глаголы (*gackern, flattern*) при явно суффиксальном оформлении имеют "связанные" основы. В выражении интенсивности могут участвовать также чередования фонем: *bücken (biegen), schlüpfen (schlafen), schnitzen (schneiden)*.

Таким образом, в немецком языке (как и в русском) аспектуальные и акциональные значения могут быть немаркированными (непроиз-

водные глаголы), маркированными (морфологические средства – префиксы, суффиксы, временные формы) и могут выражаться посредством аналитических конструкций и средствами контекста.

Рассмотренные выше языковые средства представляют собой разнокачественные типы. С одной стороны, существуют элементы языковой системы, значения которых суть отображения тех или иных процессов вместе с интегрированным в них акциональным признаком (*arbeiten, zittern, finden*); с другой стороны, существуют такие языковые знаки, значение которых составляет какая-нибудь аспектуальная абстракция, а "индивидуальный" процесс обозначается другим языковым знаком и оба знака образуют конструкцию, выражающую взаимосвязь значений этих знаков. Третий тип языковых средств представляет собой нечто внешнее по отношению к двум выделенным типам и служит для подчеркивания или нейтрализации того или иного аспектуального значения (контекстуальные средства).

Языковой знак второго из названных типов может состоять как из сочетания "морфема + слово", обозначающего некий процесс, так и представлять собой конструкцию, состоящую из двух отдельно-оформленных слов, одно из которых также выражает процесс. Ср.: *abbrennen* и *hörte auf zu brennen*.

4.3.1. Морфологические средства выражения

В немецком языке нет ни одной приставки, которая бы специализировалась на выражении какого-либо определенного акционального признака. Одна и та же приставка может выражать различные акциональные значения и одно какое-либо акциональное значение может быть выражено рядом разных приставок. Так, например, приставка *ab-* может выражать значения длительности, осложненной признаком интенсивности (*sich abägen*) [Хакимова, 1986], интенсивную повторяемость (*abküssen*), прекращение (*abblühen*), доведение до конца (*abdienen*), результативность (*abkaufen*) и т.д.

Фаза начала может выражаться превербами *an-, auf-, los-, ein-, aus-, er-, ent-* [Нурмухамедов, 1976]. Морфемы (аффиксы) не только многозначны, но и полиакциональны.

Когда утверждается, что приставка передает то или иное аспектуальное (акциональное) значение, во многих случаях действительные отношения в плоскости членения глагола на его составляющие в морфологическом и семантическом планах в известном смысле переупрощаются. Сравним анализ двух примеров.

I. *auspolieren*: глагол *polieren* обозначает действие полирования, смысл которого состоит в придания куску дерева (или металла) гладкой

поверхности и блеска. Значит, смысловой момент "блеска" входит в содержание этого действия уже в его неопредельном виде и тем самым включается отображение некоторого воздействия на предмет, придания предмету нового качества. Присоединение приставки *aus-* сообщает значение достижения действием предела в его завершение ("до заданного уровня", "до известного эталона").

2. *abbrennen*: в содержании глагола *brennen* отображается только процесс горения как таковое. Логически, конечно, процесс горения представляет собой переход какого-то (горящего) предмета в иное качество, его уничтожение как такого предмета, которым он раньше был, или по крайней мере расходование какой-то части его первоначальной массы (например, горение спирта, керосина и т.д.); в частном случае горение выражает свечение, например лампы, свечи и т.д. Однако в языковом отношении *brennen* изображает процесс горения как таковой, как бы проходя мимо факта качественных преобразований горящего предмета. Так, *brennen* в презенсе может выражать свойство предмета - его способность гореть: *dieser Stoff brennt = dieser Stoff ist brennbar*. В перфекте и плюсквамперфекте *brennen* употребляется с глаголом *haben*: *etw. hat gebrannt*. В отличие от *brennen* глагол *abbrennen* обозначает некоторое качественное преобразование предмета, его сгорание и, следовательно, его уничтожение. Приставка не только выражает доведение *brennen* до завершения, но и существенным образом изменяет лексическое значение глагола. В отличие от глагола *polieren* в семантике самого глагола *brennen* не отображается момент качественного изменения предмета, связанного с соответствующим процессом. Поэтому этот новый момент лексического значения вместе с моментом завершения действия (доведения его до предела) целиком зависит от приставки *ab-*.

Такая существенная нагрузка, лежащая на приставке, в плане видоизменения лексического значения затрудняет разложение глагола *abbrennen* в семантическом отношении на элементы - приставку и исходный глагол. В общем степень грамматичности значения приставки в *abbrennen* снижается по сравнению с *auspolieren* в плане выражения акционального значения прекращения процесса. Чем свободнее приставка от каких-либо лексически содержательных смыслов, тем более грамматичными являются семантика и функция приставки в аспектуальном плане. Однако в немецком языке префиксальные глаголы, как правило, полиакциональны: с каким-либо доминирующим акциональным содержанием обычно сопрягается другое аспектуальное значение - признак предельности. Например, та же приставка *aus-* в глаголах типа *ausdampfen*, *ausdreschen*, *ausdonnern*, *ausregnen*, которые ограничены в своем употреблении "перфектными" формами (*die*

Kartoffeln haben ausgedampft; die Bauern haben ausgedroschen; hat ausgedonnert; не только "добавляет" к лексическому значению исходного глагола акциональный компонент "прекращения процесса", но одновременно и признак достижения предела. Процесс в момент его прекращения представляется как исчерпавший внутренние возможности своего продолжения, т.е. как процесс, достигший своего предела.

Если учесть тот факт, что приставки обычно не служат для выражения просто течения процесса, без ограничения времени или без подчеркивания его длительности или интенсивности [Flämig, 1971: 279], то следует признать, что семантический потенциал любой приставки включает так или иначе признак предельности наряду с другими семантическими элементами. Так, С.-Г. Андерссон отмечает, что очень часто лексемно предельные глаголы маркированы приставкой, так как приставка в большинстве случаев выражает ограничение действия в каком-либо плане (создание чего-либо, достижение результата или места, переход в новое состояние, удаление от исходного пункта и т.д.). В качестве префиксальных глаголов, которым не свойственно значение предельности, он приводит следующие: *abhängen*, *aufsein*, *bestehen*, *erzählen*, *verhandeln* [Andersson, 1972: 34]. Обращает на себя внимание глубокая идиоматизация глаголов, которые С.-Г. Андерссон приводит в качестве примеров этого типа, отклоняющегося от основной закономерности.

Признак предельности, имеющий по общему признанию лексико-грамматический характер, является признаком категориального типа и входит при этом в лексическое содержание каждого предельного глагола. Категориальность этого признака связывает его со сферой грамматической семантики, с общими отношениями всего разряда предельных глаголов к грамматическому строю языка. Поскольку семантический признак предельности может принадлежать значению приставки, а приставка, образуя вместе с основой исходного глагола морфологическое слово, сообщает этот признак целостному значению последнего, то тем самым он входит в комплекс признаков, которые в своей совокупности составляют лексическое значение производного глагола. Таким образом, морфема (аффикс) потенциально более "лексична" в том смысле, что она, благодаря морфологической цельности слова, в состав которого входит, легко поддается тенденции к лексико-семантической интеграции компонентов словесной ("однословной") конструкции.

4.3.2. Аналитические средства выражения

4.3.2.1. Фазовые аналитические конструкции

Акциональное содержание, отчасти также осложненное другими аспектуальными значениями, может находить выражение вне слова, обозначающего какой-либо процесс, т.е. может быть выражено способом аналитического представления в другом слове, Ср.: Er fing an/begann zu lesen. Sie fuhr fort zu singen. Es hörte auf zu regnen. Такой способ выражения в немецком языке имеет место прежде всего для отображения фазовых значений глагола - начала, продолжения и прекращения процесса. Аналитический способ выражения фазовых значений представляет собой соединение постоянного компонента, выражающего фазовое значение (ФК), и переменного, передающего индивидуализированные значения процессуальных лексем (ПК), на которые и "наслаиваются" типовые отвлеченные значения ФК. Обобщенная формула фазовых аналитических конструкций (ФАК) выглядит следующим образом: $ФАК = ФК + ПК$, где ФК - постоянный фазовый компонент, а ПК - переменный процессуальный компонент. В качестве ФК в составе ФАК в немецком языке могут выступать следующие две основные группы языковых средств:

1) фазовые глаголы; 2) различные фразеологические сочетания слов:
а) den (seinen) Anfang haben (nehmen) – anfangen; б) seinen Fortgang nehmen – fort dauern; в) zu Ende sein, ein Ende machen; Schluß machen, zum Abschluß kommen; aus sein, vorbei sein и др.

Отметим, что устойчивые словосочетания типа aufs Erzählen verfallen, in den Kampf eingreifen; in Bewegung, in Eifer, in Brand, ins Rennen geraten; den alten Zwist begraben, Feierabend machen и т.п. образуют особую группу и в качестве ФК в составе ФАК не выступают.

Фазовые аналитические конструкций занимают в строе языка своеобразное положение. С одной стороны, аналитические конструкции рассматриваемого типа представляют собой сочетания слов, которые тождественны синтаксическим сочетаниям. Они не принадлежат к языковому лексикону, а формируются в речи из слов, входящих в состав АК в значениях, закрепленных за ними в их "словарном" статусе. С другой стороны, особые отношения между составляющими фазовых АК указывают на ряд признаков, отличающих их от "обычных" синтаксических словосочетаний. Так, одному из членов АК (ФК) свойственно выражать (своим "словарным" лексическим значением) некоторый признак - свойство, отношение, присущее семантическому содержанию другого члена АК (ПК). При этом данное свойство или

отношение характеризуется тем, что имеет основание в категориальном компоненте семантики второго члена АК и принадлежит не только какому-либо определенному конкретному слову, выступающему в роли этого второго члена АК, а всем словам с данным общим (категориальным) семантическим компонентом.

Иными словами, всякий процесс, точнее - всякая лексема, отображающая процесс в своем значении, потенциально включает в состав своих признаков фазы начала, продолжения, прекращения. Лексема, выражающая, в частности, значение какой-либо одной конкретной фазы (ФК), выражает тем самым общий абстрактный семантический признак широкого круга разнообразных индивидуализированных процессуальных значений (отображенных формой ПК) в рамках лексико-семантического и синтактико-функционального единства аналитической конструкции. Ср.: *Er fing an zu lesen (schreiben); Er hörte auf zu singen (weinen, mein Freund zu sein и т.д.)*. Таким образом, фазовое значение, выражаемое отдельным словом или словосочетанием, "наслаивается" на конкретные лексические значения разнообразных лексем, объединенных наличием в каждом из них признака "процессности". Обычное синтаксическое "сложение" слов-лексем и их значений в сфере аналитических конструкций в противоположность "нормальным" синтаксическим сочетаниям носит иной характер. Здесь оно смыкается с грамматическим варьированием непредсказуемого разнообразия лексем в одной из взаимосвязанных словесных позиций посредством ограниченного набора лексем абстрактно-одностороннего категориального значения, образующих определенную парадигму во второй словесной позиции. Взаимосвязь фазовых значений с категориальным семантическим содержанием процесса является основанием категориального грамматического статуса фазового члена словосочетания и, тем самым, основанием грамматизации формы словосочетания с фазовым членом, его обращения в АК.

Под термином "процесс" нами понимаются явления действительности, в которых выделяются фазы начала, продолжения, прекращения. Термину "процесс" не придается здесь, следовательно, никакого особого аспектуального значения. Процессы - действия, события, состояния - это, то, что мыслится как протекающее во времени, а потому и имеющее начало, длительность и конец. Категориально-грамматическое значение "процесс" присуще прежде всего глаголу и является его общим значением как части речи. Однако обозначать явления, характерным признаком которых является признак протекания во времени, могут не только глаголы, но и существительные, ср.: *Arbeit, Kampf, Regen, Streit, Musik и т.д.* Процесс как семантическое обобщение располагается, таким образом, над уровнем частичечной дифференциации. Имеются

достаточные основания говорить о выделении разряда имен существительных с процессуальным значением.

Одним из основных оснований является сочетаемость процессуальных существительных с фазовыми глаголами или аналогичными им фазовыми компонентами, ср.: *Die Arbeit ist zu Ende*. Процессуальность как семантический элемент разнообразных лексических значений имеет, таким образом, категориально-грамматический характер, хотя она и объединяет глагол и существительное. Такая позиция, во-первых, укрепляет обоснование принадлежности фазовых АК к системе грамматических явлений и, во-вторых, дает основание для объединения в рамках ФАК сочетаний фазового глагола с ПК в форме инфинитива и в форме существительного без предлога или с предлогом. Ср.: *zu arbeiten beginnen - die Arbeit beginnen; zu singen fortfahren - mit dem Singen fortfahren; zu grübeln aufhören - mit dem Grübeln aufhören*. Многие ФК, в частности фазовые глаголы и устойчивые словосочетания, сочетаются только с существительными в падежных и предложно-падежных формах (*die Arbeit ist zu Ende; der Unterricht ist aus; mit etw. Schluß machen* и т.п.) и эти сочетания остаются, по нашему мнению, в пределах ФАК.

ФАК являются образованиями двойственного, промежуточного типа, вследствие чего они колеблются между полюсами синтактико-функциональной цельности и расчлененности. Подчеркнем, что в немецком языке грамматическое начало в сфере средств выражения фазовых значений концентрируется в аналитических конструкциях, в качестве постоянных компонентов которых выступают фазовые глаголы или аналогичные им по значению устойчивые сочетания слов. В ФАК фазовые компоненты, передающие лексико-семантические абстракции особого рода, выступают как строевые элементы языковой системы, на которые возлагается функция выражения типовых отвлеченных фазовых значений, сопутствующих в АК индивидуализированным значениям процессуальных лексем (в формах глаголов и существительных) и "наслаивающихся" на эти процессуальные лексические значения в качестве значений грамматических. Объем монографии не позволяет дать развернутое освещение аналитических конструкций с фазовыми значениями, поэтому соответствующий раздел в нем опускается. Аналитическому способу выражения начинательности и значения прекращения процесса в немецком языке были посвящены специальные исследования, к которым мы и отсылаем читателя (см. работы Нурмухамедова А. и Ризаева Б.Х.).

4.3.2.2. Сочетания с функциональными глаголами

В современном немецком языке СД могут выражаться различными грамматическими, лексическими и синтаксическими средствами.

Среди средств выражения аспектуальных значений в немецком языке особое место занимают сочетания с функциональными глаголами (СФГ). В литературе они характеризуются как средства, вставшие на путь грамматикализации ("auf dem Wege, Grammatik zu werden") [Polenz, 1963: 30]. Под СФГ понимается такой тип сочетания, в котором глагол с десемантизированным лексическим значением выполняет абстрактные грамматические функции (в том числе и аспектуальные), является носителем глагольности (сказуемости), а на субстантивном (предложном или беспредложном) члене лежит основная семантическая нагрузка, индивидуализирующая лексическое содержание всего сочетания.

Все сочетание в целом обычно эквивалентно синонимическому глаголу или сочетанию связочного глагола с прилагательным. Ср.: etw. zur Aufführung bringen – etw. aufführen; zum Ausdruck kommen – ausgedrückt werden; Er kam in Wut – er wurde wütend. Поскольку, однако, сочетания с функциональными глаголами сами по себе образовали в ходе развития языка особую конструктивную модель, ее относительная самостоятельность проявляется в том, что она не ограничивается в своем применении лишь „преобразованиями" уже наличных предикатных лексем в формах глагольных или именных сказуемых, а выходит за пределы соответствующих корреляций. Так, Г.Хельбиг приводит следующие примеры: zur Vernunft bringen, auf den Gedanken bringen, in Auftrag geben, zu der Ansicht gelangen, in Verzug geraten [Helbig, 1979]. Целый ряд подобных сочетаний приводится и в академической грамматике немецкого языка [Grundzüge, 1981]: Bescheid geben, bekommen; Einblick geben, bekommen, nehmen, haben; Kenntnis nehmen.

В современной грамматике СФГ обычно называют "Funktionsverbgefüge" [Helbig, 1979] или "Streckformen" [V. Schmidt, 1968]. В свое время подобные типы словосочетаний рассматривались со стилистической точки зрения как явления негативные, как болезнь стиля языка. В ходу были такие термины, как "Hauptwörterkrankheit", "Wortmacherei", "Papieridiome", "Sprachbeulen", "Verbzerstörung", "Entverbalisierung", "Hauptwörterseuche" [Helbig, 1979]. Все эти выражения указывают на тенденцию к номинализации глагольного выражения, общую склонность к субстантивному стилю, который часто получает негативную оценку. С выходом в свет в 1963 году работы П.Поленца конструкции с функциональными глаголами стали объектом собственно лингвистического анализа. В настоящее время имеется значительное количество работ, посвященных рассматриваемым конструкциям. В этих

работах были выявлены многочисленные признаки этих конструкций и обозначились определенные проблемы, которые до сих пор не имеют однозначного объяснения. Об этих проблемах наиболее полно говорит Г.Хельбиг [там же]. Подробное рассмотрение круга проблем, связанных с Funktionsverbgefüge, не входит в нашу задачу. Здесь мы коснемся только вопросов, связанных с выражением аспектуальных значений.

По мнению некоторых германистов, функциональный глагол в составе сочетания является не только носителем морфосинтаксических функций, но и носителем аспектуальной семантики. Среди аспектуальных признаков, выражаемых посредством СФГ, Г.Хельбиг называет "дуратив", "инхоатив" и "каузатив". Его примеры: *sich in Abhängigkeit befinden, Angst haben* – дуратив; *in Abhängigkeit kommen (geraten), Angst bekommen* – инхоатив; и *in Abhängigkeit bringen, in Angst versetzen* – каузатив. С аспектуальной точки зрения не менее важно, по нашему мнению, то, что СФГ, в отличие от аналогичных собственно глагольных лексем, передают переход в новое состояние в виде целостного акта, включающего достижение предела (и, как инхоативные глаголы, имплицитно подразумевают наступающее за начально-переходной фазой состояние); ср. также: *zur Kenntnis nehmen, in Gebrauch nehmen* и т.д. Что касается каузатива, то это значение действительно присутствует в некоторых приведенных примерах, однако оно не является значением аспектуальным, так как ничего своего во временное членение процесса не вносит. В аспектуальном плане существенна предельность каузативных глаголов.

В приведенных выше примерах Г.Хельбига это опять же предельность инхоативов, так что место выражений *in Abhängigkeit bringen, in Angst versetzen* – в одном общем ряду с *in Abhängigkeit kommen* и т.д. (различия, касающегося активности/пассивности субъекта-подлежащего при этих инхоативах, мы здесь не затрагиваем). Приведем примеры с некоторыми "функциональными" глаголами:

Er **kam** also **in Wut**, weil sie schwieg, weil sie ihm nicht half (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 141);

Als Hans einen weiteren Treffer zugesprochen bekam, **geriet** Roman **in Wut** (Kain. Der Weg zum Odensee, 78);

... sie **verfiel in eine Wehmut**, die ihr um desto ängstlicher ward, als sie solche zu verbergen und ihre Tränen zu verschlucken suchte (Goethe. Die Leiden des jungen Werther, 110);

Ja, die Flucht Neros, die seine andern Anhänger alle **in Panik versetzte**, ihm, dem Nero, gab sie neuen Auftrieb (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 339);

Die Erscheinung von Werthers Knaben **setzte sie in die große Verlegenheit** (Goethe. Die Leiden des jungen Werther, 110);

Ein unbehagliches Gefühl in ihm – Witterung von Gefahr – **brachte** den Gedanken an die Waffen mit dem Zinker **in Verbindung** (Apitz. Nackt unter Wölfen, 210);

Er stand auf, schlug die Arme auseinander und wieder zusammen, doch die Diele krachte, und er **bekam Angst** (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 330);

Varro **nahm** den Ausspruch des Kaisers mit tiefer, zeremonieller Verneigung **zur Kernntnis** (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 285).

Нам кажется, прав П.Поленц, когда он в связи с анализом функционального глагола *bringen* говорит о его двойной конклюдивно-каузативной функции [Polenz, 1963: 16]. Можно привести целый ряд примеров, где просматривается такая взаимосвязь аспектуального признака предельности с каузативным значением: *in Gefahr*, *in Brand*, *in Ordnung*, *zur Ruhe*, *zur Anwendung bringen*. Аналогичная ситуация наблюдается также в сочетаниях с функциональным глаголом *setzen*, в которых при наличии каузативного значения актуализируется начало процесса, т.е. инхоативный способ действия. Так, П. Поленц приводит следующие иллюстрирующие сказанное выше примеры: *in Bewegung*, *in Umlauf*, *in Gang*, *in Brand*, *in Betrieb setzen*. По мнению П.Поленца, глагол *setzen*, являясь глаголом "точечным", не может, как *bringen* (характеризуемый П.Поленцом как "стремящийся к результату"), выражать конклюдивный способ действия. П.Поленц считает, что в сочетаниях с *setzen* "воздействие" понимается без подготовительной фазы, и поэтому здесь подчеркивается начало процесса (инхоативный СД), ср.: *in Bewegung bringen/in Bewegung setzen* /там же: 18/. Важно подчеркнуть здесь взаимодействие каузативно-аспектуальных признаков, т.е. сопряженность инхоативно-каузативных значений. Важным моментом является и то, что при одном и том же субстантивном члене (с предлогом) разные функциональные глаголы приносят в семантику сочетания присущие им аспектуальные признаки. Так, если в качестве функционального глагола выступают глаголы состояния (статальные), то аспектная семантика всего сочетания характеризуется как процессная, статально-дуративная.

Ср. Сочетания с ФГ *stehen*, *sein*, *haben*, *halten*: *in Verhandlung(en)*, *in Frage*, *in Beziehung*, *in Verbindung*, *in Arbeit*, *in Blüte stehen*; *in Gefahr*, *in Verwirrung*, *in Brand*, *in Anwendung*, *in Behandlung*, *in Ordnung*, *in/im Gang*, *in Betrieb*, *in/im Gebrauch sein*; *Angst*, *Kenntnis haben*; *in Ordnung halten* и др. Ср. примеры, в которых выступают неопредельные по своей природе функциональные глаголы:

“Du darfst sie nicht so Ernst nehmen mit ihrem Tick”, meinte Herr Schmalfeld, als wir etwas später bei der Arbeit waren (Maaß. Ins Paradies kommt nie ein Karussell, 15);

Die Sonne war im Niedergehen, und... (Fontane. Romane und Erzählungen. 5, 260);

... nach der Regenzeit war alles im Wachsen und Blühen (Seghers. Das wirkliche Blau, 7);

Das Gespräch schwieg ganz, weil jeder in Erwartung der kommenden Dinge war (Fontane. Romane und Erzählungen. 8, 83);

Wie froh war ich nun, als ich mich vom ersten Schrecken erholt hatte, daß ich mich hier oben in Sicherheit befand (Eichendorff. Aus dem Leben eines Taugenichts, 80);

Lilian blieb kühl und reserviert. Aber Kati schaffte es. Sie hielt das Gespräch in Gang, erheiterte mich und die Freundin (Kleineidam. Westland-Story, 203);

Er wußte, daß der ihn geringschätzte und doch heimliche Furcht vor ihm hatte (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 12);

War das nun schon ihr alltägliches Tun, so doppelt, seitdem Lehnert in Gefahr schwebte, der Gegenstand oder das Opfer einer Opitzschen Schreibübung zu werden (Fontane. Romane und Erzählungen. 5, 338).

Следует подчеркнуть, что импликация значения начала посредством различных лексических средств и окружающего контекста, могут проявляться при функционировании СФГ, характеризующихся однозначно неопредельной семантикой. Так, например, в АС с участием *im Begriff sein*, *etw. zu machen* может наличествовать и оттенок начинательности статального процесса: *Ihr Herz weissagte ihr alle Schrecknisse. Bald war sie im Begriff, sich zu den Füßen ihres Mannes zu werfen, ihm alles zu entdecken, die Geschichte des gestrigen Abends, ihre Schuld und ihre Ahnungen* (Goethe. Die Leiden des jungen Werther, 111).

В рассматриваемых сочетаниях основная семантическая нагрузка, индивидуализирующая лексические содержания, падает на субстантивный член (предложный или беспредложный), а финитный член выполняет аспектуальную функцию. В качестве ФГ выступают обычно такие, как *bringen, gehen, geraten, halten, kommen, lassen, nehmen, führen, geben, bekommen, stehen, stellen, treten, sein, versetzen, setzen, finden, haben* и др. При одном и том же глаголе обычно выступают целые серии различных имен (ср. примеры, приведенные выше) и наоборот, одно имя может выступать при разных глаголах: *in Brand setzen, stecken, geraten, sein, stehen; in Ordnung bringen, halten, kommen, sein, setzen* и т.п.

Такие системные связи между рассматриваемыми сочетаниями, образующими перекрещивающиеся ряды, позволяют выделять синонимические и антонимические пары в аспектуальном плане. Более четко, думается, проявляются антонимические отношения, ср. *Angst haben* – неопредельное значение и *Angst bekommen* – предельное, ср. также: *in/im*

Betrieb sein, stehen - in Betrieb setzen. Что касается синонимии СФГ, то здесь отношения более сложные, ибо основные аспектуальные значения предельности/непредельности, целостности/процессности в ряде случаев осложнены акционсартными признаками или же оттенками иного рода, скажем, в плане активности/пассивности, каузативности, стиля и т.д. Так, например, П.Поленц отмечает, что с глаголами kommen и gelangen конкурирует в аналогичной конструкции глагол geraten и что geraten является комплементарным стилевым вариантом глаголов kommen и gelangen. Приводятся примеры: zur Kenntnis, zur Verteilung, zur Durchführung, in Umlauf, in Vorschlag kommen, gelangen и in Bewegung, in Brand, ins Stocken, in Verlust, in Vergessenheit geraten. Отмечается, однако, что geraten содержит в своем значении признак «негативной оценки» процесса. По этой причине наблюдается избирательная сочетаемость с подлежащими. Так, ein Buch не может сочетаться с in Verlust kommen или gelangen, но только с geraten, потому что это событие связано со случайностью, ненамеренностью и вызывает сожаление. Следует сказать eine Maschine kommt in Bewegung, потому что этот процесс совершается ненамеренно, однако eine Erdmasse gerät in Bewegung, так как этот процесс вызван разрушительными силами природы [Polenz, 1963:20].

Известное влияние на аспектуальные оттенки оказывает наличие того или иного предлога. Так, выражение in Verhandlung stehen и zur Verhandlung stehen при совпадении признаков процессности различаются своим отношением к разным фазам в динамике развивающейся ситуации.

В качестве синонимических СФГ Г.Хельбиг приводит следующие: sich in Abhängigkeit befinden/sein; die Fähigkeit besitzen/haben; eine Anregung bekommen/erhalten; zur Kenntnis bringen, in Kenntnis setzen; eine Vervollkommnung erfahren/finden; einen Befehl geben/erteilen; in Verhandlungen stehen/Verhandlungen führen/; in Erregung kommen/geraten; zu Ansehen kommen/gelangen. Сказанное выше о синонимических отношениях между СФГ относится и к этим примерам. Отметим, что отношения синонимии и антонимии в аспектуальном плане рассматриваются Л.Б.Гарифулиным в области фразеологических сочетаний, правда, без разграничения собственно фразеологических сочетаний и СФГ.

При одном и том же ФГ могут выступать существительные с различными лексико-семантическими характеристиками: in Verlegenheit, zum Ausdruck, zu Ende bringen. В (1) - состояние, в (2) - процесс, а в (3) - абстрактное фазовое значение.

Утверждение о том, что аспектуальная нагрузка полностью ложится на ФГ, нуждается в некотором уточнении. В особых случаях такую семантическую нагрузку может нести и именной компонент. Имеются в виду

случаи, когда "конкретное" лексическое содержание субстантивного члена совпадает с какой-либо абстрактной акциональной семантикой, в частности с фазовой. Ср.: einen (seinen) Anfang nehmen, einen (seinen) Fortgang nehmen и ein Ende nehmen, ср. также: Einhalt tun, ins Stocken geraten, kommen, bringen), zur Vollendung bringen, zum Abschluß bringen, mit etw. Schluß machen т.п. Финитный глагол в подобных сочетаниях реализует свою аспектуальную функцию в плане предельности/непредельности, целостности/процессности, и это сразу бросается в глаза при сопоставлении с коррелирующим глаголом; ein Ende nehmen - не то же самое, что enden, zur Vollendung bringen не эквивалентно полностью глаголу vollenden и т.п.

Важно подчеркнуть, что в случаях, когда именной компонент в свою очередь несет на себе акционсартную нагрузку (фазы начала, продолжения, прекращения), то этот семантический признак более устойчив в данном случае, чем аспектный признак, свойственный финитному глаголу. Аспектное значение ФГ в ряде случаев зависит от конкретных условий, от того, в какой временной форме он употреблен. В зависимости от этого все сочетание в целом может быть представлено как в целостном, так и в процессном аспекте. Особенно это касается СФГ, где ФГ характеризуются как нейтральные в отношении П/НП. Но в любом случае акционсартное фазовое значение всего сочетания, заложенное в семантике именного компонента, сохраняется. Ср., например, две контрастные в аспектном, но аналогичные в акционсартном (фазовом) плане АС с участием СФГ zu Ende gehen ср.: Hiermit ging Diedrichs Lehrzeit zu Ende (H.Mann. Der Untertan, 53) – процесс представлен как достигший финальной «точки». Du hast den Jungen gesehen. Er wurde blauäugig, aber er hatte schwarzes Haar. Aber ich hatte Glück. Der Krieg ging zu Ende. Die Arier hatten keine Zeit mehr, sich um die Haarfarbe von Kleinkindern zu kümmern (Strittmatter. Der Wundertäter Bd. II, 308) – Процесс лишь подходит к своему прекращению.

Есть основания не соглашаться с безоговорочным отнесением сочетаний типа zu Ende führen и zu Ende gehen к таким, которые выражают только терминативное (целостное) значение. Результаты специального исследования [Ризаев, 1981] показали, что сочетания типа zu Ende sein всегда связаны с признаком аспектной терминации, что опровергает утверждение, что сочетание zu Ende sein в форме презенса всегда выражает значение совершенности, тогда как в форме претерита наблюдаются обе возможности в плане ДП/НДП [Гарифулин, 1965].

В связи с анализом СФГ возникает еще одна проблема, которая предполагает решение вопроса о правомерности или несостоятельности проведения некоторой параллели между функциональными и фазовыми глаголами. Нередко функциональные глаголы сопоставляют с фазовыми

[Grundzüge, 1981] или же фазовые глаголы прямо называют функциональными [Малинина, 1983:14]. Основанием для такого параллелизма является якобы тот факт, что семантика глаголов, подобных *anfangen*, существенно обеднена (*ausgeschöpft*) и что такие глаголы (называются также *stattfinden*, *geschehen*, *sich abspielen*, *sich ereignen*, *entstehen*, *ausbrechen* и т.д.), обладая особой семантикой, связаны с выражением длительности, начала и т.п. Нам кажется, что такая точка зрения не подтверждается необходимыми языковыми фактами. Против отнесения фазовых глаголов к числу функциональных имеются следующие аргументы.

Во-первых, фазовые глаголы в семантическом отношении являются полнозначными глаголами, ибо они функционируют в своих "конкретных", зафиксированных в словарях лексических значениях. Поэтому говорить о десемантизации или "обедненности" по отношению к фазовым глаголам не приходится. Сама фазовая семантика этих глаголов настолько абстрактна и грамматична, что позволяет говорить о ней как об абстрактном "моменте", свойственном любому процессу.

Во-вторых, в конструкциях с фазовыми глаголами распределение аспектуальных нагрузок иное, чем в сочетаниях ФГ с именами: в первом случае как акциональную, так и акционсартную нагрузку несут базовые глаголы, а в сочетаниях с ФГ в некоторых случаях акционсартную нагрузку может нести именной член, ср. *einen (seinen) Anfang finden* и сочетания с *Ende*.

В-третьих, ни один функциональный глагол не может сочетаться с инфинитивом другого полнозначного глагола, в то время как основным фазовым глаголам (*anfangen*, *beginnen*, *fortfahren*, *aufhören*) свойственна именно такая связь.

На основе анализа аспектуально релевантных составляющих СФГ демонстрируются различные наслоения акциональных, акционсартных и аспектных признаков, с одной стороны, и сопряженности этих аспектуальных значений с оттенками иного рода, скажем, в плане активности/пассивности, каузативности, стилевой окраски и т.д., с другой. Выявленные системные связи между СФГ, образующими перекрещивающиеся ряды, позволяют выделить синонимические и антонимические пары в аспектуальном плане. При постоянстве акциональных и акционсартных значений аспектное содержание (тесно связанное с акционсартным и акциональным значениями) одних СФГ может быть также однозначно определенным (*Angst haben*, *zu Ende sein*) и, следовательно, постоянным - в отличие от других СФГ, аспектная характеристика которых не поддается однозначной интерпретации и остается неопределенной, амбивалентной (*zu Ende gehen*).

Глава пятая. Характеристика особенностей аспектной семантики временных форм немецкого глагола

В связи с тем, что подробный анализ аспектной семантики временных форм немецкого глагола проведен нами в наших опубликованных монографиях [Ризаев, 1999, 2003, 2008], здесь мы в обобщенном виде охарактеризуем аспектуально-темпоральные значения этих форм.

Внутренняя связанность, сопряженность темпоральных и аспектуальных признаков действия в немецком языке обуславливается в первую очередь не аспектной (видовой), а акциональной (предельной/непредельной) семантикой. Воздействие акциональных свойств глагольной лексемы на темпоральные значения определенной временной формы привлекает к себе все более пристальное внимание.

Основные различия в подходах к анализируемой проблеме заключаются в следующем. Для одних лингвистов существенно то, что аспектуальные элементы в грамматической семантике рассматриваемых форм не образуют в них такой системы противопоставлений, которая позволяла бы закрепить за "временными" формами определенные места в сети оппозиций, где некоторый темпоральный признак в каждой из них регулярно объединялся бы с известной аспектной семой. По этой причине представители данного направления считают определенные временные формы нейтральными в аспектном плане. На первом месте здесь следует назвать претерит. Если в перфекте также ищут аспектный признак, которой был бы постоянно присущ перфекту, и не находят его, то это равным образом становится основанием для трактовки значения перфекта только в собственно темпоральном плане. Таким образом, здесь аспектные признаки считаются лишь частными семантическими проявлениями грамматической формы по отношению к ее обобщенному темпоральному значению на системно-парадигматическом уровне, которые учитываются только на уровне речевого функционирования и исключаются из "инвариантной" характеристики формы на языковом уровне ее рассмотрения.

При противоположном подходе ведущим является прежде всего признание грамматической аспектуальной релевантности лексико-семантических группировок глаголов, оформляемых, в частности, тем же перфектом. Иными словами, сама зависимость, например, семантического эффекта результативности, актуальной для более позднего временного плана (преимущественно для настоящего), от семантики глаголов, допускающих достижение предела и результата, в одних случаях и отсутствие такой связи в других случаях при условии, что такие отношения носят регулярный, систематический характер, составляет

основание для соответствующей аспектной характеристики перфекта в парадигматическом плане. Ср.: "... типовые частные значения грамматической формы, являющиеся продуктами ее взаимодействия с категориальными признаками лексических значений, ... относятся к ее семантическому потенциалу не как варианты речевого уровня к инварианту языкового уровня, а образуют взаимосвязанные элементы системы потенциально реализуемых в речи значений форм" (Павлов, 1984).

При анализе аспектных признаков временных форм немецкого глагола мы оперируем понятием "семантический потенциал грамматической формы". Мы отдаем предпочтение этому понятию перед понятиями "общее значение", "главное значение", "обобщенное значение" и "категориальное значение" по той причине, что оно однозначно подчеркивает взаимосвязь языка и речи. Существенно отметить, что в языко в о й семантический потенциал грамматической формы включается весь комплекс признаков, связанный с типическими речевыми реализациями формы, ибо непосредственное отображение "речевого на языковом и в языковом ... ограничивается генерализацией, синтезом повторяющегося и типического".

Применительно к теме исследования мы можем утверждать, что аспектуальные признаки входят в семантический потенциал временных форм на уровне системно-языкового статуса на том основании, что известные "комплексные темпорально-аспектуальные значения этих форм оказываются в широких пределах закономерными, типовыми продуктами взаимодействия грамматических форм с категориальными элементами семантики глагольных лексем" [Павлов, 1984] .

При выявлении аспектной семантики временных форм в качестве единицы анализа берутся аспектуальные ситуации (АС), предикативное ядро которых образуют глагольные лексемы в конкретно временной форме. По этому признаку мы различаем соответственно претеритные, перфектные, плюсквамперфектные, презентные и футуральные АС. АС понимается так, как ее трактует А.В.Бондарко: это "выражаемая в высказывании типовая сигнификативная ситуация, рассматриваемая с точки зрения ее аспектуальных элементов" [1982]. Анализ АС основывается не на описании "явлений дел в реальности", а прежде всего на изучении семантической структуры составляющих АС. Содержание АС рассматривается как субъективное отображение образа фрагмента объективной реальности с позиции наблюдателя. АС включает как языковую информацию, заключенную в самом глаголе, так и контекстуальную.

Для обеспечения наибольшей наглядности и адекватности проводимого анализа при выявлении особенностей аспектной семантики конкретной временной формы немецкого глагола анализу были подвергнуты по возможности одни и те же глаголы, входящие в различные лексико-семантические группировки и являющиеся представителями выделенных выше трех акциональных классов. Так, почти во всех временных формах выявляются типы АС с участием перфективных глаголов *ankommen*, *finden*, ультрапредельного глагола *kommen*, предельных глаголов *steigen*, *fallen*, *sinken*., лимитативно нейтрального *gehen*, глаголов "непосредственного, непрерывного эффекта" типа *hören*, *sehen*, неопредельных глаголов типа *wandern*, *sitzen*, *stehen*, *warten* и т.п. Особое внимание уделяется анализу АС с глаголами движения по следующим причинам. Во-первых, ситуации с глаголами движения представляют собой наиболее простое и наглядное отображение пространственно-временных отношений фактов объективной действительности. Во-вторых, частотность употребления глаголов движения оказывается наиболее высокой (например, в претерите более 1200 АС из 6000 примеров) по сравнению с глаголами, входящими в иные лексико-семантические группы (за исключением глаголов речи). В-третьих, в этой группе представлены глаголы, обладающие всеми выделенными выше акциональными свойствами: перфективные (*ankommen*, *erreichen*), ультрапредельные (*kommen*, *bringen*), предельные (*steigen*, *sinken*, *fallen*), лимитативно нейтральные (*gehen*, *tragen*, *laufen*), неопредельные (*schleichen*, *bummeln*, *trapsen*). Различаются глаголы движения и в плане количественной аспектуальности: итеративные глаголы (*schreiten*, *spazieren*, *wandern*), глаголы, различающиеся по степени интенсивности (*sausen*, *hasten*, *huschen*, *socken*; *sich schleppen*, *taumeln*).

5.1. Аспектная семантика претеритных аспектуальных ситуаций²

Противоречивость суждений о форме претерита заключается в том, что одни лингвисты характеризуют ее как чисто временную форму, которой вообще не свойственно значение имперфективности, другие, напротив, утверждают, что этой форме свойственна потенция выражать значение процессности, а третьи признают ее аспектно нейтральной формой.

Одной из особенностей претеритных АС является то, что именно в претеритных высказываниях - в связи с доминирующей безвидовой спецификой немецкого глагола - наиболее ярко проявляется аспектная

² См. подробнее: Ризаев Б.Х. Проблема аспектной семантики временных форм немецкого глагола. Аспектная семантика претерита. "Фан". Ташкент, 1999.

амбивалентность предельных глаголов. В связи с этим для определения конкретных аспектных значений исследователю приходится обращаться "за помощью" к различным ситуационным типам "Währen", "Eintritt" (С.-Г.Андерссон) и их комбинациям, к так называемым фигурам аспектологического контекста (сопряженность действий в последовательности, синхрония действий, единичность или множественность объекта/объектов и т.п.), к таксисным отношениям. Однако нередко и этих "средств" оказывается недостаточно, ибо уточнение аспектного характера протекания действия не является их собственной функцией. В таких случаях исследователь вынужден обращаться уже непосредственно к фактам объективной действительности, к знаниям о реальных отношениях между соответствующими действиями и на их основе определять аспектное содержание конкретного высказывания. Это в свою очередь приводит нередко к тому, что при интерпретации того или иного аспектного значения не различаются собственно языковая семантика и "экстралингвистически" обусловленные образы ситуаций, репрезентированные языковыми значениями. Моменты, выводимые из общего знания отношений в реальной действительности, искусственно проецируются в языковую семантику, хотя самими языковыми значениями эти импликации непосредственно не передаются. Влияние безвидовой специфики немецкого глагола ощущается и на уровне "внеязыковой ситуации". Одна и та же ситуация может быть по-разному интерпретирована на этом уровне. Например, действие lag в высказывании Gemeinsam wandten sie sich dem Ausgang zu. Plötzlich aber lag eine Hand auf dem Arm des Säuglings... С.-Г. Андерссон интерпретирует как начавшееся, т.е. достигшее начальной границы: "Der Eintritt ist nicht "im Währen", sondern abgeschlossen. Er hat seine Grenze erreicht, die Hand liegt da" (Andersson 1972: 63). Л. Юхансон категорически несогласен с такой интерпретацией. Он считает, что plötzlich + атерминативность" (непредельность) вызывает неожиданную перспективу на событие, уже находящееся в течении (im Währen) [Johanson 1976: 146].

Комментируя пример, приводимый С.-Г. Андерссоном, Kennedek schlief gleich, er war ganz erschöpft "Кепнедек сразу заснул (букв. спал), он был совершенно измотан", В.С. Маслов не усматривает здесь значения ДП или начинательной предельности. По его мнению, писатель здесь подчеркивает моментальность засыпания очень усталого человека, как бы сводит к нулю этап засыпания и, "перешагнув" через этот этап, показывает нам героя уже спящим. По-русски можно было бы сказать: "спустя секунду, он уже спал" [Маслов, 1976: 129].

Благодаря тому, что претеритные формы "... могут указывать на нечто такое, что вовсе не мыслится как прошлое, на некое условное, воображаемое, "эпическое" время, некое "tunc", отрешенное от

конкретного соотношения с моментом реального ("нашего") настоящего, с "ego, hic et nunc" как рассказчика, так и читателя" [Маслов, 1984: 182], в претеритных АС и трансформативные действия независимо от их аспектной характеристики могут "протекать" непосредственно перед глазами условного наблюдателя, и это обстоятельство накладывает свой отпечаток на их аспектную интерпретацию. Только в этом смысле можно характеризовать претерит как форму, связанную с "Verlaufsstufe", но не как форму, связанную с отображением только процессных действий.

Анализ претеритных АС показал, что онтологически трансформативные и статальные действия могут изображаться в высказываниях по-разному в аспектном плане. Содержание выявленных в речевой реализации действий может как совпадать с их онтологической природой, так и отличаться от нее. Такая закономерность наблюдается в принципе по отношению ко всем глаголам немецкого языка, распределенным по соответствующим акциональным классам. Только перфективные глаголы отображают в претерите почти без исключений терминативные действия, т.е. такие действия, содержание которых полностью совпадает с их онтологической природой. Предельные глаголы участвуют в организации следующих типов трансформативных ситуаций.

1. Терминативные действия, т.е. трансформативные действия, изображаемые в высказывании как достигшие своей "природной" терминальной точки (АСТ - аспектуальная ситуация терминативности). Ср.: *Eines Nachts wachte Woynok in seiner Baumkrone auf* (Seghers); *Um zwölf mittags starb er* (Goethe); *Letzthin kam ich zum Brunnen und fand ein junges Dienstmädchen* (Goethe).

2. Дуративные действия - трансформативные действия, представленные в речевой реализации как не достигшие имманентного им предела, т.е. изображаемые процессно (АСП - аспектуальная ситуация процессности). Ср.: *Ohne sich aufzulehnen, still, zäh und fromm, überlebte sie ihn schließlich, und als sie starb, verlangte sie, nicht an seiner Seite begraben zu werden* (Kohlhaase); *Harry entfernte die Decke, Locke bückte sich zum Toten und erstarb mitten in der Bewegung* (Radtko).

3. Дуративно-терминативные действия, т.е. действия, характеризующееся совокупностью признаков "процессность" и "терминативность" (АСП + АСТ). Ср.: *Sie schloß die Tür geheimnisvoll hinter sich und kam auf Fußspitzen an den Tisch, an dem Marie bügelte* (Seghers); *Mühselig richtete er sich auf den Knien hoch* (Apitz).

4. Инициально-терминативные действия. Специфика этого типа представления действия заключается в том, что эксплицируется признак преодоленности его начальной фазы (Н + АСТ). Ср.: *ich erbleichte und...*

(Strittmatter); Darüber entbrannte alsbald ein regelrechter "Wasserkrieg" (Bredel); Plötzlich heulte die Sirene auf (Apitz).

Непредельные глаголы в претеритных АС участвуют в отображении следующих типов статальных действий.

1. Дуративно-статальные действия - действия, которые характеризуются тем, что они отображаются в процессе их протекания, т.е. в полном соответствии с их онтологической природой (АСП). Ср.: Es regnete, das Pflaster glänzte schwarz (Lattmann).

2. Инициально-статальные действия - преодоление начальной точки развития действия связано с внешним показателем приступа к действию или перехода к новому состоянию + само состояние (Н + АСП), ср.: Als wir reinkamen, standen wir gleich in der guten Stube (Lattmann).

3. Ограничительно-статальные действия (АСП огр.). Статальные действия могут быть представлены как ограниченные в своем протекании каким-либо внешним пределом. Ср.: Wir aßen ein wenig (Seghers); Ich tat es und schlief bis zum Nachmittag (Kleineidam).

Лимитативно нейтральные глаголы в силу своей акциональной специфики способны участвовать в принципе в организации всех названных выше типов АС. Довольно часто высказывания с лимитативно нейтральными глаголами представляют ситуации аспектологического дуализма (САД), т.е. характеризуются аспектной неопределенностью, амбивалентностью. Неопределенными могут представляться и АС с предельными глаголами. САД наблюдаются не только в отношении АСП/АСТ, но и в отношении акционсартных признаков, сопрягающихся с аспектными значениями терминативности и процессности.

В плане вариативности своеобразного сочетания признаков процессности и терминативности в рамках АС (включающих дуративно-терминативные, инициально-терминативные, инициально-статальные и ограничительно-статальные действия) различаются два основных типа АС: 1) АС, где процессность предшествует достижению предела, и 2) АС, где процессность не предшествует достижению предела, а следует за ним. В ходе анализа выявляются три варианта первого типа АС и четыре варианта второго типа АС.

В претеритных высказываниях отмечается наибольшая зависимость аспектуальной (аспектной и акционсартной) характеристики элементарной АС от аспектного содержания окружающих ее ситуаций. При сопряжении действий в последовательности (СДП) одним из главных факторов, способствующих адекватной интерпретации аспектуальной семантики, является фактор "оперативной памяти" реципиента. Благодаря оперативной памяти реципиента, которая удерживает в себе необходимую аспектуальную информацию, исходящую от предыдущего или последующего

действия, удастся адекватно интерпретировать и аспектуальное содержание элементарной АС. Нами выделяются два типа аспектуальной проекции (перспективы): проспективная и ретроспективная. При проспективной аспектуальной проекции аспектуальная перспектива, исходящая от предшествующего терминативного действия, сохраняясь в оперативной памяти реципиента, воздействует на восприятие последующей АС. Здесь мы, как правило, наблюдаем Н + АСП: статальное действие под влиянием предыдущей терминативной АС отображается как преодолевшее начальную точку своего развития: *Er warf das Papier hin, faßte ihre Hand und weinte die bittersten Tränen (Gothe); Ich lud ihn ... auf die Schultern und schleppte ihn mühsam fort nach Hause und durch den geheimen Gang hinauf in die Werkstatt (Hoffmann)*. При ретроспективной проекции аспектуальная перспектива исходит от последующей АС: реципиенту приходится мысленно возвращаться к предыдущему действию и уточнить аспектную семантику именно предыдущего действия под воздействием последующего. Ср.: *Als sie nach Hause kam, stieg sie die Treppen. Aus der Wohnung Unter ihr roch es nach Deo—Sprey und Zigaretten. Eine von diesen kleinen Falschasseln, verheiratet und auch anderswo prostituiert, wie's so zu gehen pflegt.*

Sie stieg weiter hinauf, aber was will man den Leuten vorhalten (Simon). Здесь действие, выражаемое предельным глаголом *steigen*, остается неопределенным в аспектном плане даже несмотря на предшествующее терминативное действие: "поднялся" субъект по лестнице, "поднимался" или "стал подниматься". Только АС *Sie stieg weiter hinauf*, которая представлена уже в следующем абзаце, ретроспективно проецирует однозначную интерпретацию *stieg sie die Treppen* (мн. ч. *Treppen* обозначает не множество лестниц, а "марши" одной лестницы).

Основная аспектная характеристика претерита состоит в том, что предельный глагол в форме претерита может передавать образ действия, охватывающий как фазу его течения, так и некую "точку", в которой действие либо начинается, возникает, либо прекращается, завершается. "Нейтральность" формы претерита в аспектном плане - это свойство, основывающееся не только и не столько на двойственном отношении данной формы к членам оппозиции "процессность:терминативность", сколько на том, что в эту оппозицию вклинивается в качестве неоппозитивного третьего элемента переходное семантическое образование, охватывающее противоположные аспектные признаки вместе, в единстве этих противоположностей, в их одновременной представленности (не по логике "или - или", а по логике "и - и"). Такой промежуточный комплекс признаков благодаря безвидовости немецкого языка получил в нем широкий простор для своего осуществления прежде

всего в форме претерита. Аналогичное явление может наблюдаться в презентных АС, в АС с футуром I и (реже) в плюсквамперфектных высказываниях. В перфектных АС и в высказываниях с футуром II сопряженность контрастных аспектных признаков, как правило, не наблюдается (см. указанные выше работы Ризаева).

5.2. Аспектная семантика перфектных аспектуальных ситуаций³

Ядерная семантическая зона перфекта характеризуется взаимодействием признаков темпоральной законченности (фактовости, актуальности) и аспектной терминативности. В перфектных высказываниях исключается процессное изображение действий, выражаемых предельными глаголами. Если в семантике претеритной формы (в облигаторно минимальном контексте) более выраженной оказывается акциональная сторона (П/НП), а выявление аспектной стороны (ДП/НДП) является прерогативой более широкого контекста (с учетом также экстралингвистических факторов, ситуационных типов и т.п.), то в семантике перфектной формы более выраженной оказывается именно аспектная сторона. В отличие от претеритных АС, в перфектных высказываниях, независимо от "параллелизма" или "сопряженности действий", каждое действие представляется как вполне самостоятельное в аспектном плане. Показательно, что среди более 1500 перфектных АС нами не зафиксировано ни одного высказывания с *während*, в котором бы выражалась одновременность и процессность трансформативных действий. Не зафиксировано также ни одного случая сопряженности контрастных аспектных признаков терминативности и процессности (АСП + АСТ), хотя такой тип АС в общем не исключается в перфектных высказываниях. Все же сочетание признаков АСП + АСТ не исключено, хотя это и очень редкий случай. Рассмотрим примеры с перфектных АС с явно предельным глаголом *kommen*. Указания на продолжительность или интенсивность прохождения определенного пространственного отрезка отмечены только в отрицательных перфектных АС, ср.:

- (1) *Nächtelang bist du nicht nach Haus gekommen* (Reimann,);
- (2) *Nie ist sie die steile Treppe so schnell heruntergekommen* (Bredel).

Понимание общеотрицательного предложения проходит через этап воссоздания образа того фрагмента действительности, который выражает положительный противочлен отрицательного высказывания. В нашем случае это возможно только в (2): *Sie ist* (также – *immer, jedesmal, sonst*) *die steile Treppe schnell heruntergekommen*. В (1) из-за наличия экспликатора длительности *nächtelang* положительное высказывание исключается (ср.

³ См. подробнее: Ризаев Б.Х. Аспектная семантика перфектных и плюсквамперфектных форм немецкого глагола. СамГИИЯ. Самарканд. 2003.

*Nächtelang bist du nach Haus gekommen). Положительное высказывание возможно лишь без экспликатора *nächtelang*, и тогда оно отображает АСТ. Отрицательное же высказывание акцентирует внимание на состоянии субъекта, характеризующемся тем, что субъект по каким-либо причинам не совершил соответствующего терминативного действия, и такое состояние характеризуется известной длительностью, представляет собой некий процесс, имеющий определенную временную протяженность. Что касается (2), то здесь мы наблюдаем иную картину. Отрицание *nie* относится к *so schnell*, действие же *ist ... heruntergekommen* представляется совершенным. Отрицание здесь подчеркивает определенное отношение автора-рассказчика, возможно и самого субъекта действия к совершенному субъектом действию, оценку признака действия. Следует отметить, что действие, допускающее сочетаемость с обстоятельствами типа *kurz, schnell*, может в потенции сочетаться и с антонимичными обстоятельствами типа *langsam*. Возможно ли сказать *Nie ist sie die steile Treppe so langsam heruntergekommen*? Если да, то корректным будет положительное предложение *Sie ist die steile Treppe langsam heruntergekommen*. Такая сочетаемость обусловлена наличием компонента *herunter* и семантики *die steile Treppe*. Компонент *herunter* в совокупности с *die steile Treppe* предполагает траекторию движения субъекта по поверхности объекта, имеющего известную протяженность в пространстве. Обстоятельство *schnell* эксплицирует интенсивность действия (скорость достижения финальной точки движения). При отсутствии подобных конкретизаторов перфектное высказывание с *kommen* обычно выражает АСТ, а не АСП + АСТ, как в данном случае. АСТ имеет место и там, где *kommen* сочетается с наречием типа *herein* или *heraus*, ибо эти наречия указывают на начальную или конечную точку движения. Ср.: (3) *Er ist ins Gasthaus «Zum Mond» gegangen und noch nicht wieder herausgekommen* (Н. Mann.); (4) *Du bist hereingekommen zur bösen Stunde, du hast mir ins Ohr geflüstert vom Preudenleben, das auf mich wartet* (Hofmannsthal).

Таким образом, анализ перфектных АС с предельным глаголом *kommen* показал, что они отображают почти исключительно один тип АС, а именно АСТ. В сочетании с конкретизаторами указанного выше типа, которые эксплицируют длительность предшествующего терминативного процесса, становится возможным и отображение совокупности признаков процессности и терминативности, т.е. АСП + АСТ. Напомним, что в претеритных высказываниях нами были зафиксированы четыре типа АС (см. выше). Чисто процессное изображение действия *kommen* в перфектных выражениях исключается. В перфектных высказываниях с предельными глаголами не отмеченными оказались также ситуации аспектологического дуализма (САД). Но обе отмеченные аспектные характеристики могут проявляться в претеритных АС.

Приведем для наглядности сводную таблицу претеритных и перфектных АС с предельными глаголами.

Типы АС	Форма претерита	Форма перфекта
АСТ	+	+
АСП	+	-
АСП + АСТ	+	(+)
САД: АСП/АСТ	+	-

Непредельные глаголы в перфектных ситуациях отображают действия в процессном ракурсе. Однако это другой тип АСП. Если в претеритных АС действие, выраженное непредельным глаголом, представляется в аспектном плане как протекающее, процессное, непосредственно наблюдаемое в своеобразном "настоящем" наблюдателя, то в перфектных высказываниях непредельные глаголы отображают действия, в которых признак процессности, как правило, сопрягается с признаком темпоральной законченности, с "фактовостью". Ср.:

(5) Wie oft habe ich darin gestanden, wenn Schritte durch den Garten kamen (H. Mann. 205);

(6) Mein Fahrer war ein netter alter Bursche, er hat mal gesessen und die Frau ist ihm weggelaufen (Reimann, 72);

(7) Und nun bedenken Sie, Herr Hauptmann. Winterlang haben sie so dagesessen und gearbeitet oder auch geschlafen (Fontäne. 8, 62);

(8) Frag Pepo, wie ich vor einigen Wochen noch straff gelegen habe (Maaß, 120);

(9) Fünfzehn, nein: siebzehn Jahre habe ich darauf gewartet (Reimann, 175);

(10) Da hat vormals einer gelebt, den sie Müntzer heißen, Thomas Müntzer (Jäger, 141);

(11) Da haben Sie gewohnt jahrelang (Hoffmann. 201);

(12) Es ist alles sehr rührend, und alle sind wieder für ihn und gegen Opitz, und die alte Frau Böhmer hat sogar geweint (Fontane. 525);

(13) Heute haben sie einen gesucht, beim Wald, gleich hinter der Brandstatt, wo ich arbeite (Kain, 94);

(14) Sie hat ihr Lebtag schwer gearbeitet (Reiman, 105);

(15) Ich habe immer gewußt, daß du ein Feigling bist (Bredel. Maschinenfabrik, 120).

В перфектных АС могут отображаться и ограничительно-статальные действия. Ср.:

(16) Sie hat erst gewartet, bis man ihr ein Brevier durch die Rippen blasen konnte (Höpfner, 27).

Следует отметить, что столь обычные для претеритных АС конкретизаторы ограничения процесса, как *einen Augenblick*, *ein wenig* и т. п. вообще не встретились в нашей картотеке с соответствующими перфектными АС. Встречающиеся в перфектных АС темпоральные ограничители, как правило, охватывают довольно значительное временное пространство и являются скорее актуализаторами длительности и процессности, ср. (7), (9), (11), а также: (17) *Verhunzt und ruiniert, wofür wir fünf Jahre unseres Lebens gearbeitet haben* (Reimann, 150). Встречаются, однако, и ограничители иного рода. Ср.: (18) «*Dreiundzwanzig Sätze hast du heute abend gesprochen*», *sagte sie* (Schreiter, 181), Глагол *sprechen*, как правило, квалифицируется как однозначно неопределенный глагол. Какой же тип действия отображается этим неопределенным глаголом в приведенном примере? Терминативное действие? Ограничительно-статальное? Или же здесь выражается обобщенно-фактическое значение процессного действия? При определении аспектной характеристики действия *hast ... gesprochen* исходить следует прежде всего из того, что глагол *sprechen* не является полным эквивалентом русскому «говорить». Глагол *sprechen* может выступать и в предельном качестве; ср.: 1. а) *Sprachlaute, Wörter hervorbringen, bilden*; 2. а) *(seine Gedanken in Worten) äußern, sagen: er hat noch kein Wort gesprochen, hast du die Wahrheit gesprochen; der Richter hat das Urteil gesprochen /DGW/*. Именно в этом предельном значении выступает глагол *sprechen* в приведенном выше примере и отображает терминативное действие.

Обращает на себя внимание отсутствие в перфектных АС с неопределенными глаголами показателей признака начинательности типа *plötzlich, dann, und*. Встречающиеся в перфектных ситуациях союзы *dann* и *und*, как правило, не имплицитно означают значения начинательности. Ср.: (19) *Dann sind wir weggegangen, und die Mutter hat geweint* (Brezan. Gymnasiast, 27); (20) *Sie sind um einen großen weißen Stein herumgestanden, und der Vater ist W auf ihm gekniet und hat gehämmert, und die Funken sind geflogen dabei* (Kain, 57), (21) *Ich mußte ganz schön unständige Handbewegungen dabei machen, damit der andere verstand. Aber dann hat er gelacht, daß ihm die Tränen heruntergekollert sind* (Kain, 12). В таких случаях реализуется, по нашему мнению, другая потенция представления действий в таксисном плане, а именно последовательность отдельных "кадров", каждый из которых репрезентируется как "факт", "имевший место", а союзы либо подчеркивают чисто темпоральное отношение между ними (одновременность, последовательность - одно после другого), либо дополнительно и причинно-следственную связь.

Обобщим в предлагаемой ниже схеме типы действий, отображаемых в претеритных и перфектных АС с **неопределенными** глаголами.

Типы действий	Форма претерита	Форма перфекта
Дуративно-статальные	+	-
Инициально-статальные	+	-
Ограничительно-статальные	+	(+)
Терминативные	-	+
Перфективно-статальные	-	+

Лимитативно нейтральные глаголы в форме перфекта тяготеют к выражению трансформативных типов АС, ибо они выступают в своем предельном качестве (см. подробнее: Ризаев, 2003: 19-30). Здесь же мы продемонстрируем анализ лишь одной перфектной АС с лимитативно нейтральным глаголом *gehen*. Ср.: (22) *Ich bin auf einer hohen Leiter gestanden, und unter mir sind die Adjutanten mit allerlei Papierzeug zum Kaiser gegangen, wohl zehnmal am Tag* (Kain, 18). В этом примере акциональная предельность глагола *gehen* не вызывает никаких сомнений, ибо указан конечный ориентир движения. Попутно отметим, что здесь представлено итеративное действие в своеобразно «мультипликативном» виде: передвижения «адъютантов» соотнесены с длительностью непрерывного наблюдения с определенной фиксированной точки пространства, что создает дополнительный эффект «непрерывности» наблюдавшегося однородного процесса. Однако все же это лишь наложение противоположного аспектного момента на «базовое» множество действий, каждое из которых представляет в своей дискретной единичности АСТ. Случай типичный.

Особенность этого высказывания заключается в том, что перфектное действие *sind ... gegangen* окружено такими специфическими условиями, наличие которых для аналогичного претеритного действия способствовало бы его однозначной процессной интерпретации: наблюдаемость, имплицитруемая первой частью высказывания *Ich bin auf einer hohen Leiter gestanden*, словосочетание *zum Kaiser*, называющее ориентир, достижение которого предполагает какую-то пространственную и временную протяженность движения субъекта, указание на многократность совершения действия – *zehnmal am Tag*, усиленное множественностью субъектов движения. Несмотря на обилие отмеченных конкретизаторов процессности форма перфекта *sind gegangen* отображает целостное действие (целостность не предполагает здесь непременно достигнутой обозначенной финальной точки движения, на это указывает предлог *zu* и объективный характер ориентира). Целостность перфектного действия заключается в результативности его с точки зрения субъекта наблюдения: адъютанты десять раз *прошли* к кайзеру, а не *проходили* или *шли*.

Глаголы типа *laufen*, *fahren*, как и *gehen*, в форме перфекта с *sein*

функционируют в своем предельном качестве и отображают, как правило, терминативные действия. Ср:

(23) Der Mann hat seine einzige Kuh verkauft und ist nach Rom gefahren (Brezan. Gymnasiast, 36);

(24) Der Kerl ist mir vor einigen Tagen über den Weg gelaufen (Höpfner, 125).

При наличии экспликаторов обычности, многократности может акцентрироваться процессная сторона перфектного действия, выраженного нейтральным (в качестве предельного) глаголом. В подобных случаях, следует, видимо, говорить не просто о АСТ, или о АСП, но о перфектной АСП. Ср.:

(25) Im Winter, wenn der Schichtbus ausfiel, ist sie mit dem Rad ins Kombinat gefahren, immerhin zwölf Kilometer, und dann acht Stunden am Band, das ist auch kein Spaß, die Kohle verlumpt und verweist, und wenn das Band reißt, ist Holland in Not (Reimann, 169).

В неопределённом качестве, например, глагол laufen обозначает способность субъекта к особому роду передвижения и в этом значении может употребляться в перфекте. При этом предпочтительным оказывается употребление формы перфекта с haben, а не с sein. Ср., I 6. a) die Fähigkeit haben, sich mit einem an den Füßen befestigten Sportgerät fortzubewegen: ich bin/(seltener) habe früher Schlittschuh gelaufen /DGW/.

Лимитативно нейтральные глаголы типа essen, trinken, bauen в составе перфектных АС могут отображать также два типа действий: перфектную АСП и АСТ. Ср.: примеры на АСТ:

(26) Nein, danke. Ich habe schon bei Monsieur Pingo zu Abend gegessen (Höpfner, 99);

(27) Er hat aus einer bauchigen Flasche was Fremdes getrunken (Hofmannsthal. 137);

(28) Wir haben sie gebaut, die Stadt, wir halten sie sauber, wir, die Straßenfeger (Brezan. Gymnasiast, 57).

Перфектная АСП встречается очень редко. Глаголы, отображающие статальные действия, т.е. действия, которые не связаны с какими-либо изменениями объекта или субъекта, и в форме перфекта обычно предстают в процессном аспекте. Из 37 случаев АС с рассматриваемыми типами глаголов только в одном случае мы имеем АСП: Unser Vater ist ein geachteter Kunstschlossermeister gewesen, hat in der Bürgerschaft gesessen (Bredel. Väter).

Перейдем к рассмотрению перфектных АС с глаголами «непрерывного эффекта». К подобным глаголам мы относим прежде всего такие, которые обозначают:

а) речевые действия: erzählen, fragen, berichten, loben, erklären, bemerken, fordern, verlangen, versprechen, klagen, beweisen, melden, warnen, bürgen и др.;

б) действия, являющиеся разновидностями восприятия: *sehen, merken, bemerken, hören, lauschen* и др.;

в) процессы умственной деятельности: *denken, begreifen, glauben* и др.;

г) психологические состояния или действия, в которых они непосредственно проявляются: *sich ängstigen, sich fürchten, sich schämen, fühlen, sich freuen, lachen*.

На с. 73 мы особо подчеркнули, что с аспектуальной точки зрения специфика подобных глаголов заключается в одновременной неопределенности (нейтральности) их акциональной и аспектной характеристик при неизменной устойчивости их «вещественного» значения. Независимо от аспектной интерпретации, действия, выражаемые такими глаголами, всегда остаются «эффективными», «успешными», хотя могут мыслиться и «как сколь угодно длительные», и как кратковременные, ограниченные пределом, в частности временным. Анализ АС с глаголами «эффекта» в форме перфекта показывает, что для них характерным является наличие признака ограниченности пределом. При наличии специальных конкретизаторов длительности могут отображаться статально-перфектные действия. Нередко аспектные ситуации, отображаемые с участием глаголов «эффекта», характеризуются аспектной неопределенностью. Аспектная неопределенность в таких случаях не играет существенной роли для коммуникантов в понимании сути высказывания, ибо в любом случае, как уже отмечалось, действие остается всегда «эффективным». Ср. перфектные ситуации с глаголом *sehen*;

(29) *Ich weiß auch, Nero ist tot, ich habe seine Leiche gesehen und das schwärzliche Loch in seiner Kehle, aus dem sein Blut und sein Leben geronnen war* (Feuchtwanger, 242);

(30) *Nun hat die gnädige Frau gesehen, daß er besonders schöne Blumen hat in seinem Garten* (Eichendorff, 78);

(31) *Wann haben Sie die Mademoiselle zum letzten Mal gesehen – ich meine: lebend gesehen?* (Höpfner, 25);

(32) *Olivier Brusson, seitdem er Euch gesehen hat, ist halb rasend* (Hoffmann. Auswahl, 299);

(33) *Ihr Frauenzimmer kann's auch nicht und mag nicht, und ich habe im Englischen gesehen, daß Sie gut walzen* (Goethe. *Leiden*, 21) (компонент *im Englischen* эквивалентен темпорально-длительному придаточному = *als ich im Englischen war, weilte*).

Во всех приведенных случаях содержание, передаваемое с помощью перфектной формы глагола *sehen*, можно трактовать двояко и интерпретировать посредством формы НСВ русского глагола «видел». Это вовсе не значит, однако, что в перфектных ситуациях отображены имперфективные действия. В рассматриваемых АС на передний план

выступает значение актуальности, свойственное перфекту и включающее в себя такие признаки, как фактовость, темпоральная завершенность и контактность. Обращает на себя внимание то, что в перфектных АС не встречаются конкретизаторы момента начала, типа *plötzlich, dann*, которые довольно часто встречаются в претеритных АС. Отсутствие подобных аспектно релевантных конкретизаторов можно объяснить скорее всего наличием в семантическом потенциале перфекта признака темпоральной завершенности. Если при претеритных АС условный наблюдатель непосредственно созерцает «эффективное» действие, то в перфектных АС присутствие условного наблюдателя ограничивается тем, что он воспринимает «эффективное» действие как свершившийся факт. Ср. статально-перфектное действие: (34) *Frau Hardekopf hat schon eine ganze Weile mit verkniffenen Lippen stumm den Bemühungen der Hebamme zugesehen* (Bredel. *Väter*, 14),

Подобным образом интерпретируются нами и перфектные АС с глаголами типа *hören*. Ср.: (35) *Ah! Fräulein Flora Gorlinda, wer das von Ihnen gehört hat, vergißt es nicht* (H. Mann. *Stadt*, 8); (36) *Das ist das letzte, was ich von ihm gehört habe* (Jäger, 238); (37) *Haben Sie den Obersten noch gekannt? Nein, Herr Major Er war schon fort, als ich zum Regimente kam. Aber ich habe viel von ihm gehört* (Fontane. 8, 45); (38) *Wer war da? Du kannst ruhig alles sagen, ich habe gelauscht* (Höpfner, 105). В (38) употреблен глагол *lauschen*, выражающий обычно длительное действие, который, однако, в форме перфекта отображает действие, ограниченное темпоральным пределом.

Довольно значительную группу глаголов «эффекта» представляют глаголы, обозначающие речевые процессы. В перфектных АС они отображают, как правило, терминативные действия. Приведем некоторые примеры:

(39) *Ich habe es gelobt, auch in ihrem Namen* (Jäger, 296);

(40) *Ich habe dich gebeten, die Mädchen nicht zu belästigen* (Reimann, 302);

(41) *Betrogen haben Sie mich!* (Bredel. *Väter*, 21);

(42) *Jedenfalls hat er versprochen, ein Infanterieregiment zu werben* (Jäger, 77);

(43) *Lorenzo hat mir geschworen, das nächste Mal nehm ich dich mit, wir brauchen in so einer Einsamkeit ein Weib, das für uns sorgt* (Seghers. *Blau*, 35);

(44) «*Erinnern Sie sich, mein Cejon*», fügte er ernst hinzu, «*ich habe Sie von Anfang an gewarnt*» (Feuchtwanger, 92);

(45) *Nun erzählte sie alles beinahe so genau, wie ich es soeben erzählt habe* (Hoffmann. *Nußknacker*, 186).

Глаголы «эффекта», обозначающие процессы, связанные с умственной (интеллектуальной) деятельностью субъекта, ведут себя в перфектных ситуациях аналогично рассмотренным выше. Ср.: (46) *Ich glaube, alle haben*

gedacht, es ginge zu Ende mit mir. Aber du siehst... (Maaß, 121).

Перфектные ситуации с глаголами «эффекта», выражающими процессы, связанные с психическими состояниями субъекта, его переживаниями, мало чем отличаются в аспектном плане от рассмотренных выше. Ср.:

(47) *Erinnerst du dich, wie ich mich vor Herrn Lehmann gefürchtet habe? Du nanntest ihn Gorick* (Reimann, 57);

(48) *Und da reichen nicht hundert Mal, daß er mir gesagt hat: 'Emilie, heut hab ich mir mal wieder über meine Kollegen geschämt'* (Fontane. 5, 180);

(49) *Ich habe Sie gehaßt, mein Lucius* (Feuchtwanger, 364).

Таким образом, анализ перфектных ситуаций с глаголами «непосредственного, непрерывного эффекта» показал, что в них отображаются в основном два типа АС: АСТ и перфектная АСП. Что касается САД, то аспектная неопределенность может возникать именно между этими типами АС, а не просто между АСТ и АСП. В отличие от претеритных АС с аналогичными глаголами имперфективная АСП здесь исключается.

5.3. Аспектная семантика плюсквамперфектных ситуаций⁴

В научной литературе плюсквамперфект и перфект характеризуют обычно как аналогичные в аспектном плане формы, выражающие терминативное значение на соответствующих уровнях: плюсквамперфект на уровне прошедшего ("предпрошедшего") времени, а перфект - в презентном контексте [Hauser-Suida, Норре-Beugel 1972: 160-16]. Разногласия наблюдаются относительно того какой форме следует отдать предпочтение в выражении значения доотигнутости предела. Между тем, анализ материала (более 2400 АС) показал, что в плюсквамперфектных высказываниях могут отображаться такие типы АС, которым присущи особенности как претеритных, так и перфектных АС. В связи с этим мы присоединяемся к мнению В. М. Павлова о том, что «как форма прежде всего темпорально-относительная, плюсквамперфект по сравнению с перфектом в целом менее выразительно связывает законченность действия с полнотой его осуществления и потенциальной результативностью, и, более того, чаще, чем перфект, оставляет самую законченность действия в тени, не привлекая к ней внимания. Выражение же подчеркнутой законченности остается преимущественной прерогативой перфекта в связи с его «фактовостью» [Павлов 1984: 70].

Целый ряд признаков, отмеченных в плюсквамперфектных АС, указывает на то, что плюсквамперфект обладает менее выразительной

⁴ См. подробнее: Ризаев Б.Х. Аспектная семантика перфектных и плюсквамперфектных форм того глагола. СамГИИЯ. Самарканд. 2003.

потенцией к отображению трансформативных действий в их полноте и целостности.

Перфективные глаголы, семантика которых включает в себя признак реализованной (начальной или конечной) предельности, в своем прямом значении в форме плюсквамперфекта отображают только АСТ. К перфективным глаголам движения можно отнести глаголы типа *stürzen*, *sich begeben*, *stürmen*, отображающие начальный момент соответствующих действий в целостном аспекте. Ср.:

(1) Killigen war in den Stall gestürzt, das Vieh zu retten (Jäger, 260);

(2) Am vierten September hatte sich Kaiser Titus wie alljährlich nach seinem Landgut bei Cosa begeben (Feuchtwanger, 320);

(3) Pribula und seine Gruppe waren in den Wald gestürmt, auf die Straße nach Hottelstedt zu (Apitz, 435);

(4) Inzwischen hatte sich die ganze Meute der Eroberer auf die offene Stadt Suhl geworfen (Jäger, 276).

Ср. также примеры с перфективными глаголами движения, связанными с признаком достигнутой конечности предела:

(5) Besagter Kaufmann Prosocarchi war aber ohne alle Begleitung angekommen (Hoffmann. Auswahl, 454);

(6) Unter solcherei Gesprächen waren sie endlich bei der Herberge angelangt (Eichendorff, 28);

(7) Er hatte kaum das Versteck erreicht, da kehrte sie zurück (H. Mann. Stadt, 205).

В отличие от перфектных АС, в плюсквамперфектных АС с предельными глаголами может выражаться не только тип АСП + АСТ, но и АСП, т.е. трансформативные действия могут представляться в их процессном протекании в прошлом, как наблюдаемые в их срединной фазе. АСП может иметь место только при облигаторном наличии в составе плюсквамперфектных высказываний экспликаторов процессности типа *lange* и признака перцептивности. Ср. примеры с предельными глаголами *kommen* и *sterben*:

(8) Umständlich schilderte er seine Begegnung, mit dem Kraftfahrer Manne Wenzel; Der war eines Morgens im Schlenderschritt über den Garagenhof gekommen, hatte seine Mütze ins Genick geschoben und gemeint, mit meinem Vater mal reden zu müssen (Maaß) - АСП + АСТ;

(9) ... ihr Vater ... den die Polizisten dann auf offener Straße niederschossen, vor ihren Augen. Er war qualvoll lange gestorben. Die Polizisten hatten niemand zu ihm gelassen (Brennecke).

Приведем сводную таблицу типов перфектных и плюсквамперфектных АС, чтобы наглядно продемонстрировать их различия.

Сводная схема перфектных и плюсквамперфектных АС с
предельными глаголами

Типы АС	Форма перфекта		Форма плюсквамперфекта	
	Перфек- тивные	Предельные	Перфек- тивные	Предельные
АСТ	+	+	+	+
Н = АСТ	+	+	+	+
АСП + АСТ	–	(+)	–	+
АСП	–	(+)	–	+
Н + АСП	–	–	–	+
САД	–	–	–	+

Можно выделить три основных типа действий, отображаемых в плюсквамперфектных АС с **непредельными** глаголами: дуративно-статальные, ограничительно-статальные и статально-терминативные. Для большей наглядности рассмотрим эти типы действий на примере одного непредельного глагола *warten*:

1. Дуративно-статальные действия:

(10) *Wie hatte er auf diesen Tag, auf dieses Wiedersehen gewartet!* (Höpfner, 9);

(11) *Er hatte die ganze Nacht auf den Tod gewartet, denn er wußte, daß der Mandrill ihn, den Zeugen, nicht lebend zurücklassen wurde* (Apitz, 420);

Примечательно, что в (11) плюсквамперфектное действие протекает параллельно претеритному и темпорально не предшествует последнему.

2. Ограничительно-статальное действие:

(12) *... dann hatte er eine Weile stumm und traurig auf den Bescheid gewartet, worauf er, da zunächst weder ja noch nein erfolgte, mir eine aufmunternde Redensart kläglich und niedergeschlagen abhumpelte*; Здесь эксплицирован конкретизатор ограничения длительности *eine Weile*.

3. Дуративно-терминативное действие:

(13) *Nachdem er vergeblich auf Widerspruch gewartet hatte: «Das liegt an der Rolle des alten Geronimo...»* (H. Mann, Stadt, 155).

Особенность АС в (13) состоит в том, что благодаря союзу *nachdem*, после которого употребление претерита не допускается, непредельный глагол *warten* в форме плюсквамперфекта выражает дуративно-терминативное действие.

С аспектуальной точки зрения особый интерес представляют те случаи, когда форма плюсквамперфекта в противоречии со своей основной аспектной функцией, тесно связанной с ее относительной темпоральной функцией, отображает действия в их процессном протекании в прошлом,

когда такие действия представляются как имперфективные, т.е. наблюдаемые в их срединной фазе. Такой тип АС может отображаться, как правило, только неопределёнными глаголами, выражающими статичные состояния субъекта, природные явления. Глаголы отношения и обладания также могут участвовать в организации подобного типа плюсквамперфектных АС. В качестве конкретизаторов перцептивной АСП могут служить различные языковые средства, представленные в непосредственном контексте. Можно отметить следующие случаи.

1. В функции конкретизатора перцептивной АСП выступает семантика причастия первого: (14) Der Hofrat hatte dagestanden, **zitternd** an allen Gliedern, sprachlos – kein Wort konnte sich entwinden den bebenden Lippen, doch als er Julien in Maxens Armen sah, schrie er laut auf wie ein Wahnsinniger (Hoffmann, Auswahl, 141).

2. В АС содержится элемент сравнения: (15) Der hatte die ganze Zeit über starr und steif dagestanden **wie** ein Stock (Apitz, 160); (16) Aber auch daran erinnerte sie sich, wie sie sich still bei den Händen gehalten, vor der Strohhütte gestanden, auf das schlafende Kind geschaut hatten (Jäger, 201).

3. В АС отображается статичное состояние неодушевленного предмета: (17) Die Wandborde, auf denen ehemals Tonkrüge neben blankgeputztem Zinngeschirr gestanden hatten, waren leergelegt (Jäger, 232).

4. В АС с конкретизаторами типа den ganzen Tag, das ganze Jahr hindurch, die ganze Zeit: (18) Sie hatten die ganze Zeit geschwiegen, sie ließen die Schwester sprechen, die Eifersucht anstachelte (Reimann, 109);

5. В плюсквамперфектных высказываниях с союзом solange: (19) Solange sie sich in der Obhut der Weiber und Dirnen befunden hatte, war es keinem der Landsknechte eingefallen, ihr zu nahe zu treten (Jäger, 109).

6. Глаголы отношения типа aussehen, обладания типа besitzen могут выражать рассматриваемый тип АС и без особых конкретизаторов процессности: (20) Aber der Vater hatte ausgesehen, als ob er sich mit einem hauen wollte, der stärker, aber nicht im Recht war (Brezan, Gymnasiast, 20); (21) Sie hatte eine ganze Straßenzeile besessen, aber die war zerbombt, und nun gehörte ihr nur noch das Mietshaus und ein Haufen Plüschmöbel (Reimann, 100).

Анализ плюсквамперфектных АС с неопределёнными глаголами подтверждает выводы, сделанные в работе У. Хаузер-Суйды и Г. Хоппе-Бойгель. В своем исследовании авторы, признавая, что глаголы состояния выступают почти всегда как «дуративно-реализованные», тем не менее отмечают, что при наличии ограничительных темпоральных конкретизаторов (für kurze, lange Zeit dort gewesen sein, gewohnt haben, geblieben sein) они реализуются в плюсквамперфекте «перфективно». В качестве главного аргумента указывается на то, что в подобных случаях употребление претерита становится невозможным. При этом имеются в

виду в частности придаточные предложения с союзами *seit/seitdem*: *Seit der Lorenz ein paar Tage in ihrem Haus gewesen war, hatte sie das Gefühl, als...* /Hauser-Suida, Hoppe-Beugel 1972; 165). Делается вывод о том, что с «дуративно реализованными» глаголами плюсквамперфект не употребляется в придаточных предложениях с союзами *als, seit/seitdem*. Отмечается, что в таких случаях облигаторным является употребление претерита /там же: 168/.

Приведем сводную схему типов перфектных и плюсквамперфектных АС с неопределёнными глаголами

Типы АС	Форма перфекта	Форма плюсквамперфекта
Перфект. АСП	+	+
Огр. АСП	+	+
АСП + АСТ	–	+
Н = АСТ	–	+
Н + АСП	–	–
АСТ	–	–
АСП	(+)	+

Плюсквамперфектные высказывания с лимитативно нейтральными глаголами характеризуются особенностями как претеритных, так и перфектных АС. Довольно часто в высказываниях с лимитативно нейтральными глаголами аспектная дифференциация становится нерелевантной.

Особо следует отметить случаи "извращения" плюсквамперфектной темпоральной функции под влиянием аспектно и темпорально релевантных факторов (см. подробнее: Ризаев, 2003:67-71). Отмечаются два типичных случая: 1) плюсквамперфект отображает действие, которое темпорально следует за действием, выраженным формой претерита:

Dann erbrach sie sich, würgte, bis der Magen sich geleert hatte (Jäger);
 2) плюсквамперфектное действие "вписывается" в темпоральный фон других, параллельных действий, выраженных формой претерита:

Jetzt, während mir mein Vater mit hängenden Schultern und ruhelosem Blick gegenüber saß und gewissermaßen sein Innerstes vor mir bloßgelegt hatte, tat er mir leid. Was mußte in diesen Augenblicken in ihm vorgehen? (Maaß) .

5.4. Аспектная семантика презентных ситуаций⁵

Аспектная специфика презенса проявляется в том, что во всех презентных АС облигаторно наличествует признак перцептивности, который неразрывно связан с аспектным признаком процессности. В значении актуального презенса могут употребляться не только предельные, но и перфективные глаголы. Образы действий (ситуаций), отображаемых посредством форм актуального презенса предельных и неопределенных глаголов, не различаются в темпоральном плане. В обоих случаях время речи совпадает с временем действия, т.е. "сейчас" говорящего (или условного наблюдателя) есть "сейчас" действия. Различия проявляются лишь в аспектном плане. Если презентные ситуации с неопределенными глаголами характеризуются всегда, при любых условиях контекста как аспектуальные ситуации процессности, то предельными глаголами может имплицироваться и признак терминативности, который тем не менее комбинируется с признаком процессности. Признак процессности является постоянным и эксплицитным, признак же терминативности лишь имплицирован - следует из знания отношений в объективной реальности.

В функции презенса исторического исключается совпадение момента действия с моментом речи, но наблюдается совпадение момента действия с моментом наблюдения, несмотря на то, что само действие является объективно прошедшим, темпорально завершенным с точки зрения момента речи. Здесь перфективные глаголы (а также ультрапредельные и предельные) отображают, как правило, аспектуальную ситуацию терминативности (АСТ). Приведем некоторые примеры:

Er trudelt noch in einige Schenken, und wenn er in dem kleinen Gasthof in der Vorstadt ankommt, ist er ein wenig beschwipst (Brecht. Kalendergeschichten, 63);

Aber wenn er, so repräsentabel gemacht, vor dem Werbebüro ankommt, ist es geschlossen (Brecht. Kalendergeschichten, 65);

Доминирующая роль в определении аспектной характеристики подобных аспектуальных ситуаций принадлежит лексической семантике перфективных глаголов, включающей в свою структуру в обязательном порядке сему достигнутого предела (и результативности). Значение "достигнутого предела" связывается не только с признаком достигнутого конечного предела, результата, но и с инициальным пределом. Так, если такие перфективные глаголы, как *finden*, *treffen*,

⁵ См. подробнее: Ризаев Б.Х. Темпорально-аспектная семантика презентных и футуральных форм немецкого глагола. Самарканд, 2008.

выражают, как правило, результат предшествующего действия *suchen* (treffen в другом, также перфективном, значении - с *zielen* и глаголами со значениями "стрелять", "метать"), то такие перфективные глаголы, как *auftauchen*, (*sich*) *stürzen*, отображают инициально-трансформативное действие.

Продемонстрируем сказанное на примерах:

Niemals hat mich ein Buch mehr erregt als diese Geschichte von dem König Ödipus, der den Mörder seines Vaters sucht und sich selbst als Mörder und als den Schänder seiner Mutter findet (Brezn. Mannesjahre, 205);

Rarus, der sich übrigens verfolgt sieht, sucht seinen Herrn vergebens im Palast und trifft ihn erst am späten Nachmittag im Zirkus beim Hunderennen (Brecht. Kalendergeschichten, 65);

Als ich wieder auftauche, sind alle anderen wie weggewischt, und er sitzt mir gegenüber (Ch.Wolf. Unter den Linden, 56);

Jetzt hat Varro die Brücke überschritten, jetzt stürzt er sich mit seinem ganzen Wesen in das Spiel (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 97);

ср. также: Das Fahrboot setzt sich summend in Bewegung (Strittmatter. Ole Bienkopp, 166).

В отличие от рассмотренных выше презентных АС с перфективными глаголами в презентных АС с собственно предельными глаголами как доминирующий аспектный признак выступает признак процессности. Это касается и актуального, и исторического презенса.

Рассмотрим презентные АС с явно предельным глаголом движения *kommen*.

Перцептивная, имперфективная АСП отображается в следующих случаях.

1. В аспектуальной ситуации указан исходный пункт движения субъекта и сам факт передвижения субъекта в пространстве. Указание на конечный пункт движения отсутствует:

Fritz kommt von der Schule. Vergnügt schlendert er über den Kiesweg

2. В аспектуальной ситуации отображается образ "приближения" субъекта к наблюдателю (в прямом и в переносном смысле). Ср.:

Er zog seine Pistole und richtete sie auf Iwan. "Bist du verrückt geworden?" schrie Wassil. Er zeigte hinunter: "Da kommen sie schon, weg mit dem Ding!" (Kruschel. Die Zauberer von Baracoa, 143);

Die Korridore liegen halb dunkel, vom anderen Flügel her über kommt trunkener Gesang (Brecht. Kalendergeschichten, 67);

Der Tag versinkt, er war schon und gut, die Müdigkeit kommt, sanfte, warme Traumkappe (Brezn. Mannesjahre, 369).

3. И при наличии указания на конечный пункт движения действие *kommen* может восприниматься как процессное. Значение достигнутой

субъектом конечного пункта назначения имплицитруется, как правило, наступлением последующего действия. Ср.:

Er kommt schwankend auf mich zu, führt mich zum Tisch der anderen Buben hin, und ich spür seine Last (Kain. Der Weg zum Ödensee, 70);

4. При обычности, многократности, нелокализованности действия посредством *kommen* также отображается аспектуальная ситуация процессности:

Felix Hanusch saß neben Nikolas Delenk ganz hinten auf der Bank, wo beim Tanz die Mädchen sitzen, die nur kommen, um mit den gefallenen Burschen zu tanzen (Brezn. Mannesjahre, 150).

В презентных аспектуальных ситуациях с *kommen* могут отображаться также образы действий, связанных с признаком результативности. Как правило, это такие АС, в которых констатируется факт появления субъекта в поле зрения наблюдателя. Само передвижение субъекта в пространстве в таких случаях не эксплицируется.

Ср.: Er beruhigt sich etwas, als Brutus kommt, den er sehr liebt (Brecht. Kalendergeschichten, 54);

Dann kommt eine verweinte Lucilia und stürzt ihm in die Arme (Brecht. Kalendergeschichten, 64);

Dann kommen die anderen und fressen ihm weg, was er geerntet hat (Jäger. Wolfgänger, 49);

Simon Mjetk erhob sich aus einem der tiefen Sessel. "Fein, daß du kommst! Wir haben heute ein kleines Fest" (Brezn. Mannesjahre, 139).

Ср. также пример на переносное употребление *kommen*: Der alte Mann starrt ihn einen Augenblick fast zornig an. Dann kommt in seinen Blick die ... Unsicherheit der ein halbes Leben lang Gedrillten (Brecht. Kalendergeschichten, 66).

Аналогичное явление наблюдается и при употреблении глагола *kommen* в функции футурального презенса, ср., например:

Und wenn Rumbo wieder auf meinen Hof kommt, ich schmeiße ihm eine Katze ins Gesichtl (Brezn. Mannesjahre, 135).

Появление субъекта в поле зрения наблюдателя может сопровождаться одновременно с его передвижением в пространстве. Такие ситуации обычно передаются сочетаниями глагола *kommen* с причастиями вторыми от неопределённых глаголов движения.

Ср.: ... sie sagte: "Kaum malt man den Hasen an die Wand, da kommt er schon gerannt" (Brezn. Mannesjahre, 87).

Футуральный презенс предельных глаголов может быть связан с отображением аспектуальных ситуаций, где наблюдается сопряженность признаков АСП + АСТ. Наблюдатель как бы переносится в план будущего и момент (период) наблюдения охватывает как сам процесс передвижения

субъекта к конечной цели, так и "точку" вероятного достижения этой конечной цели. Ср. глагол bringen в следующем примере: "So", sagte sie, "jetzt bringt dich Vati ins Bett, und dann schläfst du ganz schnell wieder ein und träumst etwas schönes" (Brezn. Mannesjahre, 252).

В презентных высказываниях с явно предельным глаголом kommen могут отображаться следующие типы аспектуальных ситуаций: АСП, АСТ (Н = АСТ), АСП + АСТ. При этом особо следует подчеркнуть, что терминативный признак, связанный с достижением конечного предела, как правило, имплицитруется наступлением последующих действий.

Глаголы движения, типа sinken, steigen, klettern, которые характеризуются менее ярко выраженной семой предельности, в презентных АС отображают обычно АСП. Значение достигнутой предела может имплицитироваться переходом субъекта движения к последующему действию. Ср.:

Zwei Leben, dachte sie, und verlor das Paar aus dem Bewußtsein. Ich steige aufs Rad und fahre davon, kleiner werden das Haus, die beiden Kinder, der Mann immer kleiner (Brezn. Mannesjahre, 129);

Sie klettert ihrem Vater auf den Schoß, legt die Ärmchen um seinen Hals und... (Brezn. Mannesjahre, 369);

Mein Professor senkt die Stimme, lange ehe er sich dieses Wort entschlüpfen lässt, Dr. habil. Hinz senkt aus mir unbekannten Gründen die Mundwinkel" (Ch. Wolf. Unter den Linden, 68);

Die Dämmerung sinkt über das riesige, unruhige, von Gerüchten brodelnde Rom, als er ... mit der Torwache verhandelt (Brecht. Kalendergeschichten, 65).

Признак процессности доминирует и в презентных АС, в составе которых функционируют предельные глаголы, относящиеся к иным лексико-семантическим группам. Возьмем, например, такой явно предельный глагол говорения, как sagen. В соответствии со своей спецификой глагол sagen может употребляться во всех отмеченных выше темпоральных функциях, присущих форме презенса, и, как правило, отображать АСП (за исключением футурального презенса). Ср. примеры, где sagen выступает в функции актуального, расширенного и исторического презенса:

Am Eingang zum Atrium stehen zwei riesige Neger auf Wache. Sie wollen inn nicht passieren lassen. Was er sagt, verstehen sie nicht (Brecht. Kalendergeschichten, 67);

Sie hat ihr Kind erwürgt, aus Angst vor der Chefin-Mutter, sagen die Leute... (Reimann. Franziska Linkerhand, 101);

Kam ein Mann zu mir, hab'ne Fracht für Sie. Gut, sage ich, und betrachte den Burschen (Brezn. Mannesjahre, 173);

Töricht sage ich: Da sind Sie ja. Er aber rührt in seiner Tasse und fragt streng: Was willst du doch? (Ch.Wolf. Unter den Linden, 56).

В футуральной функции презентная форма предельного глагола sagen отображает проспективную АСТ. Ср.:

Geht Felix in die Knie? Beugt er zerknirscht sein Haupt und sagt, mit umflorter Stimme vielleicht: Gut, alter Winnie, daß wir dich haben! (Brezan. Mannesjahre, 328).

Анализ презентных АС показал несостоятельность утверждения некоторых лингвистов о том, что "предельные глаголы, как правило, не могут употребляться в значении актуального настоящего" и что в зависимости от контекста в значении актуального настоящего в немецком языке могут употребляться и н о г д а предельные глаголы (Кульбакин 1985). В немецком языке любой предельный глагол (за исключением перфективных) характеризуется аспектной амбивалентностью в силу того, что в семантике немецкого предельного глагола уживаются оба контрастных аспектных признака, причем признак процессности является постоянным. Одно это обстоятельство является достаточным аргументом в пользу того, что предельный глагол способен употребляться в функции актуального презенса, ибо значение актуального презенса неразрывно связано с процессуальной семой, взаимосвязанной с признаком темпоральной длительности действия и перцептивной с точки зрения условного наблюдателя. Более того, анализ материала показал, что в функции актуального настоящего могут выступать даже перфективные глаголы, ср.: Ah, Waldemar ... herzlich willkommen., mein Junge. Nimm einen Stuhl oder stelle dich persönlich hierher... Du findest mich in einer gewissen Aufregung... (Fontane).

Общеизвестным и не требующим особой демонстрации является тот факт, что однозначно непредельные глаголы в презенсе отображают аспектуальные ситуации процессности. Признак процессности является эксплицированным и доминирующим, в какой бы темпоральной функции ни выступала презентная форма непредельного глагола. Бытующее в литературе мнение о том, что футуральный презенс нормально образуется преимущественно от предельных глаголов, подтверждается и нашим материалом. Так, в 87 случаях из 700 презентных АС зафиксировано употребление футурального презенса (12% от общего количества презентных АС). Из них 60 случаев (69%) представляют собой образования футурального презенса от предельных глаголов, от лимитативно нейтральных - 19 случаев (22%) и от непредельных глаголов - 8 случаев (9%).

5.5. Аспектная семантика футуральных ситуаций⁶

5.5.1. Аспектуальные ситуации с футуром первым

В лингвистической литературе представлены, по сути дела, все возможные версии интерпретации семантики первого футура в аспектном плане. Гипотетически можно представить себе, что футур первый может быть специализирован на выражении (а) значения достигнутой предельности, (б) значения недостижимости предельности, и что он (в) нейтрален по отношению к названным аспектным признакам. И каждая из этих точек зрения на семантику первого футура находит выражение в литературе (см. [Балин 1968: 17; Балин, Бурмистрова, Колосова... 1979: 32-33; Мыркин, 1989: 48; Lallement 1989]).

Анализ материала показал, что аспектное содержание формы футура I зависит прежде всего от акциональной семантики глагола, выступающего в данной форме.

Перфективные глаголы согласно своей акциональной специфике и в форме футура I отображают АСТ, естественно – проспективную АСТ. Ср.:

Die werden sie dann eben nicht so schnell finden (Seghers. Die Toten bleiben jung, 32);

Meine Liebe zu Ihrer Sache wird mich inspirieren, so daß ich Argumente für mein weiteres Bleiben finden werde (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 169);

Если в футуральных аспектуальных ситуациях с перфективными глаголами исключается признак проспективной процессности, хотя бы и в сопряжении с признаком проспективной достигнутой предельности (т.е. АСП + АСТ), то в футуральных АС с предельным и даже с ультрапредельными глаголами становится возможным не только тип АСП + АСТ, но и просто проспективная аспектуальная ситуация процессности т.е. АСП. Ср.:

Wir werden das Haus in Ordnung bringen (Seghers. Die Toten bleiben jung, 487) - АСП + АСТ; Der römische Bürger wird italischen Boden erobern, nicht persischen (Brecht. Kalendergeschichten, 56) - АСП + АСТ.

Ср. следующую АС с ультрапредельным глаголом sterben:

Während er die umfangreichen Schutzmaßnahmen auseinandersetzt, die er für nötig hält, sieht Cäsar durch ihn hindurch wie in einer Vision, wie er sterben wird, denn er wird sterben (Brecht. Kalendergeschichten, 55).

В приведенном примере форма футура первого от глагола sterben без всякого сомнения связана с отображением образа процессного действия. Неважно, что решающую роль при этом играет особая семантическая структура контекста, включающая признак презентной перцептивности.

⁶ См. подробнее: Ризаев Б.Х. Темпорально-аспектная семантика презентных и футуральных форм немецкого глагола. Самарканд, 2008.

Важно, что процессное изображение явно трансформативного действия *sterben* становится возможным и в форме футура I.

Не вдаваясь в подробный анализ, отметим, что лимитативно нейтральные глаголы, в том числе и глаголы "непрерывного эффекта", в форме футура первого могут отображать три типа АС: АСП, Н + АСП и САД. Выражение чисто терминативного действия с достижением конечного предела в футуральных АС с лимитативно нейтральными глаголами нами не зафиксировано. Ср. примеры с глаголами *gehen*, *trinken*, *schreiben*:

Spätestens acht Uhr morgen früh wird er Lucilia genug Geld in den Gasthof bringen. Und dann wird er mit ihrem Vater zu dem Kommandanten der Palastwache gehen und über die Hauptmannsstelle reden (Brecht. *Kalendergeschichten*, 64); - Н + АСП;

Albert ist angekommen, und ich werde gehen (Goethe. *Die Leiden des jungen Werther*, 37) - Н + АСП;

Er wird sich zum Porticus des Pompejus tragen lassen, dort aussteigen, Bittsteller abfertigen, in den Tempel gehen, den oder jenen der Senatoren mit einem Blick suchen und begrüßen, sich auf einen Stuhl setzen. (Brecht. *Kalendergeschichten*, 55) - САД (Н + АСП или АСП + АСТ);

"Schreib!s!" sagte sie. "Ich werde schreiben" erwiderte er, "nicht, daß ihr es spielen sollt... alles, was ich dafür weiß" (Brezan. *Mannesjahre*, 171) - САД (АСП или АСП + АСТ);

Ich werde einen Brief schreiben an meinen Sohn, an den ich noch keinen Brief geschrieben habe (Brezan, *Gymnasiast*, 256) - САД (АСП или АСП + АСТ);

Mit Meyer werde ich noch ein Bier trinken - auf die baldige Klärung der beiden Raubmorde (Elgers. *Die Katze mit blauen Augen*, 35) - САД (АСП или АСП + АСТ).

Специальный анализ футуральных АС и их переводов показал, что далеко не всегда переводы являются аспектно адекватными. Возможны как случаи передачи немецких проспективно-статальных действий с помощью форм СВ русского языка, так и передача явно проспективно терминативных действий, выраженных формой футура I от перфективных и предельных глаголов, формой НСВ. Такая закономерность не является случайной. Одной из главных причин является то, что переводчик, носитель видового языка, при переводе исходит часто из особенностей именно своего родного языка, который облигаторно "навязывает" ему выбор либо форму СВ, либо форму НСВ. Для переводчика важно передать не столько аспектную особенность семантики языковой формы языка оригинала, сколько по возможности адекватно содержание отношений реальной действительности средствами языка перевода. Если для

носителя немецкого языка довольно часто аспектное различие отображаемых ситуаций не имеет существенного значения и употребляемая в конкретном высказывании языковая форма аспектно амбивалентна, то в видовом языке это облигаторно должна передаваться с помощью одной из двух контрастных видовых форм, ибо другого выбора видовая система языка не предоставляет.

Бытующее в аспектологической литературе мнение о том, что футур I употребляется чаще с НП- глаголами (Мыркин 1989), не подтверждается анализом фактического материала. В 62,2% случаев встретились образования с предельными глаголами, в 20,2% случаев - с лимитативно нейтральными глаголами. Частотность же употребления футура первого от неопредельных глаголов составляет всего 17,4%.

Приведем таблицу, отражающую типы выявленных в ходе анализа футуральных АС.

Схема типов АС с футуром первым

Типы глаголов Типы АС	Предельные	Нейтральные		Неопредельные
		П	НП	
АСП	(+)	+	+	+
Н+АСП	-	+	+	+
АСП + АСТ	+	+	-	-
АСТ	+	-	-	-
Н = АСТ	+	-	-	-
САД:				
АСП/АСП + АСТ	-	+	-	-
АСП/Н + АСТ	-	+	-	+
Н + АСП/Н = АСТ	-	+	-	-

Из таблицы видно, что предельные глаголы в форме футура первого, как правило, отображают трансформативные типы действий. В подобных футуральных аспектуальных ситуациях регулярно наличествует признак проспективной терминативности (АСТ, Н = АСТ), который, однако, может сопрягаться с признаком процессности (АСП + АСТ). Не исключается и тип АСП, но этот тип АС проявляется лишь ситуативно и не может поэтому считаться характерным. Что касается САД, то она базируется на неопределенности в плане АСТ/АСП + АСТ, но не на амбивалентности аспектной оппозиции АСП:АСТ. Таким образом, есть основание утверждать, что основным доминирующим признаком

футуральных аспектуальных ситуаций с предельными глаголами является признак терминативности.

В футуральных высказываниях с неопределенными и лимитативно нейтральными глаголами доминирующим является признак процессности (АСП), отображение АСТ в них исключается. Имплиcitный же признак инициальной терминативности (Н + АСП) всегда сопряжен с признаком дальнейшего протекания процесса.

Есть основания полагать, что форма футура первого как таковая характеризуется нейтральностью по отношению к аспектным признакам процессности и терминативности, что ее аспектное содержание зависит прежде всего от акциональной семантики глагола, выступающего в данной форме.

Следует особо подчеркнуть, что нейтральность эта не аналогична аспектной нейтральности, которая присуща форме претерита. Между "футуральной" и "претеритной" нейтральностью имеется существенное различие. Специфика состоит в следующем. Если в основе аспектной нейтральности формы претерита лежит свойство этой формы отображать противоположные аспектные признаки процессности и терминативности одновременно в их совокупности, вместе, в единстве этих противоположностей (см. Ризаев, 1999), то нейтральность формы первого футура заключается в ее способности выражать - в зависимости прежде всего от акциональной характеристики глагола и от привходящих условий контекста - либо одно, либо другое контрастное аспектное значение. Отображение же формой первого футура противоположных аспектных значений в их совокупности носит скорее ситуативный и имплицитный характер.

Нейтральность формы футура первого заключается прежде всего в том, что она не "навязывает" ничего "своего" в аспектном плане образам действия в ситуациях будущего.

5.5.2. Аспектуальные ситуации с футуром вторым

5.5.2.1. Аспектуальные ситуации с футуром вторым от предельных глаголов

Во всех без исключения аспектуальных ситуациях с участием второго футура от предельных глаголов представлен признак терминативности, т.е. отображается АСТ. Анализ материала показывает, что, несмотря на то, что рассматриваемая форма именуется футуральной, выражаемые с ее помощью аспектуальные ситуации нельзя квалифицировать как однозначно перспективные. С формой второго футура могут быть связаны как действия, терминативация которых

предполагается в будущем, так и терминативные действия, ориентированные в план прошедшего. Первый тип терминативной АСТ, т.е. проспективная АСТ, может иметь как относительный, так и абсолютный темпоральный характер. То же самое можно сказать и по отношению ко второму типу терминативных АС, в которых может выражаться, с одной стороны, терминативное действие, предшествующее другому действию в прошлом, а с другой стороны, может передаваться значение терминативной АС как констатация гипотетически завершенного в аспектном плане действия в прошлом. Модальное значение предположения может присутствовать во всех отмеченных выше случаях. Семантическое различие между выделенными выше типами терминативных аспектуальных ситуаций лежит в области темпорально-таксисных отношений, так как оно основано на отношении к моменту речи, с одной стороны, а с другой стороны, действия различаются в плане наличия/отсутствия признака предшествования в плане будущего или прошедшего. Аналогично тому, как терминативные АС, соотнесенные с планом будущего, мы называем проспективными, будем называть ретроспективными такие АС, в которых терминативное действие связано с планом прошедшего.

Рассмотрим кратко типы АС с футуром вторым от предельных глаголов.

1. Абсолютный проспективный тип АСТ

Семантическая специфика этого типа заключается в том, что в высказывании отображается проспективная терминативная предшествующего процесса (состояния, действия, "положения дел"). Терминативное действие может быть сопряжено с такими признаками, как "изменение", "прекращение", "преобразование" предшествующего "положения дел". Изменяемое "положение дел" выражается обычно предложениями со сказуемыми в форме презенса или футура I. Образ "положения дел", изменение, прекращение которого выражается предложением с формой футура II, может концентрироваться в содержании объекта воздействия (1), (5), передаваться ближайшим контекстом (2), (6) или же оно (состояние) может имплицитно входить в содержание глагольной лексемы, функционирующей в форме второго футура (3), (4), (7), (8). Ср.:

(1) "Trotzdem solltest du dich in acht nehmen", warnte Akramow, "gewiß, man wird bald auch die letzte Bande ausgeräuchert haben, aber zur Zeit sind die Basmatschen noch immer gefährlich. Wie Tiere, die auf den Tod verwundet worden sind" (Kruschel. Die Zauberer von Baracoa, 37);

(2) Das Kind stößt einen Laut aus, befriedigt, glücklich, gleich wird es eingeschlafen sein (H.Fallada);

(3) Trauzeugen wird Heinrich sein, und auch diesen arroganten Lummel werde ich kleingekriegt haben (Ch.Wolf. Unter den Linden, 95);

(4) Vielleicht wird es lange dauern, aber eines Tages werden wir es überwunden haben (W.Jens. Der Blinde);

(5) Eines Tages nämlich werden Sie mich mögen, mein Fräulein. Bloß dann werden Sie nicht mehr Malzkacke, sondern ein Reflexwesen sein wie jedermann, und den Stolz werde ich dir als nebensächlich weggeformt haben, und anstatt mit deinem faden blonden Motorradjüngling werde ich dich mit Symage verheiraten (Ch.Wolf. Unter den Linden, 95);

(6) Ihr habt euch ja schon öfter gezankt, nimm es nicht so schwer, Raoul. In zwei, drei Tagen werdet ihr euch wie gewöhnlich ausgesöhnt haben (B.Kellermann);

(7) In ein paar Tagen wirst du mich vielleicht wieder vergessen haben (Schnitzler);

(8) Das Heldische hat nicht direkt abgewirtschaftet und wird noch lange nicht abgewirtschaftet haben, aber sein Kurs hat nun mal seine besondere Höhe verloren (Fontane. Romane und Erzählungen. 8, 291);

(9) Wenn Sie ihm klarmachen können, was hier los ist, Leutnant Lucius, dann werden Sie und ich das Reich für einige Jahre verändert haben (Feuchtwanger. Der falsche Nero, 220).

Значение проспективной терминативности, определяемое как изменение "положения дел" и, тем самым, его прекращение, может быть в частности, связано с признаками "приобретение чего-либо", "утрата чего-либо", изредка - с признаком "усиление", "укрепление" какого-либо ранее имевшего место состояния субъекта. Ср. следующие примеры:

(10) Wenn der, den ich verdächtige, der Mörder ist, werden Sie selbst auf ihn stoßen ... wenn er es nicht ist, werden Sie den Richtigen gefunden haben, und es wird nicht nötig gewesen sein, den Namen des Menschen zu wissen, den ich falsch verdächtigt habe (Dürrenmatt. Der Richter und sein Henker, 16);

(11) Wir werden schwächer und Lassaleaner stärker aus der Trennung hervorgehen; unsere Partei wird ihre politische Jungfernschaft verloren haben und wird nie wieder gegen Lassalierphrasen, die sie eine Zeitlang selbst auf die Fahne geschrieben, herzhafte auftreten können (K.Marx. Ausgewählte Werke);

(12) Nun sind wir Gäste des Komitees, diese Tatsache wird in ihr einen eventuellen Verdacht, unter Basmatschen zu sein, befestigt haben... In Bucharra werden wir weitersehen (Kruschel. Der Zauberer von Baracoa, 19).

2. Относительный проспективный тип АСТ.

Для этого типа АС характерно то, что в высказываниях с футуром вторым от предельных глаголов отображается ситуация, в которой форма футура второго выражает проспективное терминативное действие, предшествующее другому проецируемому в будущее действию.

Последнее выражается обычно формой футура первого или передается с помощью футурального презенса. Оно может, передаваться также с помощью предложного сочетания, обозначающего временную точку в будущем, ср.:

(13) Sobald sich der Groß-Cophta wird offenbart haben, wird er fragen (J.W.Goethe);

(14) Wenn sie diese Zeilen lesen werden, werde ich zu leben aufgehört haben (H.Sudermann. Der Wunsch);

(15) "Du wirst es schaffen!", sagte sie leise. "Aber wenn du es geschafft haben wirst, werde ich nicht mehr bei dir sein" (H.Fallada);

(16) Und nachdem ich den Doktor gemacht haben werde, suche ich im Ausland eine mir zusagende Stellung (L.Frank);

(17) Fritz Kynast ist gestern nach England gereist, er soll seiner Mutter und sich selber das Gelübde abgelegt haben, dich in einem Jahre, wenn die Welt Helenes Tod vergessen haben wird, zur Rechenschaft zu ziehen. Also hüte dich (Wassermann. Erwin Reiner);

(18) Ihr Allgemeinzustand läßt zu wünschen übrig. Sie brauchen gutes Essen, gute Pflege und viel Ruhe. Wenn ich wiederkomme, werden Sie es schon geschafft haben (Brennecke. Ein Fremder kam nach Aripuana, 48).

Ретроспективный тип АСТ облигаторно сопрягается со значением предположения законченного в темпоральном и завершенного в аспектном отношении действия в плане прошедшего времени. Этот тип АСТ также подразделяется на два подтипа, различающихся в плане наличия/отсутствия признака предшествования в прошлом.

1) Абсолютный гипотетический ретроспективный терминативный тип АС с футуром вторым от предельных глаголов характеризуется тем, что отображаемое в ситуации терминативное действие не предшествует какому-либо другому конкретному действию в прошлом. Выражается констатация предполагаемого в прошлом терминативного действия. Ср.:

(19) Es hatte einen Überfall auf das Theater gegeben... Es wird Tote gegeben haben. Vielleicht hat sogar Tamerlan geschossen, vielleicht lebt Scharafat nicht mehr. Oder die Eltern ... (Kruschel. Die Zauberer von Baracoa, 23);

(20) Wo bist du gestern hingegangen? Wo werde ich hingegangen sein? Nach Hause gegangen bin ich (Schendels 1982: 58);

(21) Wenn wir nun endlich einen Arzt bekämen! Meinethalben sogar den Alfons Batschon. Der wird ja schließlich auch mit Jahren klüger geworden sein (Brezan. Mannesjahre, 133);

2) Относительный тип гипотетически ретроспективного терминативного действия встречается довольно редко. Мы располагаем лишь двумя примерами. Признак предшествования здесь относителен не по отноше-

нию к другому прошедшему действию, а к действию, время которого совпадает с моментом речи. Ср.:

(22) Ja, wenn Herr von Studmann dich nicht haben will, so wirst du deine Arbeit schon nicht ordentlich gemacht haben (H.Fallada. Wolf unter Wölfen);

(23) Sie entlassen ihn, dachte Emilie, er ist ohne Begleitung, da steht er, als könnte er es nicht fassen, daß sich die Tür hinter ihm wieder geschlossen hat. Sein Gesicht sieht geschunden aus. Natürlich werden sie ihn geschlagen haben, aber sie lassen ihn laufen, ich bin nicht mehr verantwortlich für diesen Auftrag (Kruschel. Die Zauberer von Baracoa, 93).

Таким образом, все высказывания с участием формы футура второго от предельных глаголов характеризуются признаком терминативности. В них выражается в сущности один тип аспектуальной ситуации, т.е. АСТ по отношению к акту наблюдения. Семантические же различия между выделенными выше типами АСТ характеризуются различительными признаками не аспектного, а темпорально-таксисного и модального характера.

5.5.2.2. Аспектуальные ситуации с футуром вторым от лимитативно нейтральных глаголов

Лимитативно нейтральные глаголы, встретившиеся в форме футура второго, выступают только в своем предельном качестве и выражают однозначно АСТ. Что касается темпорально-таксисных и модальных значений, то и здесь наблюдаются аналогичные рассмотренным выше типы терминативных действий, сопряженных с признаками предшествования в планах прошлого и будущего, с одной стороны, а с другой стороны, имеются случаи абсолютной терминации как проспективного, так и ретроспективного характера, которые в свою очередь могут быть связаны со значением предположения. Приведем примеры на указанные типы АСТ.

1. Абсолютная проспективно-терминативная АС: (24) Der Artikel wird nicht nur in der Öffentlichkeit Aufsehen erregen, auch im Bundeskriminalamt wird man ihn gelesen haben (Brennecke. Ein Fremder kam..., 143).

2. Относительный проспективно-терминативный тип АС. На то, что действие, выраженное футуром II от лимитативно нейтральных глаголов, совершено в его полном заданном объеме, указывает содержание последующего футурального действия, в котором указываются последствия результата предыдущего проспективно-терминативного действия. Ср.: (25) Du wirst mich bedauern, wenn du alles gehört haben wirst (Wieland); (26) Und wenn du meinen ersten Satz gehört haben wirst, so wirst du ruhiger werden (Fontane); (27) Wenn die Kommission

alle Zahlen geprüft haben wird, werde ich Auskunft geben (Kleine Grammatik 1954: 208).

3. Гипотетически-ретроспективный тип АСТ: (28) Erst jetzt kam ihm wieder seine Frau in den Sinn und der unselige Konflikt, der seine Ehe bedrohte. Nun, Clotilde wird sich in den vier Monate wohl alles gründlich überlegt haben, Zeit genug hatte sie dazu. Wir werden es ja sehen, morgen wird es sich zeigen! (Kellermann. Totentanz).

Глаголы движения типа gehen, laufen, fahren, квалифицируемые как лимитативно нейтральные, в форме футура II не встретились. Зафиксированы лишь два случая употребления подобных глаголов движения в рассматриваемой форме. Это АС с глаголом hingehen, которую мы рассмотрели в разделе, посвященном АС с предельными глаголами, а также высказывание с глаголом ansteigen, который выступает в переносном значении и выражает проспективный тип АСТ: (29) Die Erzeugung an Elektroenergie wird 1980 ... fast das Zehnfache von 1960 betragen. Die Stahlerzeugung wird auf etwa 250 Millionen Tonnen jährlich angestiegen sein (Neues Deutschland).

Может ли выражаться в высказываниях с футуром II от лимитативно нейтральных глаголов такой тип АС, в которой бы наблюдалась сопряженность двух контрастных аспектных признаков, т.е. такой тип, который мы условно обозначили как АСП + АСТ? В реальной действительности, безусловно, действие, обозначаемое глаголом überlegen, не может не характеризоваться, как правило, некоторой длительностью. Представляется, однако, что прототипическое аспектное содержание формы футура II и в этом случае акцентирует внимание на завершении процесса к определенной временной точке, в частности, в будущем. Ср.:

(30) Wenn du dir alles überlegt haben wirst, werden wir weiter darüber reden [Москальская 1975].

Гипотетический футур II со своей ориентацией на план прошедшего времени, судя по имеющимся в нашем распоряжении примерам, всегда связан с аспектным признаком терминативности, если он образован от глаголов предельных или лимитативно нейтральных. Ср. еще один пример: (31) Ja, Waldemar, Mantegna. Du wirst das Original in der Brera gesehen haben (Fontane. Romane und Erzählungen. 5. 235).

5.5.2.3. Аспектуальные ситуации с футуром вторым от неопределенных глаголов

В аспектологической литературе допускается возможность образования и употребления формы футура II от неопределенных глаголов. Допуская такую возможность, исследователи обычно не приводят

примеров из письменных источников, в лучшем случае примеры конструируются самим исследователем. Иногда исследователь, располагая соответствующим примером из источника, акцентирует свое внимание на иных семантических особенностях футура II, аспектная сторона остается не освещенной. Так, например, Ю.Л.Левитов, говоря о признаке уверенной гипотетичности, приводит пример на футур второй от неопределенного глагола *sein* (см. ниже (32) [Левитов 1969: 28]). Значение предположения, соотнесенного с планом прошедшего времени, демонстрируется с помощью сконструированного второго футура от неопределенного глагола *warten* [Москальская 1975: 103]. Наша выборка содержит всего лишь один пример на футур II от глагола *sein*. В общей сложности мы располагаем 4 примерами: 3 с глаголом *sein* и один с *warten*. Рассмотрим высказывания с футуром II от глагола *sein*:

(32) ... Anna Quangel sagt, begeistert von dieser Vision: "Und wir werden die ersten gewesen sein! Niemand wird es wissen, aber wir wissen es" (H.Fallada);

(33) "Wohnen ist gut. Ich habe einige Bohios gesehen, ich kenne sie auch von innen, das reicht mir". "Die von euren Plantagen in San Antonio werden nicht besser gewesen sein", sagte Orestes ärgerlich (Kruschel. Die Zauberer von Baracoa, 211);

(34) Auf dem Tisch liegt die Mappe des Lehrers. Er wird wohl hier vor kurzem gewesen sein (Балин, 1969а: 371).

В (32) выражается не состояние субъекта, имевшее место в определенный период времени, т.е. не состояние в его процессном аспекте, а переход в качественно новое состояние, возникновение которого вытекает из содержания последующей ситуации. Переход в новое состояние отображается здесь с помощью формы футура второго, как проспективно совершившийся факт. Таким образом, здесь мы имеем дело с проспективным типом АСТ.

В (33) передается ситуация, в которой констатируется факт наличия определенного свойства у предмета. Гипотетическая констатация факта пребывания субъекта в определенном местоположении в прошлом передается в (34). В обоих случаях отображается АСП. Различие состоит в том, что если в (34) признак процессности состояния сопряжен с признаком темпоральной законченности в связи с ориентацией на план прошедшего времени, то в (33) передаваемое свойство предмета оказывается актуальным и в момент речи. В (32) глагол *sein* близок по своему значению к предельному глаголу *werden*.

Рассмотрим АС с неопределенным глаголом *warten* в форме футура второго: (35) Sie wird jetzt (wohl) schon eine halbe Stunde auf mich gewartet haben - Das wird schon stimmen.

Наличие темпорального конкретизатора *jetzt* и экспликатора длительности *eine halbe Stunde* способствует тому, чтобы данную ситуацию интерпретировать, с одной стороны, как аспектно процессную, протекающую в момент речи, а с другой стороны, как ограниченную в своем протекании (*eine halbe Stunde*) - процесс ожидания уже не имеет места как в темпоральном, так и в аспектном плане. С аспектной точки зрения здесь мы скорее имеем тип АСП + АСТ (ср. значение русского глагола "прождать").

Если наша интерпретация рассмотренных выше ситуаций верна, то можно утверждать, что в высказываниях с футуром вторым от неопределенных глаголов могут отображаться три типа аспектуальных ситуаций, а именно: АСП (33), (34), АСП + АСТ (35) и АСТ (32). Отмеченный выше тип АСТ, а точнее $H = AСТ$ (32) становится возможным благодаря семантической специфике глагола *sein*, с одной стороны, а с другой стороны, благодаря темпорально-аспектной специфике формы второго футура, включающего в свой состав инфинитив II от глагола *sein*. Сочетание причастие II от глагола *sein* + тот же *sein* в качестве "вспомогательного глагола" часто связано с эффектом возникновения нового качества (свойства) у субъекта. Причем этот эффект приобретения нового качества может быть сопряжен с признаком актуальности уже приобретенного свойства в момент наблюдения. Новое качество субъекта, возникнув, имеет место и в момент наблюдения, т.е. выражается тип $H = AСТ + AСП$. Ср. следующую ситуацию, в которой употреблена форма плюсквамперфекта от глагола *sein*: (36) *Die Nervosität in seiner Umgebung begann auch ihn anzustecken. Nur Mario Voga war nicht zu erschüttern. Einmal in seinem Leben war er ein Held gewesen und hatte im Mittelpunkt gestanden, nun mochte geschehen, was wollte* (Brennecke. *Ein Fremder kam nach Aripuana*, 129).

В связи с употреблением глагола *sein* уместно было бы привести мнение В.Г.Адмони еще об одной особенности семантики этого глагола. Отмечая признак неограниченной длительности состояния, присущий значению глагола *sein*, В.Г.Адмони подчеркивает, что это значение в конечном счете может быть связано с признаком "изменение". Форма причастия второго от рассматриваемого глагола - *gewesen* в ее атрибутивном употреблении имеет собственно значение "vergangen", например, *der gewesene Minister* [Admoni 1986: 179]. Ср. также пример из нашей выборки:

(37) *Deine schlimmsten Feinde sind gewesene Freunde* (Brennecke. *Ein Fremder kam nach Aripuana*, 38).

Аспектно терминативная характеристика семантики футура II, так же как и футурального перфекта, обусловлена прежде всего темпорально-

аспектной спецификой составляющих этих аналитических образований. Признак терминативности выступает в качестве доминирующего не только при употреблении перфективных и ультрапредельных, но и просто предельных и лимитативно нейтральных глаголов. В форме футура II даже непредельные глаголы типа *sein* могут быть связаны с импликацией отображения трансформативного типа AC (ср. пример 32). В высказываниях с футуром II от непредельных глаголов не исключается также тип АСП + АСТ: *Sie wird jetzt (wohl) schon eine halbe Stunde auf mich gewartet haben - Das wird schon stimmen.*

Аналитические временные формы перфекта, плюсквамперфекта (результативного), футура II и футурального перфекта неразрывно связаны с аспектной терминативностью и признаком темпоральной законченности, которые в свою очередь могут обуславливать проявления таксисных отношений, основанных на значении временного предшествования между двумя или более элементарными ситуациями в рамках единой темпоральной плоскости.

Доминанция терминативного признака наиболее ярко проявляется при функционировании аналитических форм, сохранивших следы первоначального результативно-перфективного значения. Нами отмечены семь типов конструкций, сохранивших следы, прототипической "словосочетательной" модели с видовой семантикой, включающих в свой состав в качестве постоянных членов результативное, аспектно терминативное причастие второе и недесемантизированные глаголы *haben* и *sein*. Подобного рода образования мы относим к числу аналитических конструкций переходного, промежуточного типа. Они не представляют собой классический тип "аналитической формы слова" (см. подробнее: [Ризаев, 2007: 205-216]).

Заключение

Аспектуальность не является грамматической категорией в современном немецком языке. Она рассматривается нами как обобщающее понятие, охватывающее группировки различных функционально-семантических полей (ФСП - А.В.Бондарко), объединенных общим признаком "характер протекания действия во времени". Ядро поля аспектуальности в плане содержания составляет лексико-грамматическая категория лимитативности. Содержательными компонентами этого поля выступают, с одной стороны, акциональные значения предельности/непредельности, которые присущи глагольной лексеме уже в ее исходной форме, форме инфинитива, и, с другой стороны, аспектные значения достигнутой/недостигнутой предельности, которые реализуются, как правило, определенной словоформой в рамках высказывания. Именно совокупность этих акциональных и аспектных значений, а не семантическая оппозиция "имперфективность: перфективность», составляет ядро поля лимитативности в современном немецком языке. В плане выражения центральную часть поля лимитативности представляет темпорально-аспектная система немецкого глагола.

Акциональная оппозиция П/НП, как оппозиция признаков исходно семантических, свойственных глаголу в его системно-парадигматическом статусе, в "безвидовом" немецком языке основывается, за довольно редкими исключениями, только на наличии или отсутствии признака потенциального предела. Предельность/непредельность - свойство глагольной лексемы, которое будучи тесно связано с объективным характером отображаемого действия, вместе с тем обобщает аспектные признаки, присущие данному языковому знаку в его наиболее регулярных, массовых речевых реализациях ("акциональных фраз").

Немецкие глаголы подразделяются на три основных акциональных класса: предельный, непредельный и лимитативно нейтральный. Лимитативно нейтральные глаголы характеризуются тем, что оба контрастных акциональных признака совмещены в лексико-семантическом потенциале одной глагольной лексемы с одним и тем же "вещественным" значением и выражение каждого из них зависит от конкретного способа употребления.

Утверждения о том, что подключение контекста приводит к стиранию граней, отделяющих предельный глагол от непредельного, не выдерживают критики. Акциональная характеристика глагола в отличие от аспектной характеристики конкретной глагольной словоформы не стоит в прямой зависимости от ситуативных контекстных условий употребления глагола. Неразличение акциональных и аспектных признаков приводит к ошибочной характеристике глагольной лексемы в

плане П/НП. Непредельность и процессность - это разнородные семантические признаки. Непредельность есть отсутствие всякого внутреннего предела, как потенциального, так и реального. Признак же процессности не только всегда сопровождает направленность к пределу, но он может объединяться и с признаком достижения реального предела.

Утверждения такого рода, как то, что глагол "непредельный ... становится предельным...", противоречат определению сущности значения предельности. Непредельность - это отсутствие всякого внутреннего предела, который мог бы ограничивать действие хотя бы и в перспективе. Отсюда вытекает, что отсутствие признака предела в лексико-семантическом потенциале глагола непредельного несовместимо с возможностью его превращения в предельный.

Глаголы "непосредственного, непрерывного эффекта" (sehen, hören, fühlen, schreien, raten, lügen и т.п.) причисляются к лимитативно нейтральным на том основании, что специфика их лексического содержания, позволяющая отображать такие действия, "которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся "неэффективными", "безуспешными" и в то же время "могут мыслиться и как сколь угодно длительные" /Маслов 1984: 62/, предопределяет одновременно и аспектную и акциональную нейтральность. Это тот случай, когда мы наблюдаем тесную взаимосвязь между "вещественным" значением, аспектным признаком и акциональным свойством глагольной лексемы и взаимообусловленность всех этих компонентов.

При классификации глаголов по отношению к значениям П/НП мы обращаемся не к объективным характеристикам действия, взятого вне всякого отношения к способам его отображения, а к типам именно отображения действия, о котором в чисто "вещественном" плане следует говорить как об одном и том же. В отражательном же плане существенным становится не только объективное различие направленности/ненаправленности к пределу, но и включение или невключение этой направленности/ненаправленности в обобщенный образ ситуаций, которые осмысливаются (отображаются) с участием соответствующего глагола. Доминанция в одних случаях образа предельного действия или, в других случаях, образа непредельного действия в массе реальных употреблений глагола ведет к тому, что соответствующий, так сказать, вероятно "сильный" признак окрашивает собой закрепленное в языковой системе ядро, доминанту лексического значения глагола. С точки зрения такого вероятностного подхода к распределению немецких глаголов по соответствующим акциональным классам мы выделяем 6 групп глаголов: перфективные (значения глаголов связаны только с

реальным пределом: ankommen, finden, brechen, platzen), ультрапредельные (доминация реального предела: kommen, sterben, bringen, nehmen), предельные (лишь потенциальная предельность: steigen, fallen, sinken), лимитативно нейтральные (gehen, tragen, schreiben, essen, hören), неопредельные (arbeiten, wohnen, wandern), ультрапредельные (gehören, aussehen, sich langweilen, liegen, sitzen).

Глаголы, входящие в общий класс предельных, при их употреблении в речи отображают, как правило, трансформативные типы действий в соответствии с их онтологической природой, т.е. как достигшие реального предела. Различие между перфективными, с одной стороны, и ультрапредельными и просто предельными, с другой стороны, состоит в том, что первые во всех временных формах выражают актуальное достижение предела единичным локализованным во времени действием (в презенсе в сопряжении с признаком перцептивности), а вторые допускают возможность процессного представления трансформативного действия (за исключением перфекта, футура II, футурального перфекта).

Лимитативно нейтральные глаголы способны отображать как типы трансформативных, так и типы статальных действий. Неопредельные и ультрапредельные глаголы участвуют в основном в организации статальных типов аспектуальных ситуаций. В отличие от ультрапредельных глаголов, неопредельные глаголы часто допускают репрезентацию действия с моментом его начального или конечного ограничения.

Временные формы немецкого глагола представляют собой формы, в семантическом потенциале которых сопряженными оказываются темпоральные и аспектные признаки. Каждая временная форма характеризуется собственной семантической спецификой, обусловленной взаимодействием категориального акционального значения глагольной лексемы и собственно темпорального значения временной формы, в которой выступает соответствующая лексема.

Отсутствие "сквозного" морфологического противопоставления аспектных ракурсов представления действия как наблюдаемого в процессе его осуществления и как целостно совершившегося "факта" в безвидовом языке, каким является немецкий, в плане выражения аспектных характеристик действия выдвигает на передний план взаимодействие генерализованных в глагольной лексеме, в ее лексической семантике потенциалов аспектных "реализаций" действия в конкретных высказываниях в виде различных отношений действия к пределу ("акциональные" свойства глагольных лексем) и доминантных аспектных свойств глагольных форм, которые традиционно определяются как "временные формы", но обладают и своей аспектной спецификой. В безвидовом языке широкий простор открывается для таких глагольных

словоупотреблений, в которых аспектные признаки действия комбинируются необычным для языка с облигаторной грамматической категорией вида образом, возрастает роль контекстных факторов в конкретизации "характера протекания действия во времени", нередки случаи неопределенности, неуточненности его аспектных очертаний. Все это категорически запрещает (осознанное или неосознанное) прямое проецирование на семантику глагольных форм безвидового языка аспектуальных значений языка с грамматической категорией вида.

Список научной литературы

- Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Агрель С. О способах действия польского глагола // Вопросы глагольного вида. М., 1962. - С. 35-38.
- Адмони В.Г. О многоаспектно-доминантном подходе к грамматическому строю // Вопросы языкознания. 1961. № 2. - С. 42-52.
- Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М.; Л., 1964.
- Александрова Т.Н. Взаимодействие контекстных средств при выражении аспектуальных значений (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. Калинин, 1971. - 26 с.
- Александрова Т.Н. О разновидностях синхронии действий при выражении аспектуальных значений в немецком языке // Проблемы аспектологии. Калинин, 1977. - С. 3-8.
- Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре //Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 3. - С. 208-223.
- Арутюнова Н.Д. Предложение и смысл. М., 1976.
- Архипова И.В. Зависимый таксис немецкого языка (на примере высказываний с предложно-девербативными конструкциями). Новосибирск, 1998. - 234 с.
- Баклушин А.В. Аналитичность и флективность в системе и тексте: (на материале современного немецкого языка). Иркутск, 1989.
- Балин Б.М. Аспектологический контекст (лингвостатистический очерк) //Учен. зап. Владимирского пед. ин-та. Сер. Иностранные языки. 1968. Т. 55. - С. 15-21.
- Балин Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969.
- Балин Б.М. Несколько замечаний о монографии Свена-Гуннара Андерссона "Aktionalität im Deutschen" // Вопросы германской филологии. Калинин, 1974. Вып. I. - С. 8-16.
- Балин Б.М. О глагольной категории предельности/непредельности // Учен. зап. Калининского гос. пед. ин-та. 1967. Т. 57.
- Балин Б.М. О роли словосочетаний и контекста в разграничении "способов протекания действия" в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955. - 17 с.
- Балин Б.М. Соотношение основных понятий аспектологии //Вопросы романо-германского языкознания. Челябинск, 1969б. Вып. 3. - С. 130-134.
- Балин Б.М. Способы передачи совершенного вида средствами немецкого языка // Учен. зап. Ивановского пед. ин-та. 1963. Т. 33. - С. 66- 111.
- Балин Б.М., Нефедов В.Д., Морковина Н.В. Лингвистические критерии разграничения предельности/непредельности в системе немецкого глагола // Вопросы романо-германского языкознания. Башкирский гос. ун-т. Уфа, 1971.

- Балин Б.М., Бурмистрова Л.А., Чебурахина Н.Е. О причинах фазовых трансформаций действий в переводах с русского языка на немецкий // Проблемы аспектологии. Калинин, 1976. Вып. 2. - С. 3-16.
- Балин Б.М., Бурмистрова Л.А., Колосова Л.П., Малышкина, Н.В. Нефедов В.Д., Чебурахина Н.Е. Сравнительная аспектология русского и немецкого языков. Калинин, 1979.
- Башкирцева Э.С. Влияние контекста на аспектологическую характеристику немецкого глагола (роль рядов сопряженных в последовательности действий и состояний): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 1970.
- Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке: Монография. – М.: Изд-во «Ком Книга», 2007. – 316 с.
- Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке. Автореф. дис. д-ра филол. наук. М. 2008. – 40 с.
- Белошапкова Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.) Труды и материалы. М., 2007. - С. 192-193.
- Белошапкова Т. В. Категория аспектуальности в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сборник научных трудов / РАН. Институт языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.Р. Державина. М., 2007. - С. 176-186.
- Береснева В. А. Синкретизм временных форм в современном немецком языке. Н. Новгород, 1999.- 203 с.
- Боднарук Е.П. Конкуренция футура и футурального презенса в немецкой диалогической речи (На материале художественной литературы). Архангельск, 2001.- 197 с.
- Бондарко А.В. Аспектуальные ситуации // Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. М., 1983а. - С. 11-19.
- Бондарко А.В. Введение. Теория значения в аспектологических исследованиях // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.- С. 5-21.
- Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко А.В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987а. - С. 210-233.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко А.В. Длительность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987б. - С. 94-123.

- Бондарко А.В. Интерпретационный компонент языковых значений и понятия эквивалентности в сопоставительной лингвистике // Zeitschrift. Slavistik. 1990a. 3d. 35. H. 4. - S. 482-487.
- Бондарко А.В. Лимитативность как функционально-семантическое поле // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987в. - С. 46-63.
- Бондарко А.В. Лимитативные ситуации // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987г. - С. 85-98.
- Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983б.
- Бондарко А.В. Семантика предела // Вопросы языкознания. 1986. № I. - С. 14-25.
- Бондарко А.В. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987д. - С. 40-62.
- Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А.В., Калиущенко В.Д., Павлов В.М. Словообразование и функциональная грамматика // Beitrage zur Slavistik. Hrsg.von Herberg Jelitte. XVI. 1991. 3. - С. 277-298.
- Бушуй А.М. Сущность языка как проблема общей лингвистики. – Самарканд: СамГИИЯ, 2004. – 90 с.
- Бушуй Т.А. Язык в истории развития человеческой мысли. – Ташкент: Фан, 2011. – 384 с.
- Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. Вопросы глагольного вида. М., 1962. - 438 с.
- Габдрахманова А.С. Грамматическая семантика и функциональные характеристики аспектуально-видовых форм глагола прошедшего времени в татарском, турецком и английском языках. Автореф. дис... канд. филол. наук. Чебоксары, 2009. – 25 с.
- Гакен О.Д. Система средств выражения итеративности глагольного действия в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1979.
- Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка: (Проблема глагольного вида в татарском языке). Казань, 1963.
- Гарифулин Л.Б. Акциональный уровень категории аспектуальности // Вопросы романо-германского языкознания. Челябинск, 1971. Вып. 2. Ч. 2.- С. 104-120.
- Гарифулин Л.Б. Акциональный уровень категории аспектуальности (в плане выражения) // Некоторые вопросы романо-германской филологии. Челябинск, 1972. Вып. 5. - С. 69-76.
- Гарифулин Л.Б. Аспектологические особенности немецкой фразеологии // Система глагола и фразеология современного немецкого языка. Челябинск, 1965. - С. 71 - 90.

- Гарифулин Л.Б. Аспектологическая характеристика фразеологической синонимии // Вопросы немецкой филологии. Челябинск, 1972 а. Вып. 2. - С. 30-37.
- Гарифулин Л.Б. Из истории проблемы аспектуальности в немецком языкознании // Вопросы немецкой филологии. Челябинск, 1972б. Вып. 2. - С. 111-121.
- Гарифулин Л.Б. Структура категории аспектуальности // Вопросы романо-германского языкознания. Челябинск, 1969. Вып. 3.- С. 143-147.
- Гарифулин Л.Б. Фразеологическая антонимия и акциональность // Вопросы немецкой филологии. Челябинск, 1972в. Вып. 2.- С. 25-30.
- Гейн Н.В. Функция неотделяемых приставок в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1950.
- Герман Э. Вид объективный и вид субъективный // Вопросы глагольного вида. М., 1962. - С. 44-59.
- Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Горохова И.М., Филиппова Н.А. Пособие по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1985.
- Гузев В.Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л., 1990.
- Гулыга Е.В. К вопросу о взаимосвязи уровней (языковые макро- и микрополя) // Лингвистика и методика в высшей школе. М., 1967. - С. 13-22.
- Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
- Гусман Тирадо Р. Функционально-семантическое поле аспектуальности в русском и испанском языках: опыт функциональной грамматики // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. - С. 117- 174.
- Гухман М.М. Единицы анализа словоизменительной системы и понятие поля // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. - С.163-170.
- Дешериева Т.И. Исследование видо-временной системы в нахских языках. М., 1979.
- Домбровская Р.А. Взаимодействие временной и видовой семантики в системе немецкого глагола: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1974.
- Жеребков В.А. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола // Учен. зап. Калнинского гос. пед. ин- та. 1970. Т. 72. Вып. 3.
- Зеленецкий А.Л., Монахов Н.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.
- Золотова Г. А. Аспектологические проблемы с точки зрения структуры текста // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997.
- Зорьева В.М. Поле завершительности немецкого глагольного действия в сопоставлении с английским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1979.

- Илькив Н.В. Контекстные ситуации, обуславливающие аспектологический дуализм действий в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1981.
- Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1960. Ч. П.
- Климов В.В. Выражение начала глагольного действия в процессе развития немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1969.
- Климов В.В. Контекстные средства реализации ингрессивного способа протекания действия в немецком языке // Учен. зап. Калининского пед. ин-та. Сер. Иностранные языки. 1968. Т. 55. - С.50-57.
- Колосова Л.П. Аспектологическая ценность немецкого дополнения: (на материале глаголов передвижения): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Калинин, 1970.
- Кошмидер Э. Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962. - С. 105-167.
- Кульбакин А.А. Глагольные временные формы в немецком языке и их видо-временные эквиваленты в русском языке. Воронеж, 1983.
- Кульбакин А.А. Средства выражения аспектуальности в современном немецком языке в сопоставлении с русским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977.
- Левитов Ю.Л. О факторах, влияющих на выбор глагольных форм индикатива для выражения будущего в современном немецком языке // Учен. зап. Калининского пед. ин-та. 1969. Т. 65.- С. 16-39.
- Лейкина Б.М. Модифицирующие валентности и смысловая комбинаторика элементарных предикаций в конструкциях с предикатными актантами // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985. - С. 21-25..
- Лихтерова Б.Л. Исследование средств выражения начинательности в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Ломов А.М. Аспектуальная характеристика действия и ее типы // Вопросы русской аспектологии. Воронеж, 1975. Т. 146. - С.64-89.
- Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
- Малинина Р.А. Немецкие текстовые эквиваленты татарским аналитическим конструкциям и глаголам с отчетливой акциональной семантикой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1983.
- Малышкина Н.В. О переводимости фазовых СД с русского языка на немецкий // Проблемы аспектологии. Калинин, 1977. - С. 113-128.
- Маслов Ю.С. Andersson S.-G. Aktionalität im Deutschen // Вопросы языкознания. 1976, № 2. - С. 126-129.
- Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962. - С. 7-32.
- Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. - С. 4-44.
- Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. - 262 с.

- Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965. - С. 58-80.
- Махонина Е.В. К вопросу о функционировании немецких предельных и неопредельных глаголов по временным формам // Вопросы грамматики и стилистики немецкого языка. Калинин, 1972. - С. 59-65.
- Мещерякова Е.М. Фигура наблюдателя в видо-временной семантике (на материале русского и английского языков). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М. 2009. – 28 с.
- Михайлов В.А., Павлов В.М. Об основаниях классификации в лингвистике // Логика и язык. М., 1985. - С. 5-13.
- Морковина Н.В. Зависимость критериев распределения глаголов на П:НП от лексического значения глагола // Учен. зап. Калининского пед. инта. 1969. Т. 65.- С. 97-104.
- Морковина Н.В. Предельность/непредельность немецких глаголов как категория семасиологического уровня: (опыт дистрибутивного и трансформативного анализа): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1968.
- Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. 2-е изд. М., 1975.
- Мыркин В.Я. Аспектуальная и темпоральная характеристика глагола (на материале немецкого языка). Дис. д-ра филол. наук. - С.-Петербург, 1996. - 212 с.
- Мыркин В.Я. Атрибутивное причастие в русском и немецком языках // Сопоставительные исследования семантического взаимодействия единиц разных уровней в системе немецкого и русского языков. Тула, 1986. - С. 55-60.
- Мыркин В.Я. Вид и время глагола в русском и немецком языках: сопоставительный анализ). Л., 1989.
- Мыркин В.Я. Контекст и выражение аспектуальности в немецком языке в сопоставлении с русским // Грамматические значения глаголов и глагольных конструкций в немецком языке. Вологда, 1981.- С. 41-49.
- Мыркин В.Я. Трудные вопросы немецкой аспектологии и темпорологии: Учеб. пособие. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1993. - 135 с.
- Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность. Л., 1989.
- Насилов Д.М., Ризаев Б.Х. Фаза прекращения процесса в узбекском языке // С. тюркология. Баку, 1983, № 4. - С. 79-91.
- Нефедов В.Д. Влияние обстоятельств внешней и внутренней характеристики действия на аспектологическую тенденцию предельных и неопредельных глаголов в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1968.
- Нефедов В.Д. О некоторых лингвистических возможностях различения предельности/непредельности в системе немецкого глагола //Немецкий глагол: Учен. зап. Калининского пед. ин-та. 1968. Т. 59.- С. 83-98.
- Нечаева А.И. Аспектуальная характеристика предикатов поведения// Acta Linguistica, Vol. 1, No 2 (2007).
- <http://open.slavica.org/index.php/als/article/download/91/97/109-334-1-PB.pdf>
- Нурмухамедов А. Выражение начинательности глагольного действия в

современном немецком и узбекском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976.

Павлов В.М. Полевой подход и континуальность языковой системы//Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона / Отв. ред. А. В.Бондарко. – Санкт-Петербург: "Наука", 1998. - С. 22-27.

http://iling.spb.ru/grammatikon/pavlov_1998.pdf

Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.

Павлов В.М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике "временных форм" немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984. - С. 42-70.

Павлов В.М., Ризаев Б.Х. Глаголы со связанными финитивными значениями в немецком языке // Семантическая организация грамматических единиц в романо-германских языках. Красноярский пед. ин-т. 1987. - С. 3- 20.

Павлов В.М., Ризаев Б.Х. О принципах выделения строевых фазовых глаголов, выражающих значение прекращения процесса //Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, № 537. Аспектуальность и средства ее выражения. Тарту, 1980. - С. 128-139.

Павлов В.М., Ризаев Б.Х. Субкатегориальные значения фазы прекращения процесса в фазовых аналитических конструкциях немецкого языка //Способы действия германского глагола в синхронии и диахронии. Калинин,1983.- С.71-84.

Падучева Е. В. Семантический инвариант видового значения глагола в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004.

Пачковский В.С. Проблема взаимосвязи между выражением способов протекания действия и управлением глаголов в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1955.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

Пчелинцева Е.Э. Семантический потенциал имен действия в сфере аспектуальности// Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Соломона Давидовича Кацнельсона. Институт лингвистических исследований РАН, СПб, 2007. – С. 168-170.

http://iling.spb.ru/grammatikon/mater/dsk2007/tez2007_pchelintseva.pdf

Размусен Л.П. О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал Министерства народного образования. 1891. Т. 275. - С. 376-417.

Рахманкулова И.-Э.С. К вопросу о теории аспектуальности// Вопросы языкознания: №1.2004. – С. 3-28.

- Ризаев Б.Х. Аспектуальная амбивалентность немецкого глагола //Единство системного и функционального анализа языковых единиц (Материалы международной конференции 12-13 октября 1999) Вып. IV.Белгород, 1999. – С. 86-88.
- Ризаев Б.Х. Аспектная семантика футура первого // Хорижий филология».- Самарканд: СамДЧТИ. 2005 № 4 (17). - С. 20-24.
- Ризаев Б.Х. Аспектуальные ситуации с футуром вторым от предельных глаголов// Профессор – ўқитувчиларнинг анъанавий 13 илмий конференцияси материаллари.- Самарканд: Сам ДЧТИ. 2007. – С. 8-9.
- Ризаев Б.Х. Аспектуальные особенности семантики форм плюсквамперфекта в современном немецком языке//Профессор ўқитувчиларнинг 1 илмий-назарий анжумани материаллари. - Самарканд: СамДЧТИ. 1995.- С. 24-25.
- Ризаев Б.Х. Аспектно-темпоральная специфика конструкций с причастием II //Профессор -ўқитувчиларнинг III илмий-назарий анжумани материаллари. Самарканд: СамДЧТИ, 1997. - С. 93-99.
- Ризаев Б.Х. Аспектная семантика футурального перфекта в современном немецком языке //Профессор-ўқитувчиларнинг IVилмий- назарий анжумани материалари.- Самарканд: СамДЧТИ. 1998.- С. 42-45.
- Ризаев Б.Х. Аспектная семантика футура II //Профессор- ўқитувчиларнинг V илмий-назарий анжумани материаллари 1. қисм. - Самарканд: СамДЧТИ. 2000.- С. 29-32.
- Ризаев Б.Х. Аспектная семантика перфектных и плюсквамперфектных форм немецкого глагола. – Самарканд: СамГИИЯ. 2003.- 99 с.
- Ризаев Б.Х. Аспектуальная характеристика конструкций с функциональным глаголом kommen// Til tizimi sathlari: Semantik-funksional va struktur asoslar. Respublika ilmiy-amaliy anjumani materiallari (Samarkand, 2009-yil 18-19 dekabr).– С. 17-20.
- Ризаев Б.Х. Аспектуальная характеристика сочетаний с глаголом юрмоқ// Сб. статей «Тил бирликларининг структур ва семантик хусусиятлари». – Самарканд, 2012.- С. 10-15.
- Ризаев Б.Х. Глаголы «непосредственного и непрерывного эффекта и их отношение к значению лимитативности // Строй языка и методы обучения иноязычному общению. Вып. 2. – Самарканд: СамГУ, 1998а. - С. 78-85.
- Ризаев Б.Х. Грамматическое значение фазы прекращения процесса и аналитические средства его выражения в современном немецком языке. Дис. канд. филол. наук. – Ленинград. 1981.
- Ризаев Б.Х. К проблеме аспектологической терминологии// Тил ва ижтимоий-маданий мулоқотлар// Республика илмий-амалий анжумани материаллари: Самарқанд, 2013йил 26-27 апрель, 1-китоб. - С. 12-14.
- Ризаев Б.Х. К проблеме лимитативно нейтральных глаголов современного немецкого языка // Лингвистические исследования: Аспекты грамматического анализа. М., 1990.- С. 131-140.

- Ризаев Б.Х. К проблеме предельности и неопределённости немецкого глагола: (на примере глагола *kommen*) // Лингвистические исследования 1989: Функционирование грамматических категорий. М., 1989.- С. 138-145.
- Ризаев Б.Х. Импликация терминативности в практике немецко-русских литературных переводов // Бадий матн поэтикаси. Виктор Гюго таваллудининг 200 йиллигига бағишланган халқаро илмий конференция маъруза тезислари. – Самарканд: СамДЧТИ, 2002.- С. 53-54.
- Ризаев Б.Х. О грамматикализации глаголов движения // Художественный перевод в контексте лингвистики, литературоведения и межкультурных связей (Материалы республиканской научно-практической конференции.- Джизак, 22-23 апреля 2011).- С. 364-365.
- Ризаев Б.Х. О некоторых противоречиях, связанных с темпорально - аспектной семантикой презенса. // «Хорижий филология: тил, адабиёт ва таълим».- Самарканд: СамДЧТИ нашриёти. 2001. № 14.- С. 31-35.
- Ризаев Б.Х. О переводимости футуральных аспектуальных ситуаций на видовой русский язык//Тил ва нутқ систем-сатҳ талқинида. Филология фанлари доктори, профессор Ҳ.А.Арзикулов хотирасига бағишланган халқаро илмий-назарий конференция материаллари (2005 йил 10- 11 октябр)- Самарканд: СамДЧТИ. 2005а. - С. 30- 32.
- Ризаев Б.Х. О роли «внеязыковой ситуации» при интерпретации аспектных значений в современном немецком языке //«Хорижий филология» 1(14), Самарканд, 2005б. - С. 19-21.
- Ризаев Б.Х. О темпоральных функциях презенса // «Хорижий филология: тил, адабиёт ва таълим».- Самарканд: СамДЧТИ нашриёти. 2005в. №3 (16). - С. 30-33.
- Ризаев Б.Х. О функционировании перфективных глаголов во временных формах немецкого языка// Система языка и современная лингводидактика. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения канд. филол. наук, доцента Нематуллы Эльмуродова. (г. Самарканд, 25-26 марта 2011года).- С. 44-46.
- Ризаев Б.Х. Проблема аспектной семантики временных форм немецкого глагола. Аспектная семантика претерита. “Фан”. Ташкент, 1999 а.- 121 с.
- Ризаев Б.Х. Проблемы немецкой аспектологии.«Укитувчи».Ташкент,1988.- 96 с.
- Ризаев Б.Х. Проблема классификации глаголов по отношению к значениям предельности/неопределённости //Хорижий филология: тил, адабиёт, таълим. - Самарканд. №2, 2007.– С. 40-47.
- Ризаев Б.Х. Противоречивое единство противоположных аспектных признаков в потенциале перфекта //Матн ва унинг талқини. Халқаро илмий-назарий конференция материаллари.- Самарканд: СамДУ. 2000б.- С. 15-19.
- Ризаев. Б.Х. Роль отрицания в выражении аспектной семантики в перфектных аспектуальных ситуациях// Хорижий филология: тил, адабиёт, таълим. Самарканд. № 1 (38) , 2011.- С. 48-50.
- Ризаев Б.Х. Семантическая и синтаксическая двойственность «аналитических форм» глагольного спряжения// Общее и германское языкознание. К пяти-

- десятилетию научной деятельности профессора Владимира Михайловича Павлова. Труды Института лингвистических исследований. Том III, часть 1. Санкт-Петербург. «Наука». 2007а.- С. 205-216.
- Ризаев Б.Х. Темпорально-аспектная семантика презентных и футуральных форм немецкого глагола. - Самарканд, 2008.-142 с.
- Ризаев Б.Х. Типы презентных аспектуальных ситуаций с предельными глаголами //«Хороший филология» 2 (15). - Самарканд, 2005г. - С. 13-17.
- Ризаев Б.Х. Типы презентных аспектуальных ситуаций с лимитативно нейтральными глаголами //Профессор - ўқитувчиларнинг 11 илмий-назарий анжумани материаллари (2005 йил, май).- Самарканд: СамДЧТИ. 2005д. – С. 43-45.
- Ризаев Б.Х. Типы презентных аспектуальных ситуаций с неопредельными глаголами // Нутқ лингвистикаси. Ҳалқаро илмий-назарий конференция материаллари. Самарқанд , 2006.- С. 17-18.
- Роганова З.Е. Перевод видовых форм русского языка на немецкий язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
- Роганова З.Е. Способы уточнения видовых значений русского глагола при переводе на немецкий язык // Вопросы языка и литературы. М., 1959. - С. 31-53.
- Рябова Г.М. Употребление перфекта в немецком языке: (сравнительно с другими прошедшими временами): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Л., 1953.
- Серебренников Б.А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.
- Серенсен Х.К. Вид и время в славянских языках (отрывки) // Вопросы глагольного вида. М., 1962. - С. 184-196.
- Сильницкий Г.Г. Структура глагольного значения и результатов //Типология результативных конструкций. Л., 1983. - С. 54-65.
- Титаренко Е. Я. Лексические и грамматические семы русского глагола // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Межд. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004. - С. 263-264.
- Торопова Н.А. Локальные уточнители при немецких глаголах движения как фактор формирования значений, эквивалентных видовым: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1966.
- Торопова Н.А. Предельность : неопредельность и вид: (на материале немецких глаголов движения) // Учен. зап. Калнинского и Владимирского пед. ин - тов. Сер. Иностр. яз. 1968. Т. 55. - С. 22-28.
- Третьякова Ю.Н. Особенности аспектуального дистрибутивного окружения немецких ультранепредельных глаголов: Автореф. дис... канд. филол. наук. Львов, 1986.
- Фомина Н.П. Способы выражения характера протекания действия (состояния) в немецком языке // Вопросы синтаксиса, стилистики и методики преподавания немецкого языка. М., 1967. - С. 109-123.

- Хакимова Л.К. Взаимодействие акциональных планов в семантике производного глагола: (на материале современного немецкого языка): Дис. ... канд. филол. наук, Л., 1986 (рукопись).
- Холод С.И. Лимитативные ситуации с глаголами движения // III Международный конгресс исследователей русского языка "Русский язык: исторические судьбы и современность", Сборник тезисов, МГУ, М., 2007.
<http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/25.pdf>
- Храковский В.С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, № 537. Аспектуальность и средства ее выражения. Тарту, 1980. - С. 3-23.
- Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.- С. 124-152.
- Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. Л., 1989. - С. 5-53.
- Черткова М. Ю. Типология категории вида / аспекта в разноструктурных языках мира. Дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2005.
- Черткова М. Ю. Двувидовые глаголы русского языка как зеркало развития универсальной категории вида / аспекта // *Glagol'nyj vid u lexicografia. Slavolinguistica 4* / Ed. V. Lehmann. München, 2006.
- Черткова М. Ю. Типология и эволюция функционально-структурных моделей категории вида/аспекта (на материале современных русского, французского, шведского, финского и японского языков) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 4. М., 2004.- С.183-252.
- Шарикова Л. А. Немецкий аналитический результатив в разных функциональных стилях. Барнаул, 1999. - 202 с.
- Шеина М.К. Добавки, компенсирующие аспектуальную недостаточность немецкого глагола в переводах с русского языка на немецкий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1984.
- Шелякин М.А. Предельные и непредельные глаголы несовершенного вида // Семантика и функционирование категории вида русского языка: Вопросы русской аспектологии III. Тарту, 1978. - С.43-63.
- Шелякин М.А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. - С. 63-84.
- Шубик С.А. Аспектуальность и залоговость в немецком языке // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.- С. 166-174.
- Щипицына Л.Ю. Средства выражения процессной предельности в немецком языке. Дис. канд. филол. наук. Архангельск, 2002. - 203 с.
- Якобзон Г. Из рецензии на книгу Якова Вакернагеля "Лекции по синтаксису" // Вопросы глагольного вида. М., 1962. - С. 39-40.

- Якобсон Р.О. Шрифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. - С. 95-113.
- Admoni W. Der deutsche Sprachbau. 3. Aufl., Leningrad, 1972.
- Admoni W. Der deutsche Sprachbau. 4. Aufl., Moskau, 1986.
- Agrell S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte: Ein Beitrag zum Studium der indogermanischen Praverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen. Lund, 1908.
- Andersson S.-G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. I. Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen. Uppsala, 1972.
- Andersson S.-G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. II. Korpusanalyse. Mit einem Exkurs über Aktionalität im deutschen Verbalformsystem. Uppsala, 1978.
- Andersson S.-G. Zu "Aktionalphrase und Verlaufsordnung". Kritik einer Kritik. Von Artikel von Lars Johanson "Aktionalphrase und Verlaufsordnung" // Studia Neophilologica. 1976. Vol. 48. - S. 36-53.
- Andersson S.-G. H.Gross. Der Ausdruck des 'Verbalaspekt' in der deutschen Gegenwartssprache. Diss., Hamburg, 1974. - 157 S.
- Azzalino W. Wesen und Wirken von Aktionsarten und Aspekt // Neuphilologische Zeitschrift. Berlin-Hannover, 1950. H. 2. - S. 192-203.
- Balin B.M., Zerebkov V.A. Aspektuell relevanter Kontext in der germanischen Sprachen // Linguistics. 1973, N 117. - S. 5-13.
- Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. 2. Aufl., Dusseldorf, 1971.
- Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1904.
- Delbrück B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. II. Straßburg, 1897.
- Deutschbein M. Aspekte und Aktionsarten im Neuenglischen // Neuphilologische Monatschrift. 1939.
- Deutschbein M. Die Einteilung der Aktionsarten // Englische Studien. 1920. Bd. 54. H. I. - S. 80-83.
- Dieling K., Kemter F. Die Tempora. Leipzig, 1983.
- Deutschbein M. Grammatik der englischen Sprache auf wissenschaftlicher Grundlage. Heidelberg, 1959. .
- Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearbeitet und erweiterte Aufl., Mannheim, 1984.
- Gründzüge einer deutschen Grammatik. Akademie-Verlag. Berlin, 1981.
- Egg M. Aktionsart und Kompositionalität: Zur kompositionellen Ableitung der Aktionsart komplexer Kategorien. Berlin: Akad. Verl., 1994. - 209 S.
- Erben J. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin, 1961.
- Flämig W. Zur Funktion des Verbs: Tempus und Temporalität - Modus und Modalität – Aktionsart und Aktionalität// Probleme der Sprachwissenschaft. Beiträge zur Linguistik aus Jahrgängen 1964 -1967 der Zeitschrift „Deutsch als Fremdsprache“. Leipzig, 1971.- S. 253- 289.

- Harweg R. Aspekte als Zeitstufen und Zeitstufen als Aspekte //Linguistics. N 181, 1976. - S. 5-28.
- Häuser-Suida U., Hoppe-Beugel G. Die Vergangenheitstempora in der deutschen geschriebenen Sprache der Gegenwart. München; Düsseldorf, 1972.
- Heger K. Die Bezeichnung temporal-deiktischer Begriffskategorien im französischen und spanischen Konjugationssystem. Tübingen, 1963. VIII + 244 S.
- Heideloph K.E. , Flämig W., Motsch W. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, 1981.
- Helbig G. Probleme der Beschreibung von Funktionsverbgefügen im Deutschen // Deutsch als Fremdsprache, 5/1979. 16. Jahrgang. Leipzig, 1979. - S. 273- 285.
- Helbig/Buscha. Deutsche Grammatik. 6. Auf1., Leipzig, 1980.
- Herrmann E. Aspekt und Aktionsart // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1933.
- Herrmann E. Objektive und subjektive Aktionsart // Indogermanische Forschung, 45. 1927.
- Hollmann E. Untersuchungen über Aspekt und Aktionsarten unter besonderer Berücksichtigung des Altenglischen. Diss. Jena, 1937.
- Johanson L. Aktionalphrase und Verlaufsordnung: In margine einer Monographie zur "Aktionalität im Deutschen" // Studia neophilologica. 1975. 47. N1. -S. 120-150.
- Johanson L. Aspekt im Türkischen:Vorstudien zu einer Beschreibung des türkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971.
- Johanson L. Zur Theorie der "Aktionalität" // Studia neophilologica. 49. 1977, N 1. - S. 119-128.
- Klein H.G. Tempus, Aspekt, Aktionsart. Tübingen, 1974.- 117 S.
- Koschmieder E. Aspekt und Zeit // Slavistische Studien zum V.Internationalen Slavistenkongreß in Sofia. 1963.
- Kühnl R. Zu einigen Fragen der Konfrontation des russischen Verbalaspekts mit deutschen Aspektdifferenzierungsmitteln // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Uni. 1975. N 6. - S.793-794.
- Lallement R. Die Kombinierbarkeit von Aspekt im Deutschen // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. 17 Jahrgang. 3/89. Erich Schmidt Verlag. - S. 264-278.
- Machonina E., Balin B., Pitschujewa N., Nefjedow W. Aspektologische Häufigkeitswörterliste des deutschen Verbs. Kalinin, 1971.
- Markus M. Tempus und Aspekt. Zur Funktion von Präsens, Präteritum und Perfekt im Englischen und Deutschen. München, 1977.
- Mehlig H. R. Aspect and Bounded Quantity complements in Russian //Perspectives on Slavistics III. Hamburg, August 28-31, 2008.
- <http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/pos3/booklet.pdf>
- Moser H. Zur Situation der deutschen Gegenwartssprache // Studium generale. 1962, N 1.

- Petkov P. Über die Ausdrucksmittel im Deutschen für die nicht abgeschlossene und aspektuell abgeschlossene Handlung // Zeitschrift für Phonetik. Berlin, 1965. Bd. 18, H. 6. - S. 551-572.
- Pollak H. Problematisches in der Lehre von Aktionsart und Aspekt // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bd. 86. H. 3. München, 1967. - S. 397-420.
- Polenz P. Funktionsverben im heutigen Deutsch. Sprache in der rationalisierten Welt. Pädagogischer Verlag Schwann. Düsseldorf, 1963.
- Porzig W. Zur Aktionsart indogermanischer Präsensbildung // Indogermanische Forschung. Bd. XLV. 1927. H. I. S. 152-167.
- Renicke H. Grundlegung der neuhochdeutschen Grammatik: Zeitlichkeit - Wort und Satz. Berlin, 1961.
- Sacker U. Aspektueller und resultativer Verbal Ausdruck im Französischen, Italienischen, Russischen und Deutschen // Tübinger Beitrag zur Linguistik. 1983.
- Saltweit L. Synonymik und Homonymie im deutschen Tempussystem // Studien zur Syntax des heutigen Deutsch. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. 6. Düsseldorf, 1970. - S. 137-153.
- Schlachter W. Verbalaspekt als grammatische Kategorie // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. München, 1959. H. 13.
- Schmidt V. Streckformen des deutschen Verbums. Halle (Saale), 1968.
- Schneider K. Der russische "Aspekt" als Sonderfall eines allgemeineren Aspektbegriffes // Scandoslavica. 1967. T. 13. - S. 181-196.
- Schöning Cl. Hilfsverben im Tatarischen: Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen. Wiesbaden, 1984.
- Schwall U. Aspektualität: eine semantisch-funktionelle Kategorie. Tübingen: Narr, 1991.
- Verkuyt H.J. On the compositional nature of the aspects. Dordrecht, 1972. XIII + 185 p.
- Wellander E. Aktionsart och aspekt // Nysvenska studier. Uppsala, 1964.

Список использованных словарей

1. Большой немецко-русский словарь Т. 1-2 (составители: Е.И.Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И.Филичева, М.Я.Цвиллинг, Р.А.Черфас) под руков. проф. О.И.Москальской. М., "Советская энциклопедия", 1969.
2. DGW - Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache in 6 Bänden, hrsg. u. bearb. ... unter Leitung von G. Drosdowski. Mannheim - Wien - Zürich, 1976-1981.
3. Wörterbuch verbaler Wendungen Deutsch-Russisch: Eine Sammlung verbal-nominaler Fügungen von E.Günther u. W.Förster. 1. Aufl., Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1987.
4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, hrsg. von R. Klappenbach u. W. Steinitz. B-de 1-6. Berlin, 1978 (9. Aufl.),

Список сокращений

АС	-	аспектуальная ситуация
АСП	-	аспектуальная ситуация процессности
АСТ	-	аспектуальная ситуация терминативности
ДП	-	достигнутость предела
Н	-	начало (процесса)
НДП	-	недостигнутость предела
НП	-	непредельность
НСВ	-	несовершенный вид
НЭ	-	глагол „непрерывного эффекта“
П	-	предельность
САД	-	ситуация аспектологического дуализма
СВ	-	совершенный вид
СД	-	способ действия
СДП	-	сопряженность действий в последовательности
СФГ	-	сочетания с функциональными глаголами
ФГ	-	функциональный глагол
ФСП	-	функционально-семантическое поле
EG	-	Erreichung einer Grenze der Handlung
Gbz	-	Grenzbezogenheit
Ngbz	-	Nichtgrenzbezogenheit
NEG	-	Nichterreichung einer Grenze der Handlung

Оглавление

Введение.....	3
Глава первая. Основные этапы развития немецкой аспектологии и ее современное состояние.	7
1.1. Критический анализ аспектологической литературы.....	7
1.2. Характерные тенденции в развитии немецкой аспектологии.....	26
Глава вторая. Семантика аспекта и его статус в "безвидовом" немецком языке. Средства выражения аспектной семантики.....	30
2.1. К проблеме аспектологической терминологии.....	30
2.2. «Способы рассмотрения» аспектной семантики.....	31
2.3. О средствах выражения аспектных значений	42
2.4. О роли «внеязыковой ситуации» при интерпретации аспектных значений	43
2.5. Субъективно-объективная сущность категории аспекта.....	45
Глава третья. Категория предельности/непредельности.....	50
3.1. Проблема классификации глаголов по отношению к значениям предельности/непредельности.....	50
3.2. Бинарная или тройственная классификация глаголов?.....	60
3.3. Специфические особенности нейтральных глаголов.....	69
3.4. Глаголы «непосредственного, непрерывного эффекта».....	71
3.5. Аспектуальная амбивалентность немецкого глагола.....	76
Глава четвертая. Категория способов действия	78
4.1. Проблема классификации способов действия.....	78
4.2. Фазовые значения в системе аспектуальности.....	85
4.3. Средства выражения способов действия.....	88
4.3.1. Морфологические средства выражения.....	91
4.3.2. Аналитические средства выражения.....	94
4.3.2.1. Фазовые аналитические конструкции.....	94
4.3.2.2. Сочетания с функциональными глаголами.....	97
Глава пятая. Характеристика аспектной семантики временных форм немецкого глагола.....	104
5.1. Аспектная семантика претеритных аспектуальных ситуаций.....	106
5.2. Аспектная семантика перфектных аспектуальных ситуаций	111
5.3. Аспектная семантика плюсквамперфектных ситуаций.....	119
5.4. Аспектная семантика презентных ситуаций.....	124
5.5. Аспектная семантика футуральных ситуаций	129
5.5.1. Аспектуальные ситуации с футуром первым.....	129
5.5.2. Аспектуальные ситуации с футуром вторым.....	132
5.5.2.1. Аспектуальные ситуации с футуром вторым от предельных глаголов.....	132
5.5.2.2. Аспектуальные ситуации с футуром вторым от лимитативно нейтральных глаголов.....	136
5.5.2.3. Аспектуальные ситуации с футуром вторым от непредельных глаголов.....	137

Заключение.....	141
Список научной литературы.....	145
Список использованных словарей.....	159
Список сокращений.....	159

Баходир Ризаев

**ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
ЛИМИТАТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Редактор: **Д. Киселев**

Тех. редактор: **А. Каюмов**

Компьютерная верстка: **А. Кудратов**

Подписано в печать 23.10.2013 г.

Заказ № 227. Формат А5. Бумага офсетная.

Отпечатано офсетным способом. Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии СамГИИЯ.
г. Самарканд, ул. Бустонсарой, 93.